

Московский журнал международного права

- ГЛОБАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА
- МОРСКИЕ ГРАНИЦЫ РОССИИ
- КОНЦЕПЦИЯ "ОТКРЫТОГО НЕБА"
- КОНКУРЕНЦИЯ ЮРИСДИКЦИЙ ГОСУДАРСТВ
- НЕСУДОХОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДОТОКОВ

Moscow Journal of International Law

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Председатель - А.В. Торкунов (Москва)

Члены Редсовета:

Н.И. Акуев (*Астана*), **К.З. Алимов** (*Ташкент*),
Э.Д. Бейшембиев (*Бишкек*), **И.И. Бергхольцас** (*Рига*),
О.И. Балан (*Кишинев*), **Г.В. Игнатенко** (*Екатеринбург*),
А.Л. Колодкин (*Москва*), **Ю.М. Колосов** (*Москва*),
В.В. Кочарян (*Ереван*), **Г.И. Курдюков** (*Казань*),
С.А. Малинин (*Санкт-Петербург*), **Л.В. Павлова** (*Минск*),
А.Х. Саидов (*Ташкент*), **М.А. Сарсембаев** (*Алматы*),
А.А. Требков (*Москва*), **М.О. Хаитов** (*Ашхабад*),
Ю.Ю. Шатас (*Вильнюс*)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Главный редактор - Ю.М. Колосов

Члены редколлегии:

А.Х. Абашидзе, **Л.Б. Архипова**, **К.А. Бекашев**,
И.И. Котляров, **Э.С. Кривчикова**, **Е.Г. Ляхов**,
Ю.Н. Малеев, **Ю.Э. Монастырский**, **А.И. Муранов**,
Ю.А. Решетов, **П.В. Саваськов**, **Г.П. Толстопятенко**,
Б.Р. Тузмухамедов (*заместитель Главного редактора*),
О.Н. Хлестов

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел России**

**Международный союз общественных объединений юристов
"Международный союз юристов"**

Адрес редакции: 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76

Телефон /факс: (095) 434 93 13

E-mail: mjil@mgimo.ru

Свидетельство о регистрации ПИ №77-5895 от 8 декабря 2000 г.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ И НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ

**Московский
журнал
международного
права**

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском языке

Выходит один раз в три месяца
№4 (48) 2002 октябрь-декабрь

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

Шумилов В.М. Международное право и Глобальная правовая система 3

Международная правосубъектность

Силкина И.В. Международно-правовая унификация
института иммунитета государства: новые тенденции 20

Вопросы территории

Клеченов Г.Е. Территориальные споры в Латинской Америке
в условиях глобализации и борьбы с международным терроризмом 29

Мелков Г.М. Испания – Марокко: территориальный спор 44

Постнов В.В. Морские границы России 53

Международное экономическое право

Линников А.С. Европейский валютный союз: история
формирования и механизм действия на современном этапе 65

Тастанова А.К. Договорно-правовая база финансовых отношений
Республики Казахстан со странами азиатского региона 91

Обеспечение международной безопасности

Мамедов Э.Т. Политические и военно-правовые аспекты
концепции «открытое небо» 103

Международно-правовое сотрудничество в области культуры

Молчанов С.Н. Международно-правовое сотрудничество
в области культуры 110

Экологическое право

Сейтбеков Т.Е. Правовая значимость и роль принципов охраны окружающей среды в сфере ракетно-космической деятельности	124
--	-----

Международное и внутригосударственное право

Воробьев В.П. Израиль: государство и религия	133
--	-----

Международное частное право

Деев А.В. Сравнительный анализ ипотеки по российскому праву и ипотечного залога по английскому праву	161
Муранов А.И. Новый порядок взаимного исполнения актов арбитражных судов России и хозяйственных судов Белоруссии. Соглашение от 17 января 2001 г.: значение и проблемы	180
Скачков Н.Г. Международно-правовое регулирование налогообложения доходов от использования имущества физических лиц	199
Ходыкин Р.М. Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве	208
Черниченко О.С. Устранение конкуренции юрисдикций государств: внутригосударственные и международно-правовые подходы	222

Книжная полка

Колосов Ю.М. Еще раз о соотношении международного публичного и международного частного права (Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. – Москва: Издательство «Спарк», 2002. – 415 с.)	243
---	-----

Хроника

Мишаков А.А. Монтеррейская международная конференция по финансированию развития	246
Ходыкин Р.М. Научно-консультативная встреча с разработчиками принципов транснационального гражданского процесса	252

Кто есть кто в нашей науке

Болан Олег Иванович (Молдова)	255
-------------------------------------	-----

Документы

Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года)	257
Комментарий П.В. Саваськова	279
Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь (Москва, 17 января 2001 г.)	285

Некрологи

Предметный указатель статей и материалов, опубликованных в «Московском журнале международного права» в 2002 году	294
---	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Международное право и Глобальная правовая система

Шумилов В.М.*

Глобализация мировой экономики и государства.

Современное мировое хозяйство все более отчетливо приобретает характер единого, целостного организма – глобального по своим масштабам. Можно проследить несколько направлений, по которым идет образование взаимосвязанного международного экономического пространства; это – торговля, трансграничное движение инвестиций, финансов, рабочей силы. Именно здесь произошло или происходит становление универсальных специфических международных систем, связанных в нечто целое.

Наиболее подвижным в своем развитии компонентом мировой экономики является инвестиционная сфера. *Национальные* предприятия, биржи и банки, создавая дочерние структуры за рубежом, приобретая акции и доли иностранных предприятий, превращаются в *транснациональные* (многонациональные) предприятия, биржи и банки. Они-то и выполняют функцию инфраструктуры для перелива капиталов, *инвестиций*.

Предприятие (биржа, банк), с одной стороны, является юридическим лицом государства регистрации, а с другой стороны, по характеру своих *интересов* и сфере деятельности становится «международным», «интернациональным». Многонациональный по составу собственников капитал превращается в «транснациональный», что объективно создает основу для *глобализации* мировой экономики, а фактически

* Шумилов Владимир Михайлович – д.ю.н., заведующий кафедрой публичного права Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ).

для размывания экономических границ между государствами, для переноса экономической активности за пределы своих границ (так называемое явление «второй экономики»).

Многонациональные предприятия предстают в качестве механизмов переплетения, состыковки, согласования *частных интересов*, как средство освоения иностранных/международных товарных, инвестиционных, финансовых рынков на *микро-уровне* международных экономических отношений (МЭО) и, конечно же, как «ударная сила», используемая развитыми государствами в своей внешнеэкономической политике при обеспечении долгосрочных стратегических государственных интересов.

Способом согласования, переплетения, состыковки *публичных* интересов на *макро-уровне* является экономическая *интеграция* государств, то есть процесс хозяйственно-политического объединения стран на основе разделения труда между национальными экономиками, развития устойчивых взаимосвязей между ними.

Фактически речь идет об ускоренном, скоординированном устранении (или понижении уровня) экономических границ и, соответственно, об определенном согласованном ограничении суверенитета государств в целях решения общих задач и проблем.

Каждое интеграционное объединение имеет свою управляющую политико-правовую, институциональную надстройку. Многообразные интеграционные объединения учитывают особенности входящих в них групп государств как по уровням развития, так и по цивилизационным типам. Возникает политическая «многополюсность» в сфере МЭО. Все эти надстройки также переплетаются в единое целое.

Ясно, что мировому экономическому пространству будет соответствовать не «однополюсный» мир, а цельная (единая) «многополюсная» надстройка. Вот почему так важно для России укреплять интеграционные связи в своем цивилизационном пространстве, с тем чтобы войти затем своим центром экономической силы в эту «многополюсную» надстройку, вплести свои государственные интересы в глобальные (наднациональные) интересы.

Явлением последних десятилетий стал последовательный переход преобладающего числа стран от замкнутых национальных хозяйств к *экономике открытого типа*, обращенной к внешнему рынку. С теоретической и организационно-правовой стороны это означает видоизменение *экономической функции* государства. В определенном смысле

можно говорить о некоей конвергенции национальных экономик на принципах открытой экономики. При этом во внешнеэкономической политике государств прослеживается существование двух тенденций – *протекционизма* и *либерализации*. Складывающееся глобальное экономическое пространство требует, чтобы идея либерализации была оформлена и зафиксирована политико-правовыми средствами (что и осуществляется, в частности в рамках Всемирной торговой организации – ВТО).

Явление «вторых экономик», то есть перемещения капиталов за пределы национальной территории, требует от государств координации усилий против международной монополизации товарных рынков, поддержании справедливых конкурентных условий для многонациональных предприятий разных стран. Это предполагает интернационализацию методов государственного регулирования хозяйственной деятельности, и особенно конкуренции.

Итак, глобализация мировой экономики создает предпосылки для того, чтобы, с одной стороны, складывалось единое экономическое пространство, а с другой стороны, формировалась соответствующая ему политико-правовая надстройка. Право предстает как часть такой надстройки. Фактически речь идет о формировании *глобальной социальной системы*, в которой созрели «свои» – глобальные – проблемы, формируются свои интересы, свои институциональные и нормативные механизмы, обладающие наднациональными свойствами.

Государственные интересы в правовой надстройке.

Интересы государств в сфере МЭО заключаются в привязке к своей экономике источников сырья, в обеспечении доступа к ресурсам, в контроле над рынками, в гарантировании сбыта своей продукции. Интерес состоит также и в том, чтобы в максимально возможной степени воплотить свои экономические стратегические интересы в правовые нормы. Следовательно, *государственные интересы* и *международное право* (МП) – это тесно связанные между собою понятия.

Столкновение и согласование интересов происходит в форме *действий* и «*компенсаторных*» действий. Это своего рода «обмен возмещениями», когда за каждую получаемую уступку, право, обязанность, преимущество государство предоставляет соответствующее «возмещение» в виде уступки, права, обязанности, преимущества.

Интересы можно считать состыкованными, когда «возмещения» с обеих сторон удовлетворяют друг друга. Добившись *эквивалентнос-*

ти возмещений, государства фиксируют согласованную волю в политической или международно-правовой норме. Наиболее устойчивая модель гармонизации государственных интересов – это воплощение интересов в правовой норме.

Если представить, что за каждым государством стоит совокупность самых разнообразных интересов, то вся сфера межгосударственного общения предстает как столкновение, поглощение, состыковка, переплетение интересов.

С точки зрения *носителей* того или иного интереса различаются:

- интересы государственные (одного государства);
- интересы групповые (нескольких государств, в том числе государств одного цивилизационного типа);
- интересы международного сообщества государств в целом;
- интересы общечеловеческие.

Соответственно интересы *государственные* можно подразделить на:

- интересы внутреннего развития (*внутренние*);
- интересы государства как субъекта международных отношений (*внешние*).

С точки зрения *предмета*, государственные интересы достаточно условно подразделяются на *интересы: экономические; политические; территориальные; правовые; интеллектуальные (духовные, социокультурные)*.

Можно различать интересы *тактические и стратегические; долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные*; нашедшие отражение в праве и не закрепленные в нем.

При этом следует принимать во внимание, во-первых, условность самой классификации; во-вторых, возможность трансформации интересов из одного вида в другой; в-третьих, существующие зачастую различия между объективным интересом и тем, как он понят, осознан, сформулирован, подается вовне; в-четвертых, одновременное присутствие многих видов интересов в каждой практической – даже очень узкой – сфере отношений.

У каждого государства выстраивается своя система *ценностей – интересов*. Как правило, у государств одного цивилизационного типа интересы имеют много общего.

Внешние *долгосрочные стратегические* интересы России, например в сфере МЭО, не всегда совпадают с интересами государств западного цивилизационного типа. Если для Запада главным внешним

стратегическим долгосрочным интересом является, в частности, обеспечение доступа к мировым ресурсам и контроля за ними, то для России с её пространствами и ресурсами этот интерес не является жизненно определяющим. Зато острее встает интерес – защитить свои ресурсы перед лицом экспансии многонациональных предприятий, обеспечить эффективное использование ресурсов.

Рольевые функции «государственного интереса» могут быть различными. Так, не закрепленный в праве интерес «толкает» государства на волевые действия; в этом случае «интерес» выступает как *мотив* тех или иных действий.

С другой стороны, будучи «заложен» в правовую норму, интерес реализуется вместе с нормой в конкретном правоотношении; в этом случае «интерес» выступает как *часть правоотношения*.

И, наконец, законный интерес может порождать, изменять или прекращать правоотношения; в этом случае «интерес» выступает как *юридический факт*.

Именно государственный интерес «запускает» волю государств, направляет её на формирование международно-правовой нормы. Нормы МП являются согласованным оформлением *воли* государств. Воля государств направляется осознанными *интересами*.

В принципе интересы – это сфера *политики*, а не права. Политика осознает, формулирует и обслуживает интересы, она их продвигает и обеспечивает. Можно сказать, что политика – это сфера, где обитают интересы. Политика «закладывает» интересы в право.

Без осознания государственных интересов невозможно ни прогнозировать ситуации, ни планировать собственное развитие, ни управлять общественными процессами, ни «встраивать» Россию в систему МЭО.

«Глобальная правовая система» и другие методы регулирования отношений в «глобальной системе».

Итак, глобализация ведет к формированию глобальной *социальной* системы. В этой глобальной социальной системе можно выделить несколько уровней отношений, требующих регулирования:

а) отношения, находящиеся в сфере национальной юрисдикции государств; эти отношения регулируются *внутригосударственным* правом (к таким отношениям относятся *внутригосударственные* отношения, отношения частноправового характера с *иностранным* элементом);

б) отношения *между государствами* (и шире – между «публичными лицами»); эти отношения регулируются *международным правом*.

Однако глобализация ведет к появлению и расширению еще, по крайней мере, двух групп отношений, объективно требующих нормативного регулирования:

- отношений между частными лицами в тех вопросах, которые не регулируются ни внутренним, ни международным правом (либо регулируются по *общедозволительному* способу, при котором применяется принцип: «разрешено всё, кроме прямо запрещенного»); в этом случае частные лица разных государств, будучи заинтересованными в обеспечении порядка, создают собственную автономную систему регулирования – нечто вроде международного договорного права (это – так называемое *транснациональное право*);

- отношений в сферах наднациональной юрисдикции; такого рода отношения порождены глобальными проблемами и интересами, и регулируются они нормами, которые условно можно назвать *наднациональным правом*.

Качественное единство между всеми четырьмя правовыми явлениями можно назвать *Глобальной правовой системой*.

Если говорить о потребностях регулирования глобальной *социальной* системы, то государства могут прибегать к широкому набору средств и методов такого регулирования. Методы регулирования во многом определяют, какой тип правового режима будет функционировать в той или иной сфере отношений.

Можно проклассифицировать *методы* с различных точек зрения. Например, с точки зрения воздействия на субъектов, государства активно применяют такие методы, как запрет, обязывание и дозволение.

С точки зрения целей и интересов, государства предпочитают либо координационный, либо субординационный методы регулирования. Внутри международных организаций государства принимают решения методами консенсуса, большинства, квалифицированного большинства, взвешенного голосования.

С точки зрения нормативной жесткости, государства выбирают между методами использования рекомендательных, диспозитивных или императивных норм. Вполне различимы методы двустороннего, многостороннего и наднационального регулирования.

В отдельных отраслях и подотраслях МП могут быть свои – специальные – методы регулирования, например в международном торго-

вом праве – метод потоварного или посекторального регулирования товарных рынков.

Международная нормативная система воздействует на реальность как *международно-правовыми*, так и *неправовыми* нормами. Само международное право воздействует методом регулирования как посредством *договоров* (в том числе межведомственных), так и посредством международных *обычаев*. Можно говорить о методе регулирования посредством транснационального права.

В качестве еще одной группы методов можно выделить метод разграничения (перераспределения) компетенции между государствами и международными организациями, метод подразумеваемых полномочий международных организаций.

Методами воздействия на всю систему международных отношений целиком являются методы учреждения международных организаций, создания интеграционных (таможенных, платежных, валютных, экономических и т.п.) союзов. Следует обратить внимание также на сферу международных – *немежгосударственных* – отношений. Её воздействие на реализацию государственных интересов возрастает и будет возрастать.

Воздействие на международное право и на внутреннее право осуществляется методами: унификации международно-правовых норм, унификации норм внутреннего права, конвергенции внутренних правовых режимов, вхождения МП во внутреннее право и др.

Развитие международного процессуального права обогащает механизм международно-правового регулирования новыми средствами (инструментами).

Правильный выбор тех или иных средств (методов) правового регулирования обеспечит нужную степень эффективности воздействия на действительность – на объект регулирования.

Итак, в связи с глобализацией происходит изменение всего общественно-политического уклада человечества. Нормативная надстройка не просто *функционирует*, а претерпевает фазу активного *развития*. В ней появляются элементы, которые качественно изменяют природу и характеристики самой надстройки.

Задача нормативной надстройки в меняющемся мире – та же: обеспечить порядок. Но акценты, методы, взаимосвязи между различными ее компонентами – меняются. Система «подстраивается» под меняющиеся условия в объекте регулирования.

Внутреннее право и международное право.

Наиболее заметные изменения происходят на уровне «внутреннее право – международное право». Объектная сфера международного права постоянно расширяется за счет вопросов, которые традиционно входили во внутреннюю юрисдикцию государств, а в настоящее время «переданы» под международно-правовое регулирование.

Помимо вопросов прав человека, особенно наглядно это проявляется в деятельности Всемирной торговой организации (ВТО), в сферу регулирования которой перешли и переходят вопросы применения тарифных и нетарифных барьеров, интеллектуальной собственности, инвестиционных мер, экологических нормативов и т.п. В компетенцию Международного валютного фонда (МВФ) государства передали вопросы, связанные с валютными курсами и платежными балансами.

В свою очередь, международное право во все большей степени и объеме проникает во внутреннее право. Государства увеличивают количество заключаемых международных договоров; все новые и новые нормы инкорпорируются во внутреннее право. В ряде государств включение норм международного права произведено прямо и непосредственно конституцией.

Усиление взаимовлияния между двумя правовыми системами ведет к такому их переплетению, что можно говорить о новом качестве. Тем более, что в процесс сращивания систем включаются *транснациональное право и наднациональное право*.

К этому следует добавить, что на смену примату внутреннего права фактически пришел примат международного права. Если раньше государства создавали международно-правовые нормы так, чтобы они были совместимы с внутренним правом. Теперь все чаще и чаще государства обязаны приводить свое внутреннее законодательство в соответствие с международно-правовыми нормами/принципами. Наглядным примером может служить региональное международно-правовое регулирование в рамках интеграционных объединений или изменение правового режима в ГАТТ/ВТО.

В итоге в более глубоком свете предстает *предмет* МП. В предметную сферу МП входят следующие две группы отношений – двусторонних и многосторонних:

- отношения между *публичными лицами* (субъектами МП) по всем вопросам поведения *публичных лиц* в международных отношениях; в этом смысле МП выступает в своем классическом качестве;

- отношения между *публичными лицами* по поводу *правового режима*, существующего во внутригосударственных правовых системах для субъектов внутреннего права и/или для регулирования отношений, входящих во внутреннюю компетенцию государств, например в том что касается транснационального движения товаров, инвестиций, финансов; в этом смысле МП становится *рамочным правом*, так как задает правовые рамки для внутреннего права по все большему числу вопросов. Именно в этом качестве МП обретает примат над правом внутригосударственным.

МП, например, «отслеживает», «контролирует» процесс *размещения* на национальной территории иностранных факторов производства (лиц и капиталов), процесс *обмена* между национальными экономика-ми. В качестве «рамочного явления» МП регулирует поведение государств в части установления *внутренних правовых режимов* для импорта/экспорта товаров, инвестиций, финансов, рабочей силы.

Государства преследуют цель – добиться в правовом пространстве чужой страны благоприятного режима для «своих» граждан, многонациональных предприятий, товаров, инвестиций. Достигается это, как правило, двумя методами: а) государства устанавливают своего рода международный (наднациональный) *стандарт*, продвигая его во внутригосударственные правовые системы (например, *стандарт прав человека*; *стандарт рыночной экономики* и т.п.); б) государства следят за тем, чтобы их частные лица, товары, инвестиции встречали в правовом пространстве чужой страны благоприятный – недискриминационный – режим.

Достигается обеспечение недискриминационного режима в нужных вопросах с помощью ряда принципов-методов, норм-стандартов, применяемых в зависимости от ситуации порознь или комплексно, – принципа наибольшего благоприятствования, принципа предоставления национального режима, принципа экономической недискриминации, принципа равноправия, принципа взаимности и др.

Особенность данных принципов заключается в том, что они являются *методом сопоставления и уравнивания условий*, способом организации отношений, технико-правовым инструментарием или, другими словами, своего рода «трафаретами», «стандартами». Это – одновременно и принципы-методы, и *содержательные* нормы. Данные «стандарты» – универсальны, они являются «принципами» всего международного права.

Так, принцип наибольшего благоприятствования требует уравнивания условий в сравнении с *наилучшими* условиями, а вот сфера применения этого *метода* (например, в тарифной сфере) может оговариваться сторонами в двустороннем или многостороннем соглашении, а может вытекать из международного обычая.

«Стандарт» наибольшего благоприятствования присущ международному праву как один из *методов* правового регулирования. Сфера применения этого «стандарта» (либо исключений из него) определяется в источниках МП.

Применение принципа наибольшего благоприятствования (ПНБ) в области таможенно-тарифного обложения на двусторонней и многосторонней основе привело к тому, что он фактически стал в этой сфере императивным (когентным). В то же время по мере того, как в рамках ВТО снижается средний уровень таможенного обложения товаров в международной торговле, соответственно снижается и значение ПНБ для этой сферы МЭО.

Однако это не исключает данный принцип из других сфер МЭО (и международных отношений), где его роль как метода уравнивания условий остается по-прежнему важной. В нетарифной сфере степень императивности ПНБ несколько ниже.

Общепризнанными, универсальными императивными можно считать также нормы обычно-правового и договорного характера, в соответствии с которыми легализованы правомерные исключения из сферы действия ПНБ.

Возрастает роль и значение *принципа предоставления национального режима*. Данный принцип содействует конвергенции правовых систем разных государств, которая прослеживается в мире.

Субъекты Глобального права.

Традиционная позиция в отношении субъектов права остается без изменений. Субъектами внутреннего права выступают индивиды, организации, социальные общности (народ, субъекты федераций, органы государства); субъектами международного права – государства, международные организации.

Однако традиционная позиция в отношении субъектов зачастую ставится «тесной»: в нее не вписываются отдельные обстоятельства. Дело в том, что внутри многих развитых государств идут процессы перераспределения внутренней компетенции: государства передают все больший объем компетенции «вниз» – субъектам федераций, органам

местного самоуправления. В передаваемую компетенцию входят и права осуществлять международные отношения (естественно, в соответствующем объеме, на основании законодательства государств).

Результатом этого становится интенсификация международных частноправовых отношений с участием субъектов федераций, муниципалитетов. Возрастает число неправительственных международных организаций.

Эта сфера международного взаимодействия регулируется частично *внутренним правом*, частично *международным правом*, а в области «общего дозволения» (или при пробелах в регулировании) – *транснациональным правом*.

Для этой сферы взаимоотношений характерны и так называемые «диагональные отношения», когда *частные* лица находятся в правоотношениях с *публичными* лицами.

Следовательно, субъектами *транснационального права* можно назвать и *частных* лиц (индивиды, юридические лица), и *публичных* лиц (государства, международные организации – межведомственные, межправительственные, межгосударственные, неправительственные). Субъектами являются и субъекты федераций, и муниципалитеты.

В таком понимании *транснациональное право* предстает как необходимое промежуточное звено между *внутренним правом* и *международным правом*, – звено, посредством которого происходит усиление взаимосвязей и взаимозависимости двух правовых систем.

Есть и еще одно явление, на которое надо обратить внимание. На международно-правовом уровне появляются нормы, имеющие прямое (а не опосредованное внутренним правом) действие в отношении частных лиц. Например, Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), входящее в пакет соглашений ВТО, предусматривает непосредственное действие в отношении «поставщиков услуг»). Есть примеры взаимодействия межправительственных организаций с частными лицами в целях осуществления уставных целей и компетенции международных организаций.

Такого рода международно-правовые нормы несут в себе зачатки *наднационального* регулирования. Это и есть *наднациональное право*. В таком понимании *наднациональное право* предстает как необходимое звено для обеспечения иерархичности Глобальной правовой системы.

Означает ли это, что нужно теоретически признать частных лиц субъектами международного права? Как представляется, для этого не хватает двух обстоятельств:

1. частные лица должны быть признаны в качестве субъектов МП самими «творцами права», т.е. государствами, международными организациями (или «надгосударственными структурами»);

2. нормы права, созданные государствами, международными организациями (или «надгосударственными структурами»), должны распространяться на частных лиц *непосредственно*, то есть НЕ через внутреннее право.

Однако право, в котором реализуются эти два условия, уже не будет «только» *международным правом*; это будет *Глобальное право*, сферой регулирования которого будут и публично-правовые, и частноправовые отношения по всему пространству глобальной социальной системы. Международное право предстает лишь как компонент Глобального права.

Таким образом, «межстрановое взаимодействие» состоит из нескольких уровней:

- надгосударственного;
- межгосударственного;
- уровня субъектов федераций и административно-территориальных единиц государств;
- уровня местного самоуправления;
- уровня частных лиц.

Только Глобальное право способно дать необходимое регулирование такой суперсложной системе. Человечество в этой системе приобретает собственную правосубъектность (как когда-то во внутреннем праве *народ* был признан истинным носителем суверенитета и субъектом права).

Транснациональное право.

Главными действующими лицами («операторами») в международной частноправовой сфере общения являются прежде всего многонациональные предприятия. Именно они создают свою собственную автономную экономическую систему, правовой надстройкой которой является *транснациональное право*.

Многонациональные предприятия фактически выступают (по крайней мере в сфере МЭО) в качестве конкурентов государств. Втягивая государства в конкуренцию с собой, многонациональные предприятия

тия тем самым вынуждают государства активнее заниматься регулированием экономических процессов.

Более того, многонациональные предприятия способны формировать свои собственные – транснациональные – интересы, которые могут расходиться с государственными интересами и государства инвестирования, и государства регистрации предприятия, и зачастую входят в противоречие с потребностями международного экономического правопорядка в целом.

Так, например, в сфере финансовых отношений многонациональные предприятия обвинялись в том, что зачастую путем массовых спекуляций дестабилизировали режим валютных курсов по Бреттонвудской системе. Возможно, что это сыграло немаловажную роль в принятии системы плавающих курсов.

Многонациональные предприятия являются не только главными операторами в международной торговле, но и создателями *закрытой системы международной торговли* в том смысле, что такая международная торговля осуществляется внутри многонационального предприятия. В его системе, например, используются так называемые «трансфертные цены», которые далеко не всегда соответствуют ценам, применяемым в случаях сделок, совершаемых на обычных коммерческих условиях.

Именно деятельность многонациональных предприятий, в основном транснациональных банков, стояла у истоков зарождения и интенсивного развития *еврорынков* (евровалют, еврооблигаций, евровекселей), составляющих в наши дни основу международной финансовой системы. Несколько американских и европейских нефтяных ТНК (известных как «семь сестер») подписали в свое время соглашение, которое в течение трех десятилетий регулировало в глобальном масштабе вопросы эксплуатации и поставок углеводородов.

Конечно, современные развитые государства используют силу и мощь ТНК/ТНБ для продвижения своих государственных стратегических интересов – происходит «смыкание» интересов государства и многонациональных предприятий.

Развитые государства оказывают «своим» национальным ТНК/ТНБ в МЭО всяческую внешнеполитическую и правовую поддержку, помогая им осваивать зарубежную и мировую экономическую среду. Цель такой политики – обеспечить внешний стратегический государственный интерес, состоящий в контроле над отдельным товарным рынком или рынком услуг, над источниками необходимых ресурсов.

В тех сферах, где национальные ТНК/ТНБ обладают достаточно мощной силой, приоритетом на международном рынке (например, американские авиапредприятия – на международном рынке авиауслуг), государство проводит политику «дерегулирования», уменьшения степени государственного воздействия. Причем такая политика, как правило, навязывается и вовне – другим государствам.

В своей деятельности многонациональные предприятия заключают договоры с государствами инвестирования, а также между собой и тем самым как бы создают «промежуточный», «автономный», правопорядок – между внутренним правом и международным правом.

Очень часто, особенно если речь идет о разработке природных ресурсов, режим приема и защиты иностранных инвестиций определяется в соглашении между принимающим *государством* и *частным* иностранным *инвестором*. В соглашениях государство – импортер, как правило, обязуется не предпринимать никаких мер по национализации или экспроприации имущества инвестора. Такие соглашения называются «диагональными», а в западной литературе – «государственными контрактами».

Многонациональные предприятия (ТНК/ТНБ) заключают с государствами не только договоры о разделе продукции, но и договоры о предоставлении синдицированных кредитов, договоры о погашении долгов, договоры о покупке акций национальных предприятий, договоры об исключительных правах (как, например, договор ТНК «Де Бирс» («De Beers») с Ботсваной, по которому компания получила право до 2005 года приобретать алмазы, добытые в Ботсване).

Между самими ТНК/ТНБ заключаются договоры купли-продажи, договоры о совместном производстве высокотехнологичных товаров или строительстве объектов, о кредитовании, о слиянии предприятий, о тех или иных правилах поведения на международных рынках (так, например, европейские транснациональные банки договорились между собой о правилах борьбы с отмыванием «грязных денег»). Транснациональные биржи договариваются о порядке работы с ценными бумагами на национальных рынках различных стран.

В целом и «государственные контракты» («диагональные соглашения»), и договоры между ТНК/ТНБ разных стран – это предмет, находящийся в сфере регулирования *внутреннего права*. Однако за пределами внутригосударственного правового регулирования такого рода отношения – предмет *транснационального права*.

Общий смысл концепции *транснационального права* состоит в том, что участники международных отношений сами вырабатывают нормы поведения, которые, как представляется, находятся за рамками и внутреннего, и международного права; не охватываются ни внутренним, ни международным правом.

Таким образом, «транснациональное» (автономное, в некотором роде) право предстает как синтетическая правовая сфера, в которой взаимодействуют как субъекты МП, так и субъекты внутреннего права.

Имеется в виду, что круг вопросов, подлежащих регулированию в рамках *транснационального права*, не ограничивается только экономической тематикой; сюда следует добавить, в частности, административно-правовую проблематику, процессуальные, коллизионные нормы и т.п. При таком понимании многие отрасли МП будут соприкасаться с транснациональным правом.

Разумеется, к источникам транснационального права относятся и соответствующие международные договоры, например Конвенция ООН о международном лизинге 1988 года.

Наднациональное право.

Явление наднациональности возникает, как правило, в тех случаях, когда государства должны или вынуждены подчиняться нормам, созданным и/или вступившим в силу без согласия государств. Многие международные организации на основании уставной правосубъектности получили возможность обязывать своими конкретными действиями (решениями) государства-члены, не заручаясь их согласием на это в каждом отдельном случае. Другими словами, международные организации приобрели в отношении суверенных государств-членов определенный объем самостоятельных распорядительных полномочий.

Признаки наднациональности присутствуют в деятельности ряда международных организаций регионального и универсального характера, в механизмах правового регулирования интеграционных процессов (в частности в рамках ЕС).

Некоторые из таких признаков состоят в том, что:

1. внутреннее право наднациональной организации/объединения становится внутригосударственным правом его членов;
2. внутреннее право наднациональной организации/объединения творится органом, действующим юридически неподконтрольно государствам-членам и принимающим обязательные для государств решения вне зависимости от отрицательного к ним отношения со стороны

одного или нескольких государств; при этом соответствующие вопросы полностью или частично изымаются из их ведения;

3. международные чиновники, участвующие в органах наднациональных организаций/объединений, выступают в личном качестве, а не как представители государств;

4. решения принимаются органами наднациональных организаций/объединений большинством голосов, путем пропорционального (взвешенного) голосования и без непосредственного участия заинтересованных стран.

Элементы наднационального регулирования появляются в международной торговой системе. Центральным элементом международного финансового права является «право МВФ», особенность которого – в наднациональном характере многих норм и принципов.

«Наднациональный» характер правопорядка ЕС усматривается в праве его органов издавать обязательные для государств-членов и их граждан властные акты прямого применения, обладающие приоритетом перед внутригосударственным правом, принимать решения (по ряду вопросов) большинством голосов, а не консенсусом. При этом функционеры органов ЕС выступают в личном качестве, а не находятся на службе у государства своего гражданства.

Наднациональность выступает как СПОСОБ единообразного регулирования определенной области жизни государств. Наднациональность, с одной стороны, носит функциональный характер (является функциональным обрамлением объединительных тенденций, выражением практической взаимозависимости государств) и не выходит за пределы поля их влияния, а, с другой стороны, имеет самостоятельное бытие, независимое в известных пределах от первоначальной воли государств.

В таком понимании *наднационального регулирования* «наднациональными» категориями можно признать, например, нормы *jus cogens*, концепцию *общего наследия человечества*, такую искусственную коллективную резервную валюту, используемую в рамках Международного валютного фонда, как *специальные права заимствования* (СДР), идеи *мировой валюты* и многое другое. Наднациональное регулирование – это некий промежуточный этап на пути к «мировому федерализму».

Таким образом, планетарный рынок товаров, услуг, инвестиций, рабочей силы, который возникнет в XXI веке, а в более широком пла-

не – весь глобальный социум требуют и соответствующей регулирующей правовой системы – суперсложной, полисистемной, всеохватной.

Уже сегодня *внутреннее* право государств и *международное* право во многих точках «сближаются» и/или «сливаются» в некое качественное единство, частью которого являются также *транснациональное* право и *наднациональное* право. Это и есть зачатки Глобальной правовой системы.

В Глобальной правовой системе и МП, и системы внутригосударственного права становятся многоуровневыми «правовыми отраслями» и «институтами». В качестве объекта регулирования предстает вся социальная система человеческой цивилизации.

Становление Глобальной правовой системы будет идти, примерно, тем же путем, каким шло становление правопорядка ЕС. Этот правопорядок состоит из трех составных частей: международного права, права ЕС, национального права государств-членов. Сложилось своеобразное разделение труда между этими тремя частями. Субъектами права ЕС являются и государства, и частные лица одновременно.

«Наднациональность» в ЕС олицетворяет сочетание индивидуальных.национальных интересов государств-членов и одновременно всего сообщества в целом. При этом МП обладает приоритетом над правом сообществ.

Можно заключить, что XXI век будет проходить под знаком становления и развития Глобальной правовой системы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ

Международно-правовая унификация института иммунитета государства: новые тенденции

*Силкина И.В.**

Проблемы, связанные с иммунитетом иностранного государства и его собственности от предъявления иска, применения мер по обеспечению иска и от принудительного исполнения судебного решения никогда не были обойдены вниманием специалистов в области международного права¹, поскольку практически в любом государстве существует специальное правовое регулирование юрисдикционных иммунитетов, признаваемых за иностранным государством. Вместе с тем попытки принять универсальную конвенцию по данному вопросу успехом до сих пор не увенчались. Это объясняется принципиальной разницей между двумя концепциями государственного иммунитета, которых придерживаются развитые государства и большая часть раз-

* Силкина Ирина Владимировна – соискатель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

¹ См.: Богуславский М.М. Иммунитет государства. М., 1962.; Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М., 1993; Шайхутдинова Г.Р. Юрисдикционный иммунитет государства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 1991; Лебедев С.Н. О современной буржуазной практике в области иммунитета государства от иностранной юрисдикции // Советский ежегодник международного права. М., 1960. С. 290-305; Усенко Е.Т. Иммунитет государства от иностранной юрисдикции и исполнительных мер // Сборник информационных материалов ВТП. М., 1962. Выпуск 13; Хлестова И.О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства в работе Комиссии международного права // Советский ежегодник международного права. М., 1988. С. 200-207; Sucharitul S. State Immunities and Trading Activities in International Law. London, 1959.

вивающихся государств, – концепциями ограниченного иммунитета и абсолютного иммунитета соответственно.

С точки зрения абсолютного иммунитета, которой до сих пор придерживается, в частности, и российское законодательство (ст. 435 ГПК РСФСР, ст. 213 АПК РФ), без наличия ясно выраженного согласия самого иностранного государства невозможны ни предъявление исков к нему, ни наложение ареста на его собственность в порядке обеспечения иска либо исполнения решения, ни применение иных принудительных мер, предусмотренных процессуальным законодательством². Концепция функционального иммунитета, напротив, ограничивает сферу действия юрисдикционных иммунитетов государства только отношениями, возникающими в ходе осуществления суверенной власти этого иностранного государства (действиями государства *de jure imperii*) и совершенно отрицает государственный иммунитет в тех случаях, когда государство участвует в коммерческой деятельности, действует *de jure gestionis*³.

Не случайно поэтому с момента представления Комиссией ООН по международному праву (КМП) Проекта статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности в 1991 году не наблюдалось прогресса в деле принятия универсальной конвенции об иммунитете, так как проект исходил из концепции функционального иммунитета в его англосаксонской трактовке (многие его положения основаны на английском (1978 г.) и американском (1976 г.) законах об иммунитете государства).

Вместе с тем в феврале 2002 года Специальный комитет ООН по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности представил пересмотренный текст Проекта статей (далее – Проект статей 2002 года)⁴. Общая структура документа осталась в целом прежней, и содержание его в значительной мере сохранилось, однако в текст Проекта статей наряду с изменениями, интересными только с точки зрения юридической техники, внесены и новеллы принципиального характера.

С точки зрения автора настоящей статьи, эти новеллы интересны тем, что они представляют собой попытку при сохранении привер-

² Лунц Л.А., Марышева Н.И., Садиков О.Н. Международное частное право. М., 1984. С. 111

³ Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1994. С. 153-154

⁴ Документ ООН A/57/22, 15 февраля 2002 г.

женности концепции ограниченного иммунитета предложить решение, которое в практическом плане учитывало бы позиции развивающихся стран.

Исходя из того, что проект статей 1991 года достаточно широко освещен в литературе (см., например, работу Н.А. Ушакова)⁵, акцент в данной статье сделан не на том, чтобы постатейно прокомментировать Проект статей 2002 года, а на анализе содержащихся в нем изменений по сравнению со старым проектом.

Как и Проект статей 1991 года, пересмотренный текст 2002 года начинается с закрепления терминологической базы (ст. 2). Указанная статья чрезвычайно важна для понимания всего Проекта, поскольку, давая в п. 1 определение «государства», она фактически определяет круг субъектов, пользующихся иммунитетом. Как и в первоначальном варианте, иммунитетом пользуется государство как таковое и его различные органы управления, составные части федеративного государства или политические подразделения государства, которые правомочны совершать действия в осуществление суверенной власти, однако в Проект статей 2002 года внесено уточнение, что последние являются носителями иммунитета только «если было установлено, что такие образования действовали в этом качестве» (т.е. в качестве органов суверенной власти). Иными словами, важен не публично-правовой статус данного субъекта, а его выступление в конкретном правоотношении, послужившем основой для юридического спора и возникновения вопроса о применении иммунитета, в качестве носителя публичной власти, а не субъекта гражданского оборота. Равным образом на иммунитет могут претендовать учреждения или институты государства либо другие образования в той мере, в какой они правомочны совершать и фактически совершают действия⁶ в осуществление суверенной власти государства.

В Статье 3 Проекта статей 2002 года, посвященной сфере применения данного документа, специально подчеркивается, что его действие не распространяется на разбирательства в отношении государственных воздушных судов и космических объектов (п. 3 ст. 3). Это уточне-

⁵ Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М., 1993.

⁶ Подчеркнутых слов в Проекте статей 1991 года не было.

ние вызвано тем, что правовой статус указанных объектов регулируется специальными международными конвенциями. Тем самым действие Конвенции об иммунитете (если она, конечно, будет принята) будет распространяться только на государственные морские (речные) суда, но не на воздушные и космические объекты.

Как и в варианте 1991 года, Проект статей 2002 года сначала формулирует общие принципы иммунитета (ст. 5), а затем изъятия из него.

Если государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом, оно не вправе ссылаться на иммунитет при разбирательстве в суде спора, возникшего из этой коммерческой сделки (п. 1. ст. 10). В то же время иммунитет государства никак не затрагивается, если стороной по сделке выступает государственное предприятие или иное образование, учрежденное государством и обладающее независимой правосубъектностью (п. 3 ст. 10). Однако это предприятие должно быть учреждено для осуществления исключительно коммерческих сделок. Таким образом, согласно новому варианту Проекта статей, российские государственные унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (например, ФГУП «Росвооружение») отвечают по своим долгам сами, а российское государство за них не отвечает.

Государство также не пользуется иммунитетом при рассмотрении трудовых споров с физическим лицом относительно работы, которая должна быть выполнена полностью или частично на территории другого государства (п. 1 ст. 11). Однако это правило не применяется, когда работник был нанят для выполнения обязанностей, тесно связанных с осуществлением государственной власти (п.п. 1 п. 2 ст. 11). Это несколько расплывчатое определение Проекта статей 1991 года было уточнено в Проекте статей 2002 года в том плане, что теперь оно распространяется и на дипломатических и консульских служащих и вообще на лиц, пользующихся государственным иммунитетом. Тем самым лица, относящиеся к административно-техническому и обслуживающему персоналу дипломатических и консульских миссий и постоянных представительств при международных организациях, могут предъявлять иски в месте нахождения своей работы, если только они не являются гражданами страны, принявшей их на работу. Вместе с тем Проект статей 2002 года в последнем случае делает исключение для тех лиц последней категории, которые постоянно проживают в государстве суда.

Не признается иммунитет государства в отношении споров, связанных с эксплуатацией судов государственного торгового флота (п. 1 ст. 16), однако он признается в полной мере в отношении военных вспомогательных кораблей или других судов, принадлежащих государству или эксплуатируемых им и используемых на данном этапе⁷ исключительно на государственной некоммерческой службе. Добавление в Проекте статей 2002 года слов «на данном этапе» позволяет распространить иммунитет на мобилизованные торговые суда, но также лишает иммунитета вспомогательные суда ВМФ, занятые коммерческими перевозками.

С другой стороны, из Проекта статей исчезло перечисление конкретных категорий «дел, касающихся эксплуатации судна» (в п. 3 ст. 16 Проекта статей 1991 года указывались такие виды дел, как дела в отношении столкновения, спасения, ремонта, последствий загрязнения морской среды и т.д.). Тем самым вопрос о том, какие дела касаются, а какие не касаются эксплуатации судов, отданы на усмотрение национальных законодательных и судебных органов.

В Проекте статей 2002 года предлагается два варианта урегулирования вопроса об иммунитете государства в связи с арбитражным соглашением (ст. 17), т.к. окончательно разногласия разработчиков документов устранить не удалось, поэтому в тексте дается два варианта вводной части ст. 17. Первый вариант полностью повторяет формулировку Проекта статей 1991 года и не разрешает государству ссылаться на иммунитет, если им заключено письменное соглашение с иностранным физическим или юридическим лицом о проведении арбитража, безотносительно предмета спора, в то время как положения, заключенные в квадратные скобки, ограничивают иммунитет применительно только к тем арбитражным соглашениям, которые касаются споров, имеющих отношение к коммерческой сделке.

Отсутствие у государства иммунитета в данном случае не означает подчинения юрисдикции иностранного суда в отношении решения спора по существу. Суд страны, где проводится арбитраж, обладает компетенцией только в отношении вопроса действительности или толкования арбитражного соглашения, арбитражной процедуры или отмены решения арбитража. К этому перечню Проект статей 2002 года добавляет также дела, касающиеся «применения арбитражного соглашения» и «подтверждения арбитражного решения» (последнее связа-

⁷ Подчеркнутых слов в Проекте статей 1991 года не было.

но с тем, что в ряде стран решение арбитража считается окончательным, только если оно подтверждено государственным судом).

Как видно из разобранных выше примеров, указанные изменения не вносят принципиальных новшеств в концепцию Проекта 1991 года. Они лишь уточняют содержание правовых норм и направлены преимущественно на ограничение сферы применения государственного иммунитета.

Но наряду с ними в Проекте статей 2002 года содержатся существенные изменения, которые как раз и представляют собой интерес как «средняя линия» между концепциями абсолютного и ограниченного иммунитета.

Речь идет о статье XV, регулирующей чрезвычайно важный вопрос об иммунитете государств от принудительных мер до вынесения судебного решения. Согласно этой статье, запрещено применение мер по обеспечению иска в отношении иностранного государства (в том числе арест имущества), кроме случаев, когда государство отказалось от своего иммунитета от применения таких мер (этот отказ должен быть зафиксирован в международном соглашении, в арбитражном соглашении или письменном контракте или в заявлении (устном или письменном) перед судом после возникновения спора между сторонами); либо если государство заранее зарезервировало или обозначило собственность, предназначенную для удовлетворения иска.

Существенный характер данного изменения ясно виден из сравнения со следующей статьей 18 Проекта статей 2002 года, где иммунитет государства в отношении принудительного исполнения решения суда не признается не только в случаях, аналогичных только что рассмотренным, но и тогда, когда было установлено, что собственность государства, используемая (предназначенная к использованию) в иных целях, чем государственные некоммерческие цели, находится на территории государства суда, а согласно положениям, заключенным в квадратных скобки, имеет к тому же связь с иском, являющимся объектом разбирательства или с учреждением или институцией, против которой было направлено судебное разбирательство. Следует отметить, что в Проекте статей 1991 года не предусматривалось отдельно регулирования для обеспечительных мер и мер по исполнению решения. Таким образом, согласно Проекту статей 1991 года, как арест в порядке обеспечения иска, так и меры по принудительному исполнению решения суда одинаково могли быть применены в отношении собственности

иностранного государства, используемой в коммерческих целях (речь идет прежде всего о государственных торговых судах). Теперь же в отношении мер по обеспечению иска государство обладает практически абсолютным иммунитетом.

Следует отметить, что именно отрицание иммунитета на стадии обеспечения иска служило наиболее раздражающим фактором для государств – сторонников абсолютного иммунитета.

Например, советская позиция по данному вопросу (применительно к государственным морским судам) сводилась к следующему: Советский Союз не использует иммунитет как способ уклонения от договорных обязательств, советские внешнеторговые организации всегда платят по своим обязательствам, но мы против того, чтобы наше судно было арестовано в обеспечение сомнительных и даже просто вздорных исков (в качестве хрестоматийного примера можно привести дело теплохода «Россия», арестованного в США в 1948 году по иску двух туристов, якобы пострадавших от качки на борту)⁸. Предложенная редакция ст. ХУ помогает снять эту проблему. Что же касается мер по исполнению решения, то ничто не препятствует государству-ответчику в ходе судебного разбирательства принять меры к тому, чтобы на момент вступления решения в законную силу на территории государства суда попросту не оказалось государственной собственности, не защищенной иммунитетом. Практически в этом случае положительное решение для истца будет означать не более чем моральную сатисфакцию (хотя, конечно же, репутация государства пострадает больше, чем при добровольном исполнении решения).

В целом же предложенное в Проекте статей 2002 года решение – это подтверждение функционального иммунитета в сфере предъявления иска и принудительного исполнения решения, но установление абсолютного иммунитета на стадии мер по обеспечению иска.

Можно предположить, что это – максимальный компромисс, который могут себе позволить развитые государства – адепты концепции функционального иммунитета. Если Конвенция об иммунитете будет принята именно в этой редакции, в будущем возможность ареста российской собственности за рубежом может ограничиться только случаями исполнения решений судов и арбитражей (если только Россия в контракте с иностранной фирмой опять не откажется от «всех видов иммунитета», как это было в случае с корпорацией “NOGA”).

⁸ Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1994. С. 152.

Кроме вышеуказанных изменений необходимо отметить также ряд новелл процессуального характера.

Так, согласно Проекту статей 2002 года, процессуальное извещение (повестка, судебный приказ и т.д.) в отношении государства-ответчика может быть послано, помимо обычного дипломатического порядка или порядка, предусмотренного международной конвенцией, также и в порядке, предусмотренном «специальным соглашением о предоставлении услуг», заключенным между истцом и соответствующим государством, если это не исключается законом государства суда (п. 1 а-бис) ст. 20).

В новой редакции п. 2 ст. 22 сужена сфера иммунитета государства от предоставления обеспечения судебных издержек: иммунитет распространяется только на случаи, когда государство выступает ответчиком. Следовательно, суд может обязать государство-истца предоставить такое обеспечение.

Вместе с тем было бы чересчур оптимистичным заявлять, что авторам Проекта статей 2002 года удалось разрешить все спорные вопросы в сфере иммунитета государств. Это видно из того, что для ряда важнейших положений статей решения предлагаются в двух вариантах. Выше уже были приведены примеры такой «полифонии» применительно к ст. 17 и 18.

Следует также упомянуть об отсутствии единообразия в определении объективного критерия того, что есть коммерческая сделка (в одном варианте п. 2 ст. 2 авторы предлагают определять сделку как коммерческую исходя из ее характера, а также и из цели, если, согласно практике государства – участника сделки, цель имеет отношение к определению некоммерческого характера сделки, а в другом варианте предлагают этот вопрос совсем опустить).

Предусмотрен и вариант исключения п. 3 ст. 10, т.е. упоминания об отдельной ответственности государственного предприятия и государства.

Равным образом и в ст. 14, посвященной вопросам иммунитета государства в связи со спорами, касающимися интеллектуальной и промышленной собственности, разработчики не смогли прийти к единому мнению о том, следует ли предоставлять государству иммунитет только в отношении дел, касающихся установления любого права этого государства в отношении патента, промышленного образца, авторского права и т. п. форм интеллектуальной и промышленной собствен-

ности, пользующихся правовой защитой в государстве суда, или это относится к любым делам, касающимся любого права этого государства в отношении указанных форм интеллектуальной или промышленной собственности (в последнем случае компетенция государства шире и охватывает не только случаи установления или оспаривания авторских и патентных прав, но и споры, связанные с использованием этих прав, – например, споры из лицензионных, авторских договоров и т. д.).

Таким образом, из пяти неразрешенных «вопросов существа» Проекта 1991 года (понятие государства для целей иммунитета; определение коммерческой сделки; определение государственного предприятия в контексте иммунитета собственности государства; трудовые договоры с участием государства; принудительные меры в отношении государственной собственности) только по последнему вопросу предложено новое, неординарное решение, в решении остальных продвинуться не удалось.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что окончательное согласование текста будущей конвенции займет еще достаточно много времени. Вместе с тем предложенный указанным Проектом вариант раздельного регулирования юрисдикционных иммунитетов заслуживает одобрения и, на наш взгляд, должен быть учтен при принятии Федерального закона «Об иммунитете государства», чтобы в будущем последний не вступил в противоречие с обязательствами России по указанной конвенции (если она, конечно, будет принята).

Представляется, что принятие закона, ограничивающего иммунитет иностранных государств в части предъявления иска и исполнения решения, но гарантирующего иммунитет их собственности от мер по обеспечению иска, не ухудшит отношений России с зарубежными странами, а напротив, усилит ее позиции при проведении переговоров о заключении двух- и многосторонних соглашений, затрагивающих вопросы судебного иммунитета государства.

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИИ

Территориальные споры в Латинской Америке в условиях глобализации и борьбы с международным терроризмом

*Клеченов Г.Е.**

События в США и последовавшая затем антитеррористическая кампания стали поворотным пунктом современной истории, и с определенной долей условности можно сказать, что XXI век и третье тысячелетие начались именно 11 сентября 2001 г. Они высветили то, что до этого проходило в скрытой, латентной форме. Процесс глобализации, протекавший до того довольно спокойно (если не считать выступлений антиглобалистов) и развивавшийся как количественное накопление новых элементов, новых черт мировых интеграционных отношений, внезапно дал новое качество – иную, уже зримую (с экранов телевизоров по всему миру) реальность. И в этом трагическом свете все существовавшие ранее проблемы сразу приобрели совсем иной вид.

Вдруг стало ясно, что в условиях глобализованного мира общим становится все: и блага цивилизации, и ужасы преступности, и болезни, и их лечение. Поэтому и подход к решению территориальных и пограничных споров изменился радикально. Преодоление их стало уже необходимым средством мировой санитарии и гигиены – устранения очагов и рассадников преступности во имя спасения здоровья мирового сообщества.

Территориальные споры, до сих пор представлявшиеся лишь как национальные и региональные проблемы, вдруг оказались включенными в эту всеохватывающую глобализацию всего и вся. И тут выяс-

* Клеченов Геннадий Евгеньевич – к.и.н., старший научный сотрудник Института Латинской Америки.

нилось, что спорные границы и слабо контролируемые территории превращаются, а в некоторых случаях давно уже превратились в гнезда глобализирующейся преступности, в рассадники международного терроризма, наркомафии, контрабанды. И что с этим уже общемировым злом поодиночке бороться, да еще при наличии споров и соперничества с соседями, перерастающих во враждебность, становится весьма затруднительно. Ограниченным национальным ресурсам здесь противостоят практически неограниченные ресурсы мирового криминального сообщества, имеющего полную свободу международного маневра.

Не случайно, что сразу же после террористических актов в Нью-Йорке Аргентина направила специальные воинские подразделения в район тройной границы своей страны с Бразилией и Парагваем. И сделано это было вовсе не потому, что кто-то из соседей стал угрожать ей. На этот раз враг был совсем иной, нетрадиционный – международный криминал. И именно от этого нового врага защищаться приходится уже общими силами, не ограничиваясь лишь национальной территорией. Защищать приходится общие границы. А для этого необходимо в первую очередь очистить эти границы от накопившихся за долгие годы напластований споров и взаимных претензий, чтобы на основе взаимного доверия, используя международно признанное «право на преследование», искоренить зло, не оставляя ему пространства для маневра и убежища. Вскоре после этого уже 1 октября 2001 г. министры внутренних дел государств – участников Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) договорились о создании постоянной рабочей группы, призванной заниматься координацией антитеррористической деятельности в регионе. В подчинении у нее будут находиться все совместные оперативные органы государств МЕРКОСУР, призванные обеспечивать безопасность в регионе, и среди них – специальная оперативная группа Аргентины, Бразилии и Парагвая, действующая на стыке границ этих стран, а также совместные аргентино-уругвайская и аргентино-бразильская оперативные группы, действующие на проходящей по реке Уругвай границе Аргентины с Уругваем и Бразилией. Так как проблемы, сходные с имеющимися в районе «тройственной границы», возникают также и на уругвайско-бразильской границе, то предполагается интеграция Уругвая в деятельность этой оперативной группы. Приглашение принять участие в ней было направлено также и ассоциированным членам МЕРКОСУР – Боливии и Чили.

Государственные границы современных латиноамериканских стран формировались на основе административно-территориального деления, существовавшего в колониях Испании, Португалии и других стран (согласно принципу “*uti-possidetis*”), но затем, после получения в XIX веке независимости, какое-то время были еще довольно подвижны и лишь постепенно определялись и закреплялись в соответствующих межгосударственных соглашениях. Естественно, что этот процесс не всегда проходил гладко и безболезненно, свидетельством чему стали многочисленные войны и пограничные конфликты, особенно часто вспыхивавшие в первый период независимой истории, но время от времени дающие рецидивы и в наше время. На политической карте Латинской Америки можно определить те участки международных границ, территориальные споры на которых до сих пор до конца не улажены и где существуют очаги напряженности. Даже у островных государств, территория которых естественно ограничивается морем, и то возникают споры с соседними островами по поводу определения морских границ. Так, в июле 2000 года правительства Тринидада и Тобаго, с одной стороны, и Барбадоса, с другой, начали переговоры по уточнению своих морских владений. В данном случае успеху переговоров способствовал тот факт, что оба государства являются членами одной интеграционной группировки – Карибского сообщества (КАРИКОМ), заинтересованной в преодолении возникших разногласий и в развитии всестороннего сотрудничества между всеми входящими в нее странами.

В условиях политической нестабильности и возникновения в различных регионах нашей страны конфликтов разной степени интенсивности для нас практический интерес представляет латиноамериканский опыт, где региональные и локальные конфликты разного масштаба сопровождают практически всю историю независимого развития этих государств.

Одной из наиболее активных сейсмических зон на континенте является Центральная Америка. И не только по количеству землетрясений и извержений вулканов, но также и по числу разного рода конфликтов. Постоянное присутствие этих конфликтов, их периодическое обострение, многообразие внутренних и внешних причин создали здесь ту ситуацию, которая одними политологами определялась как революционная, а другими – как нестабильная. Эта традиционная зона нестабильности в Латинской Америке закономерно превращала ее в свое-

образный полигон для отработки новых средств урегулирования разного рода конфликтов.

Вслед за прекращением внутренних конфликтов в Центральной Америке сразу же начали нарастать межгосударственные трения, оживать прежние территориальные споры, находившиеся до того в латентном состоянии, и возникать пограничные конфликты. Не случайно, что именно вовлеченные в прежний региональный конфликт Никарагуа, Сальвадор и Гватемала стали также участниками новых, на этот раз уже международных конфликтов. На настоящий момент сохраняются территориальные споры между Никарагуа и Гондурасом, Сальвадором и Гондурасом, Никарагуа и Коста-Рикой, Гватемалой и Белизом.

Никарагуа имеет давний территориальный спор с Гондурасом по поводу демаркации морских границ. Начало этому было положено ратификацией в 1999 году договора о морских границах между Гондурасом и Колумбией, который затрагивал интересы третьей стороны – Никарагуа, предъявившей свои претензии на ряд островов (в частности, на острова Сан-Андрес и Провиденсия¹) и на прилегающий к ним континентальный шельф в Карибском море площадью до 130 кв. км. В ответ на заключение этого договора Никарагуа ввела повышенные пошлины на гондурасские товары и выступила с правительственными заявлениями, осуждающими развертывание гондурасских войск на границе и намерения Гондураса вновь ввести обязательную военную службу, которая была отменена в центрально-американских государствах после прекращения регионального конфликта. Проведение Гондурасом совместных с США военных маневров, уведомление о которых было передано не за 30 дней, как этого требуют договор «О безопасности и демократии в Центральной Америке» и никарагуано-гондурасское соглашение о смягчении военной напряженности, подписанное двумя странами в 2000 году в Вашингтоне под эгидой ОАГ, а всего за 48 часов, также вызвало резкую реакцию со стороны никарагуанского правительства. Закупки Гондурасом вооружений, по мнению никарагуанской стороны, нарушают сложившийся военный баланс не только между двумя странами, но и во всем регионе. Среди других обвинений указывается также на отказ Гондураса участвовать в работе Центральноамериканской комиссии по вопросам безопаснос-

¹ Архипелаг Сан-Андрес и Провиденсия находится в 168 км от никарагуанского побережья и в 584 км от колумбийского.

ти, что фактически парализует ее работу. Со всеми этими претензиями Никарагуа обратилась в ОАГ, призывая ее содействовать снижению военной напряженности в регионе.

В качестве возможных путей разрядки напряженности никарагуанская сторона предлагает Гондурасу разместить в спорном районе морской границы совместную миссию по наблюдению за соблюдением имеющихся договоренностей, а также осуществлять совместное патрулирование отдельных участков границы.

Новым этапом в процессе урегулирования этого спора стало обращение двух государств в Международный суд в Гааге, решение которого ожидается не ранее чем через два года и будет официально признано правительствами двух стран и послужит правовой основой договора, подписанного 11 июля 2002 г. президентами Гондураса Рикардо Мадуро и Никарагуа Энрике Боланьосом. Этот договор открывает реальные перспективы для окончательного разрешения конфликта. Но уже буквально на следующий день, 12 июля того же года власти Никарагуа объявили об открытии международного конкурса на получение лицензии на проведение геологоразведочных работ в спорном районе. Один из выставленных на конкурс участков располагался на 17-й параллели, где, как считает Никарагуа, проходит ее граница с Гондурасом. В свою очередь Гондурас настаивает на том, что эта граница проходит по 15-й параллели.

Эта зона представляет особый экономический интерес для стран, спорящих из-за ее национальной принадлежности, так как является привлекательным туристическим центром, где ведется беспошлинная торговля. Кроме того, по последним сведениям здесь имеются большие запасы нефти, достигающие по некоторым оценкам 3 млрд. баррелей.

После нового витка пограничного спора в него активно вмешалась Колумбия, так как выставленные на конкурс участки находятся в непосредственной близости от архипелага Сан-Андрес и Провиденсия, который уже с 1995 года фигурирует на ее географических картах как один из 32 департаментов. В Никарагуа же еще в 1984 году были изданы карты, на которых этот архипелаг входит в состав никарагуанского департамента Селайя.

Колумбийская сторона утверждает, что ее суверенитет над спорным районом определен договором 1928 года, известным как договор Эсгерры-Барсенаса. Однако Никарагуа еще в 1980 году объявила его не-

действующим, так как, по мнению никарагуанской стороны, он был подписан в условиях оккупации страны войсками США.

Для Колумбии, где многие десятилетия идет кровопролитная гражданская война, уже унесшая тысячи жизней, территориальный спор является очень подходящим предложением для переключения общественного внимания с тупиковых внутривнутриполитических проблем на весьма перспективные в плане возможного патриотического сплочения нации внешнеполитические споры для превращения войны гражданской в победоносную борьбу с внешним противником. И тогда такие хронические беды страны, как наркоторговля и непрекращающееся насилие левых партизан, правых военизированных формирований и правительственных войск, отойдут на задний план.

Никарагуа имеет также проблемы и на границе с Коста-Рикой. Здесь спор возник по поводу права на судоходство по пограничной реке Сан-Хуан. Никарагуа настаивает на своем суверенитете на фарватер этой реки и протестует против присутствия здесь катеров коста-риканской полиции. Представителям двух стран пока не удается добиться прогресса на переговорах, проходящих при участии генерального секретаря ОАГ С. Гавирии.

Другой участник регионального конфликта в Центральной Америке – Сальвадор, едва выйдя из затяжной гражданской войны, оказался на пороге возобновления давнего, продолжающегося вот уже более ста лет территориального спора с Гондурасом, уже приведшего в 1969 году к кровопролитной «Футбольной войне», унесший 5 тысяч жизней. И хотя еще в 1980 году обе страны обратились в Международный суд в Гааге, а в 1992 году этот суд вынес свое решение, определив линию границы на спорном участке, сальвадорская сторона по-прежнему считает, что окончательная демаркация границы еще не завершена, и в этой связи в 2000 году в Сальвадоре были изданы географические карты, на которых эта граница указана не в соответствии с решением Гаагского суда. Дело в том, что по этому решению Сальвадор получил лишь одну треть спорной территории, что для перенаселенной и одной из самых маленьких по территории стран Латинской Америки стало заметным ущемлением национальных интересов. Однако Гондурас утверждает, что решение Международного суда является окончательным и обязательным к выполнению и соблюдению.

Третий участник центрально-американского конфликта – Гватемала – после выхода из гражданской войны оказалась перед лицом на-

растающего территориального спора с Белизом. Спор этот также уходит корнями в далекое прошлое, когда Белиз еще являлся британской колонией и Англия навязала Гватемале в 1859-1862 годах несправедливое с точки зрения последнее решение. В 1930 году Гватемала возобновила свои требования, и в 1945 году гватемальский парламент официально объявил об одностороннем выходе из договора и потребовал возвращения всей территории². Речь идет о 12 272 кв. км территории Белиза от реки Сибун до Сарстуна, так как она не была включена в англо-испанские договоры XVII века.

В относительно более благополучной (на фоне Центральной Америки) благодаря нефти Венесуэле, которая, правда, также сталкивается с тяжелыми социально-экономическими проблемами, территориальные споры не носят столь острого и взрывоопасного характера. Но и здесь существует напряженность на границе с соседней Гайаной, к которой Венесуэла имеет претензии по поводу обширного района Эссекибо площадью 159 500 кв. км. Этот давний спор, возникший еще в тот период, когда Гайана являлась британской колонией и Англия с позиции силы продиктовала условия территориального размежевания и заключения в 1899 году Парижского договора, периодически возобновляется, как только в Гайане возникают проекты освоения этого безлюдного, затерянного среди джунглей и болот района. В 2000 году очередное обострение конфликта было вызвано сообщениями о возможном строительстве здесь американского космодрома, аналогичного французскому космодрому Куру в соседней Гвиане. Лишь отказ от вызвавшего конфликт проекта позволил снять напряженность и начать под эгидой ООН переговоры представителей двух стран о путях решения этой проблемы.

Однако до окончательного урегулирования давнего спора все еще далеко. Министр иностранных дел Гайаны по-прежнему продолжает заявлять, что его страна не уступит Венесуэле ни дюйма земли Эссекибо, так как она является частью национальной территории. Но обнадеживает то, что венесуэльское правительство последовательно отстаивает позицию отказа от военной силы в решении спора, хотя и считает Парижский договор недействительным. Со своей стороны Гайана заявляет, что именно этот договор является окончательным решением проблемы и никакие переговоры по его пересмотру невозможны.

² Granma internacional, La Habana, 13.08.2000.

Можно констатировать, что данный конфликт находится в контролируемой стадии и не угрожает в ближайшем будущем перейти в активную вооруженную фазу.

Сложнее дело обстоит на венесуэльско-колумбийской границе, общая протяженность которой составляет 2 317 км. На заре независимости эти две страны составляли в течение непродолжительного времени (1819-1830 гг.) единое государство – Великую Колумбию, которая должна была стать воплощением мечты Освободителя Латинской Америки Симона Боливара о едином государстве на месте бывших испанских владений. Однако эта мечта так и осталась неосуществленной, а Колумбия и Венесуэла с тех пор существуют порознь, переживая периоды то обострения, то смягчения своих отношений.

В этой связи следует отметить, что быстрому решению пограничных проблем мешает их застарелость. Еще в 1830 году при распаде Великой Колумбии и образовании двух независимых государств Венесуэлы и Колумбии впервые встал вопрос о необходимости определения их новых границ, об их демаркации и делимитации. После продолжительного и бурного процесса пограничных споров были начаты в 1970 году так называемые Римские переговоры, камнем преткновения на которых стал вопрос о суверенитете над богатым нефтью Венесуэльским заливом. Ситуация оказалась практически тупиковой, и обе страны балансировали на грани войны вплоть до 1989 года.

Новый этап в развитии переговорного процесса по сотрудничеству и разрешению территориальных споров между Колумбией и Венесуэлой начался в 1989 году, чему предшествовало обострение двухсторонних отношений, связанное с появлением колумбийского военного корабля в территориальных водах Венесуэлы в августе 1987 года. Начало этому трудному пути было положено принятием 3 февраля 1989 г. Каракасского соглашения, подписанного президентами двух стран, в котором было объявлено о создании межправительственных комиссий по урегулированию пограничных споров и других разногласий между двумя государствами³. В развитие этого договора уже 28 марта того же 1989 года была принята совместная Декларация Уреньи, подписанная двумя президентами на приграничном мосту, в которой уже объявлялся состав межправительственных комиссий и назывались имена представителей, вошедших в них.

³ Area L. Como negociar con los países vecinos? La experiencia colombo-venezolana. — Caracas, 2000. P. 127.

Хотя территориальные разногласия с соседней Колумбией у Венесуэлы и не столь остры, однако политическая нестабильность и затяжная гражданская война в соседней стране создают реальную угрозу для Венесуэлы в пограничном районе, где колумбийские партизаны постоянно совершают нарушения границы. Вызывающим примером стало убийство венесуэльских солдат в речном порту Карарабо 26 февраля 1995 г. Наркотерроризм и бандитизм с колумбийской территории стал активно распространяться на территорию Венесуэлы. Поэтому в последнее время венесуэльско-колумбийские отношения существенно обострились и две страны оказались на грани войны.

Ситуация на венесуэльско-колумбийской границе является отражением конфликтов нового времени. В отличие от межгосударственных, в этом случае имеет место конфликт с негосударственными преступными террористическими сообществами. Колумбийское правительство в ходе проведения переговоров с партизанами три года назад официально определило демилитаризованную зону площадью 42 тыс. кв. км на юге страны. За это время эта территория полностью перешла под контроль повстанцев и превратилась в «независимую партизанскую республику», где правительство не имеет своих органов власти. Наличие таких неподконтрольных правительству территорий является угрозой не только для Колумбии, но и для других стран, так как террористы, опираясь на эти тыловые базы, осуществляют свою деятельность и в других странах. Борьба с терроризмом требует уничтожения таких неподконтрольных правительству зон. Однако в сложившейся ситуации силовая ликвидация этой зоны может спровоцировать гражданскую войну. Не пользующееся поддержкой общества правительство Колумбии не может решиться на такой шаг. Поэтому постоянное сотрудничество в пограничной зоне с соседними государствами становится жизненно необходимым условием для успешной антитеррористической деятельности.

После распада в 1830 году Великой Колумбии Венесуэла и Колумбия оказались в положении разделенных сиамских близнецов. Достаточно сказать, что 60% пресных вод Венесуэлы дают реки, текущие с территории соседней Колумбии, что население страны постоянно подпитывается за счет колумбийской миграции, что именно оттуда постоянно исходит также угроза наркокриминала. Но одновременно именно Колумбия является вторым по значению торговым партнером Венесуэлы, а производство в приграничной зоне страны на 75%

обеспечено колумбийскими трудовыми ресурсами. Мы должны констатировать, что правительства двух стран пока не смогли выработать основы для достижения прочного мира, а ситуацию в отношениях между ними можно определить как переходную от «холодной войны» к «горячему миру». Все еще существует реальная угроза перерастания любого пограничного конфликта в полномасштабную войну, и эта угроза еще более усиливается по мере осложнения внутривосточной ситуации как в той, так и в другой стране. Обострения напряженности в двухсторонних отношениях давно уже стали циклическими и напрямую связаны с обострением внутренних конфликтов.

Одним из застарелых территориальных споров в Латинской Америке является боливийско-чилийский. В различных войнах Боливия потеряла огромные (для этой сравнительно небольшой страны) территории: 337 836 кв. км отошло к Бразилии, 157 тыс. кв. км – к Аргентине, 81 950 кв. км – к Перу и более 100 тыс. кв. км – к Парагваю⁴. В 1825 году на момент провозглашения независимости территория республики составляла около 3 млн. кв. км, а к 1935 году она сократилась почти до 1 млн. кв. км⁵. Но наиболее трудноразрешимым и глубоким оказался территориальный спор между Боливией и Чили, возникший сразу же после завершения Тихоокеанской войны 1879 года.

Позиция Чили однозначна: никакой территориальной проблемы не существует. Договор 1904 года окончательно закрепил границу между двумя странами, он был добровольно подписан и ратифицирован парламентами, в настоящее время Боливия имеет свободный транзит через чилийскую территорию к чилийским портам. Из-за своей бескомпромиссности Чили оказывается в ситуации, чем-то напоминающей положение Израиля, когда требования о возвращении захваченных земель угрожают привести к изоляции во враждебном окружении. Разумеется, нельзя сравнивать остроту кризиса на Ближнем Востоке с ситуацией на границах Чили. Но то, что Боливия не намерена отказываться от своих требований, показывает вся история ее развития.

Если чилийско-боливийский спор представляет собой одну из наиболее давних и до сих пор трудноразрешимых территориальных проблем, то примером успешного урегулирования не менее сложного конфликта является заключение мирного договора и проведение оконча-

⁴J. Escobari Cusicanqui. El Derecho al mar. – La Paz, 1979. P. 31.

⁵Ibid. P. 245-246.

тельной демаркации границы между Перу и Эквадором⁶. Но для достижения этого потребовались значительные спонсорские средства. По условиям договора предусматривался двухсторонний план развития перуано-эквадорской приграничной зоны, финансовые затраты на реализацию которого оцениваются в 3 млрд. долл.⁷ Деньги должны пойти на улучшение качества жизни проживающего здесь населения, на развитие коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, на создание новых предприятий и контроль за состоянием окружающей среды, на электрификацию и другие нужды.

Для изыскания необходимых средств был создан Международный комитет по содействию двустороннему плану развития перуано-эквадорской приграничной зоны, в который кроме представителей Перу и Эквадора вошли также президент Межамериканского банка развития Э. Иглесиас, представители стран – спонсоров мирного соглашения: США, Бразилии, Испании, Германии, Италии, Японии, а также Андской корпорации развития, Программы развития ООН и МБР. Реализация этого плана стала вторым этапом после подписания в 1998 году мирного договора, призванным обеспечить гарантии прочного и взаимовыгодного мира. Показательно, что за прошедшее время Перу смогла стать вторым по значению торговым партнером Эквадора, увеличился обмен людьми между двумя странами. И даже в настоящее время, несмотря на острый внутривнутриполитический кризис, который переживают оба государства, обстановка на границе остается спокойной. Пример Перу и Эквадора показывает, что значительные спонсорские вливания в конфликтный регион являются важным средством умиротворения, которое наряду с политическими и дипломатическими рычагами реально способствует разрешению самых застарелых конфликтов. Разрешение территориальных споров и пограничных конфликтов – вещь дорогая. И для ее достижения необходим спонсор, который мог бы либо оплатить мир, либо принудить к миру. Поэтому даже, казалось бы, давно улаженные конфликты могут давать рецидивы, требуя все новых денег и новых усилий, как только прежние оказываются растраченными.

⁶ Подробнее см.: Г.Е. Ключенов. Погашен еще один вооруженный конфликт // Латинская Америка. 1999. № 2-3; Г.Е. Ключенов. Перу – Эквадор: пограничный спор // Московский журнал международного права. 1999. № 4.

⁷ Пульс планеты. 2 ноября 2000 г.

Территориальные претензии имеются практически у всех стран Латинской Америки, однако их предъявляют лишь примерно равным по силе соседям. Поэтому Мексика, потерявшая почти половину национальной территории, избегает конфликтовать с США, а Парагвай – с Бразилией.

Однако бывают случаи стратегических просчетов, недооценки силы противника, что оборачивается большими политическими издержками. Когда в 1982 году Аргентина попыталась силой вернуть себе Мальвинские (Фолклендские) острова, то подверглась публичной порке со стороны Великобритании в назидание всем, чтобы знали: все страны равны, но одни более равны, чем другие, и что сила права еще не исключает права силы. Военно-политическая обстановка сложилась тогда не в пользу Аргентины еще и потому, что на тот момент у нее имелся неразрешенный территориальный спор с Чили, правительство которой, опасаясь, что после военного конфликта с Великобританией Аргентина предпримет попытку силового разрешения этого спора, стало на сторону Англии в ее войне против Аргентины. Таким образом, в нужный момент Великобритания получила стратегического союзника, а Аргентина – противника у себя в тылу. Впоследствии Аргентина постаралась исправить свой стратегический просчет и приложила все силы для разрешения своих территориальных споров с Чили.

Этот печальный опыт Аргентины, военное правительство которой решило «подергать за хвост мертвого льва», оказавшегося не совсем мертвым и способным огрызнуться, учла Испания. После многовекового противостояния с той же Великобританией по вопросу о Гибралтаре испанское правительство смогло наконец найти компромиссный путь, предусматривающий совместное владение этой территорией. Этот опыт в случае его успеха мог бы пригодиться и Аргентине при решении мальвинской (фолклендской) проблемы.

Однако были и действительно реальные успехи, например в урегулировании аргентино-чилийского территориального спора, которые привели к подписанию в 1998 году договора о разделе континентальных ледников, ратифицированного парламентами двух стран в 1999 году. Подписанный договор касался 200-километрового участка границы в районе горной гряды Кордильер. Общая протяженность чилийско-аргентинской границы составляет около 5 тыс. км, и споры возникали в 24 случаях. В 1991 году был заключен целый пакет соглашений, по которым прекращались 22 из общего числа пограничных

споров. Самым трудным был спор по поводу принадлежности островов и части шельфа в проливе Бигл на крайнем юге. Переговоры начались при посредничестве папы римского Иоанна-Павла II еще в 1984 году, но только в 1991 году удалось выйти на подписание соответствующего договора. Отмечались также и другие успехи в разрешении имевшихся на тот период разногласий.

Особое место в территориальных спорах занимает Антарктида – последний «неприватизированный» континент. Претензии Аргентины и Чили на часть территории Антарктиды ограничиваются пока лишь географическими картами, хотя с развитием техники эта казавшаяся далекой, как луна, ледяная земля становится все ближе и доступнее. Территориальные споры в этом районе еще впереди, несмотря на то, что международный договор по Антарктиде пока их не допускает.

Но две латиноамериканские страны не отказались от своих претензий, и вот уже в разгар второй мировой войны, когда Великобритания была лишена возможности вмешиваться в дела далекого континента, в 1940 и в 1942 годах Чили и Аргентина, основываясь на известной доктрине Монро, предприняли шаги по уточнению своих южных границ в Антарктике. Чили претендовала на территории между 53 и 90 градусами западной долготы, а Аргентина – от 25 до 74 градуса западной долготы вплоть до Южного полюса. Спорными оказались сектора, составляющие 21 градус. Для урегулирования этого спора было принято «соломоново решение» – в 1947 году на межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро эти сектора были включены в так называемую «Американскую зону безопасности».

До 1961 года, когда вступил в силу Антарктический договор, заморозивший все территориальные споры на этом континенте, были предприняты многочисленные шаги по достижению общей чилийско-аргентинской позиции по территориальному размежеванию в «Южноамериканской Антарктиде». При этом правительства обеих стран постоянно подтверждали свой суверенитет в этой зоне. Проблема Антарктиды заморожена, но не решена. Антарктический договор заключался в условиях существовавшего на тот период двухполюсного мира, и с изменением мировой геополитической ситуации исчезли факторы, обеспечивавшие стабильность в мире и гарантировавшие соблюдение, в частности, и этого договора. Нынешний переходный период ставит под вопрос соблюдение ранее заключенных договоров (о противоракетной обороне, например), и создается реальная угроза пересмотра

всей международной договорной базы. Это ведет к возникновению предпосылок для пересмотра Антарктического договора при более активном участии Аргентины и Чили.

Подводя итоги рассмотрению латиноамериканского опыта разрешения территориальных споров, можно сделать следующие выводы.

1. Территориальные претензии предъявляются лишь слабым государствам. Поэтому гарантией от возникновения территориальных споров являются внутренняя политическая консолидация, экономическое развитие, социальная стабильность и военная мощь.

2. Причины пограничных конфликтов аналогичны тем, которые порождают и внутренние конфликты, поэтому те и другие обычно взаимосвязаны и сменяют друг друга. Преодоление их и достижение прочного внутреннего и международного мира может быть обеспечено лишь устранением порождающих их причин.

3. При решении территориальных споров и конфликтов необходим комплексный подход: дипломатический, политический, экономический, культурный. Переговорный процесс должен идти при наличии политической воли сторон к достижению мира, условия мирных договоренностей должны включать реальное экономическое сотрудничество сторон, их интеграцию, а также культурные контакты, содействующие взаимопониманию и преодолению ксенофобии.

4. Практика показывает, что наиболее успешно территориальные споры решаются при участии авторитетных международных организаций, влиятельных спонсоров и стран – гарантов соблюдения достигнутых договоренностей.

5. Для успеха мирного процесса необходимо, с одной стороны, принуждение к миру, а с другой – инвестиции в мирное развитие. Реальный и прочный мир требует денег и силы.

6. Все международные договоры действуют лишь до тех пор, пока сохраняется соотношение сил, существовавшее на момент их заключения. Как только эта ситуация изменяется, договоры начинают подвергаться эрозии, а с радикальным изменением соотношения сил они становятся формальностью, и тогда казалось бы окончательно разрешенные территориальные споры вновь оживают. Поэтому в истории в принципе не может быть окончательных решений.

7. В новой реальности все локальные и региональные проблемы неизбежно глобализируются, и для их преодоления необходимо участие мирового сообщества. Оставаясь бесконтрольными, пущенными на самотек, даже небольшие конфликты могут привести к опасным для здоровья мира нагноениям.

Испания – Марокко: территориальный спор

*Мелков Г.М.**

1. Фактологические данные**

Остров Лейла (Перехиль) находится в 200 м от побережья Марокко в территориальном море этой страны. Остров размером с футбольное поле необитаем. Ни в одном из существующих международных документов не говорится о его территориальной принадлежности. В 1956 г. Марокко получило независимость и стало самостоятельным суверенным государством – членом ООН в пределах существовавших границ государства с учетом принадлежности Испании анклавов Сеута и Мелилья, расположенных на северном побережье Африки на территории Марокко. Само собой разумеется, что правительство Марокко не подтверждало своим государственным актом свой суверенитет на этот крошечный островок, полагая, очевидно, что в этом не было никакой необходимости. С получением независимости, т.е. с 1956 г., Марокко считало этот остров своим.

Однако у правительства Испании было другое мнение. Испания считала, что этот остров перешел под ее юрисдикцию (термин корреспондента «Российской газеты» Д. Косарева) после подписания испано-французского договора в 1912 г., который, в числе прочих, касался государственной принадлежности их колониальных территорий на Африканском материке. Между Марокко и Испанией возник своего рода территориальный вопрос – спор о государственной принадлежности этого маленького островка. После получения Марокко независимости дипломатические переговоры между двумя странами относительно спорного острова закончились тем, что в 60-х годах XX века Марокко и Испания согласились придать острову статус демилитаризованной территории с запрещением размещать там войска договари-

* Мелков Геннадий Михайлович – Заслуженный юрист Российской Федерации, д.ю.н., профессор Российского государственного торгово-экономического университета.

** Фактологические данные составлены по публикациям Д. Косарева в «Российской газете» от 16, 17 и 22 июля 2002 г.

вающихся сторон. Таким образом, государственная принадлежность острова «повисла в воздухе», два государства – Марокко и Испания – одновременно считали его своим.

В 1991 г. Марокко и Испания заключили между собой Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в котором также ничего не говорилось о спорном острове. И такое «добрососедство» продолжалось более 10 лет, несмотря на наличие «территориальной мины» в отношениях этих двух стран.

11 июля 2002 г. 12 марокканских солдат (Д. Косарев назвал их марокканскими жандармами, полагая, вероятно, что между словами «солдат» и «жандарм» нет никакой разницы) под предлогом выполнения специальной операции по борьбе с нелегальными иммигрантами и торговцами гашишем, высадились на острове, разбили лагерь и подняли флаг Марокко, недвусмысленно намекая на принадлежность острова этому государству. Испания заявила властям Марокко официальный протест. Министр иностранных дел Испании Ана де Паласио назвала действия Марокко «серьезным и беспокоящим инцидентом, противоречащим Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 1991 года» и выразила надежду урегулировать этот инцидент дипломатическим путем. Независимо от действий министерства иностранных дел министерство обороны Испании объявило состояние повышенной боевой готовности своих гарнизонов в анклавах Сеута и Мелилья, а также на юге самой Испании и направило к берегам спорного острова несколько военных кораблей со спецназом, вертолеты и подводную лодку.

Для оказания давления на Марокко Испания задействовала также Евросоюз, полностью поддерживающий Испанию в этом споре. Именно ЕС является основным источником финансовой помощи Марокко, и в случае принятия экономических санкций и пересмотра отношений с Рабатом, на чем настаивает Испания, экономика североафриканской страны не досчитается многих миллионов евро.

Руководство НАТО, полагая, что спор идет по проблеме, связанной с двусторонними отношениями Испании и Марокко, и не считая высадку марокканцев на о. Лейла (Перехиль) нападением на Испанию, заявило о том, что НАТО не будет вмешиваться в спор между Испанией и Марокко на основании ст. 5 Североатлантического договора (об оказании военной помощи члену НАТО, подвергнувшемуся нападению извне). Это решение НАТО придало больше уверенности прави-

тельству Марокко, не ожидавшему быстрых силовых ответных действий Испании.

15 июля министр иностранных дел Марокко М. Бенаисса заявил, что, несмотря на требования Испании и Евросоюза вывести марокканских военных с острова, Рабат намерен сохранить свое военное присутствие на спорном острове. Кроме того, правительство Марокко напомнило Испании о своих правах на анклавы Сеута и Мелилья.

В ответ на это заявление руководство НАТО резко изменило свое отношение к этому конфликту и выступило в поддержку Испании, требуя от Марокко вывести свои войска с острова. Позиции НАТО и ЕС развязали руки правительству Испании для ответных силовых действий на острове.

17 июля в 6 ч. 17 мин. по местному времени испанские войска (отряд спецназа) при поддержке авиации и ВМС высадились на острове, взяли в плен семь марокканских пехотинцев, не оказавших сопротивления, и подняли над островом флаг Испании. Семь пленных и кухарка были привезены в Сеуту и впоследствии переданы марокканской стороне. Правительство Марокко оказалось не готовым, а правильнее, не способным к какому-либо противодействию Испании – члену НАТО.

При отсутствии прямых контактов между правительствами Испании и Марокко все переговоры между ними велись через госсекретаря США К. Пауэлла, выступавшего в роли посредника и, как подчеркивала испанская сторона, гаранта выполнения Марокко своих обязательств не вводить повторно войска на о. Перехиль. Официальный представитель госдепартамента США Р. Баучер подчеркнул, что «возникший конфликт – это спор между двумя друзьями. И если существует возможность добиться мирного решения спора, то ее надо всячески использовать».

В ночь с 20 на 21 июля 75 испанских солдат и офицеров, спустив флаг Испании, на вертолетах покинули остров и вернулись в гарнизон Сеуты. Таким образом, попытка Марокко силовым путем, хотя и под благовидными предлогами, решить территориальный спор с Испанией в свою пользу завершилась полным провалом. Остров Лейла (Перехиль) снова стал необитаемым и демилитаризованным, а вопрос о его территориальной принадлежности снова «повис в воздухе». Таковы факты.

Правовая оценка действий Марокко и Испании

Позицию Марокко в отношении распространения своего суверенитета на спорный остров понять легко, так как она вполне объяснима.

В соответствии с веками сложившейся международной практикой государств все острова, островки и скалы, находящиеся вблизи побережья государства в пределах его территориального моря, входят в состав государственной территории этого государства. Они учитываются при проведении прямых исходных линий, от которых отсчитывается ширина территориального моря любого государства. На этом построены статьи 4 и 7 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Это аксиома. Тем более что спорный необитаемый островок находится на расстоянии от побережья всего лишь 200 м, т.е. на расстоянии чуть больше одного кабельтова или одной десятой части морской мили (1 кбт. = 185,2 м).

Максимум, на что влияет этот островок (или любой другой подобный островок), так это на ширину территориального моря, прилегающей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в месте нахождения этого островка (ст. 121 «Режим островов» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Эта ширина увеличится на 200 м плюс ширину самого островка. Это увеличение как таковое настолько мизерно, что его можно увидеть только на морских картах мелкого масштаба или на планах, на картах же среднего масштаба оно будет поглощаться «уколом» ножки циркуля-измерителя.

И таких островков, как Лейла (Перехиль) у каждого государства может быть великое множество. Нельзя даже и предположить, что какое-либо государство будет отдельным актом подтверждать свой государственный суверенитет на каждый из этих сотен и тысяч островков. Вот почему и Марокко с получением независимости в 1956 г. не подтверждало специальным государственным актом свой суверенитет на этот островок. В этом просто не было никакой необходимости, ибо для любого здравомыслящего человека, не говоря уже о юристах-международниках, вполне ясно, что о. Лейла (Перехиль) входит в состав сухопутной территории Марокко с распространением на него государственного суверенитета этой страны. Именно не «юрисдикции», как об этом писал корреспондент «Российской газеты» Д. Косарев (такой термин применять просто нельзя), а о территориальном суверенитете.

Островок Лейла (Перехиль) никак не может быть поставлен в один ряд с испанскими территориальными анклавами на марокканской территории Сеуты и Мелильей. Они просто несопоставимы. Спорный островок очень мал и необитаем, а Сеута и Мелилья – это промышленные и сельскохозяйственные районы с высоко развитыми инфраструктурами, издавна принадлежащие Испании еще на правах колониальных владений.

Еще перед получением Марокко независимости ее будущие руководители знали, что Сеута и Мелилья будут оставаться испанскими и далее, хотя признать это положение нормальным нельзя. Для Марокко Сеута и Мелилья – это то же самое, что Гибралтарская скала для Испании, которую Испания хочет вернуть себе (и это вполне законно), то же самое, что и бывшие французские и португальские анклавы (владения) на территории Индии, которые были возвращены Индии договорным или силовым путем, как это было в отношении Гоа, Диу и Дамана). Правда, за спиной Индии в то время стоял ее верный друг – СССР. И все это знали). Рано или поздно анклавы Сеута и Мелилья, по нашему мнению, также должны будут перейти под суверенитет Марокко.

Д. Косарев слишком преувеличил роль и значение спорного острова. В стратегическом плане, пишет он в статье «Испания и Марокко не поделили необитаемый остров», «этот островок представляет большой интерес, так как с него можно контролировать Гибралтарский пролив и подступы к испанскому анклаву Сеута в Северной Африке». Согласиться с этим весьма трудно, так как Гибралтарский пролив, в том числе и его подводное пространство, вот уже несколько десятилетий полностью контролируют США и НАТО, в том числе и сама Испания, с помощью наземных радиолокационных станций и подводных гидроакустических систем, размещенных на дне пролива. После распада СССР вряд ли какое государство захочет установить такой контроль над этим международным проливом мирового значения с острова Лейла (Перехиль). В настоящее время США и НАТО просто никому не дадут возможности сделать это.

Сделав такую предварительную правовую оценку, можно задать вопрос: могло ли правительство Марокко использовать Международный суд ООН (со ссылками на Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. или без таковых) для решения вопроса о своем территориальном суверенитете на спорный остров? Безусловно, да! Но ... оно не воспользовалось этим своим правом, которое предоставлено Уставом

ООН каждому государству – члену ООН и которое одновременно запрещает применять силу или угрозу силой в решении каких-либо спорных межгосударственных вопросов (ст. 2 Устава ООН).

Естественно, возникают и другие вопросы: влияет ли на государственную принадлежность любого острова международно-правовой режим его демилитаризации? Или, имеет ли режим демилитаризации какого-либо острова отношение к самой принадлежности этого острова какому-либо государству? Ответы на эти вопросы могут быть только отрицательными. Режим демилитаризации о. Лейла (Перехиль), на который согласились Марокко и Испания, никоим образом не решал и не может решить его государственную принадлежность. Архипелаг Шпицберген, например, принадлежащий Норвегии, демилитаризован, равно как и Аландские острова, принадлежащие Финляндии, а вот демилитаризованные и нейтрализованные Антарктика, небесные тела (Луна и другие) не принадлежат никому. Демилитаризация как таковая не имеет никакого отношения к территориальному суверенитету.

Мы не будем приводить доктринальные определения юридического содержания понятия (или термина) «демилитаризация», приводимые в трудах известных советских или российских и западных ученых, они уже давно известны специалистам в области международного права. Обратимся к общеизвестному договорному источнику – Мирному договору с Италией от 10 февраля 1947 г. «1. Пантеллерия, Пелагские острова (Лампедуза, Лампионе и Линоза) и Пианоза (в Адриатическом море) должны быть и останутся демилитаризованными» (ст. 49).

«Для целей настоящего Договора термины «демилитаризация» и «демилитаризованный» будут означать запрещение в пределах данной территории и территориальных вод всех военно-морских, военных и военно-воздушных сооружений, укреплений и их вооружения; искусственных военных, военно-морских и военно-воздушных заграждений; базирования или пребывания, как постоянного, так и временного, каких-либо частей сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, военного обучения в какой-либо форме, и производства военных материалов и техники. Этим не запрещается персонал внутренней охраны ограниченной численности, отвечающей задачам внутреннего характера, вооруженный таким оружием, которое может быть носимо и используется одним человеком, и необходимое для этого персонала военное обучение» (Приложение XIII Определение терминов «демилитаризация» и «демилитаризованный»).

Вот эту самую внутреннюю охрану во всем мире и выполняют полицейские силы (или жандармы) ограниченной численности, в том числе и на любом демилитаризованном острове.

Могло ли правительство Марокко использовать режим демилитаризации спорного острова в своих национальных интересах? Да, могло! Но ... оно не воспользовалось правами, которые предоставляет международное право государству в отношении демилитаризованного острова (островов).

Имеет ли право правительство Марокко (как, впрочем, и правительство любого государства вообще) с помощью полицейских сил пресекать нелегальную иммиграцию, которая зачастую прямо связана с актами международного терроризма, и торговлю наркотиками? Безусловно, да! К этому каждое государство обязывается Уставом ООН, двумя пактами о правах человека 1966 г., многочисленными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, особенно после нападения на США 11 сентября 2001 г. боевиков «Аль-Каиды», многими универсальными конвенциями по борьбе с уголовными преступлениями международного характера, в том числе по борьбе с незаконной торговлей наркотическими средствами и психотропными веществами. Однако правительство Марокко не сумело грамотно воспользоваться этими правами, которые международное право предоставляет всем государствам. Создается такое впечатление, что у правительства Марокко на тот момент не было грамотных советников – юристов-международников.

Вместо должного учета действующих норм международного права правительство Марокко с самого начала практических действий на о. Лейла (Перехиль) 11 июля 2002 г. допустило несколько грубых ошибок международно-правового характера, которые привели к плачевному результату.

Первая ошибка. Вместо продолжения прямых дипломатических переговоров с правительством Испании относительно государственной принадлежности спорного острова, вместо обращения в Международный суд ООН с этим же вопросом правительство Марокко приняло решение на высадку военного десанта на спорный остров с поднятием на нем государственного флага Марокко. Такими действиями были нарушены и ст. 2 Устава ООН («Все члены ООН разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения...» – п. 3 и п. 4), и общепризнанное понятие «демилитаризация».

Вполне понятно, что даже высадка вооруженного отряда марокканских войск на спорный остров – это не есть нападение на Испанию, это не есть акт агрессии Марокко против Испании – члена НАТО. Правительство Марокко продолжало пребывать в уверенности (или специально делало вид), что остров Лейла находится под суверенитетом Марокко, не принимая всерьез испанские притязания на остров. Вот почему в первые дни высадки вооруженных марокканских солдат на остров руководство НАТО заявило, что НАТО не будет вмешиваться в спор между Испанией и Марокко на основании ст. 5 Североатлантического договора (об оказании военной помощи члену НАТО, подвергнувшемуся нападению извне).

Вторая ошибка. Правительство Марокко, «воодушевленное» этой позицией руководства НАТО, пошло еще дальше. 15 июля 2002 г. министр иностранных дел Марокко М. Бенаисса заявил в ответ на требования Испании и Евросоюза вывести марокканских военных с острова, что Рабат намерен сохранить свое военное присутствие на спорном острове. Такое заявление было уже откровенным вызовом не только для Испании и Евросоюза (в подтексте и НАТО), но и для всего международного сообщества.

Третья ошибка. Правительство Марокко знало о притязании Испании на спорный остров, но ... намеренно (и абсолютно необдуманно) пошло на обострение взаимоотношений с Испанией поднятием на острове государственного флага Марокко. Этот шаг также был прямым вызовом для Испании.

Естественно, что результаты всех этих ошибок правительства Марокко только ускорили принятие Испанией ответных силовых мер по восстановлению существовавшего до 11 июля 2002 г. положения. Иного не могло и быть. Вполне понятно, что международное сообщество государств не могло одобрить действия правительства Марокко.

Была ли возможность у правительства Марокко использовать правовой режим демилитаризации спорного острова с целью пресечь незаконную иммиграцию и торговлю наркотиками, которые, как можно было предполагать, имели место на этом острове (или с этого острова)? Безусловно, была! Для этого нужно было бы сделать следующие шаги, предусмотренные международным правом: поставить в извест-

ность правительство Испании о своем намерении послать полицейские силы на остров с целью пресечения незаконной иммиграции и торговлю наркотиками (эти цели не только не противоречат режиму демилитаризации острова, но, наоборот, разрешены); согласовать с правительством Испании сроки и численность полицейского отряда, направляемого на остров; на основе добрососедства, в соответствии с Договором 1991 г., пригласить полицейские силы Испании для участия в этой полицейской акции в качестве наблюдателей или соисполнителей. И после получения согласия правительства Испании на осуществление указанной полицейской операции посылать полицейский отряд. В этом случае можно было бы говорить о дальнейшем полицейском (а не о военном) присутствии Марокко на острове. И уж, конечно, без всякого подъема государственного флага.

Можно ли считать ответные силовые действия Испании актом агрессии против Марокко? Безусловно, нет, так как Испания действовала в рамках самообороны по ст. 51 Устава ООН, со своей стороны пребывая в уверенности, что остров Перехиль является ее территорией и находится под ее суверенитетом. Вместе с тем, нужно признать, что инициатором силовых действий на спорном острове все же было именно Марокко, а не Испания, которая была вынуждена действовать в порядке самообороны. Такова, на наш взгляд, правовая оценка действий Марокко и Испании в отношении спорного острова.

В заключение можно высказать и собственную точку зрения на государственную принадлежность спорного острова. Конечно, Испания не может претендовать на столь крошечный остров, расположенный в 200 м от побережья Марокко. Этот остров – не Сеута и не Мелилья. Правовое государство, которым автор настоящей статьи считает Испанию, не может занимать несправедливую позицию по отношению к Марокко, заявляя территориальные притязания на спорный остров. В свою очередь, Марокко имеет полное право решить судьбу острова дипломатическим путем, а при необходимости и в Международном суде ООН.

Морские границы России

*Постнов В.В.**

Разграничение морских пространств в Балтийском море

Россия – Финляндия

Разграничение морских пространств между Россией (СССР) и Финляндией в Финском заливе Балтийского моря было осуществлено последовательным заключением целого ряда договорных документов.

В соответствии со статьей 2 Мирного Договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., уполномоченные СССР и Финляндии составили Протокол прохождения линии государственной границы между СССР и Финляндией и подписали его 29 апреля 1940 г. Этот Протокол, в частности, содержал подробное описание прохождения границы территориальных вод СССР и Финляндии в восточной части Финского залива, а также координаты поворотных точек этой границы.

Центральная Смешанная Союза ССР и Финляндии Пограничная Комиссия во исполнение статьи 2 Мирного Договора от 12 марта 1940 г. и Протокола от 29 апреля 1940 г. демаркировала государственную морскую границу в Финском заливе, обозначив ее створными знаками, а поворотные точки в местах пересечения створов – вехами. По завершении работ на местности Комиссия составила и подписала 18 ноября 1940 г. Протокол – описание, карты государственной границы и Перечень пограничных знаков.

Линия морской границы между СССР и Финляндией, от установленной в 1940 году и подтвержденной Мирным Договором с Финляндией 1947 г. конечной точки морской границы, проходит в общем западном направлении через точки с координатами, указанными в Соглашении между СССР и Финляндией о границах морских вод и континентального шельфа в Финском заливе от 20 мая 1965 г.

Этим же Соглашением стороны установили срединную линию, за которую они согласились не расширять свои территориальные воды, рыболовную и другие зоны, а также договорились считать эту линию границей континентального шельфа между СССР и Финляндией.

* Постнов Вадим Викторович – юрист-международник.

Совместная советско-финляндская комиссия по обозначению морской границы между СССР и Финляндией в Финском заливе к северо-востоку от острова Гогланд (Суурсаари), образованная в соответствии с положениями Соглашения от 20 мая 1965 г., произвела обозначение морской границы на местности и составила Протокол–описание прохождения линии морской границы, карту морской границы и Протоколы пограничных знаков, которые были подписаны 5 апреля 1967 г.

Кроме того, в ходе переговоров, завершившихся подписанием упомянутого Соглашения была достигнута договоренность о проведении дальнейших переговоров относительно границы континентального шельфа между СССР и Финляндией на участке Балтийского моря от Финского залива на запад, при этом специально оговорено, что границей континентального шельфа будет срединная линия, отстоящая на равном расстоянии от исходных точек или от исходных линий, от которых отмеряется ширина советских и финляндских территориальных вод. С учетом этих договоренностей было выработано и 5 мая 1967 года подписано Соглашение между СССР и Финляндией о границе континентального шельфа между Советским Союзом и Финляндией в северо-восточной части Балтийского моря.

Учитывая необходимость обеспечить сохранение и рациональное использование рыбных запасов, стороны, основываясь на Соглашениях от 20 мая 1965 г. и от 5 мая 1967 г., разработали Соглашение между СССР и Финляндией о разграничении районов юрисдикции Советского Союза и Финляндии в области рыболовства в Финском заливе и в северо-восточной части Балтийского моря и подписали его 25 февраля 1980 г.

Однако и это Соглашение не завершило разграничение морских пространств между СССР и Финляндией на Балтике. Относительно небольшого неразграниченного участка морского пространства в районе скалы Богшер (Финляндия) стороны достигли взаимопонимания о том, что между ними будут продолжены переговоры с целью достижения договоренности о линии разграничения районов юрисдикции в области рыболовства от конечной точки, упомянутой в Соглашении от 25 февраля 1980 г., до точки стыка линий разграничения районов юрисдикции СССР, Финляндии и Швеции. До достижения такого разграничения стороны договорились не предопределять результаты переговоров.

С развалом СССР большую часть установленной в договоре отношении советско-финляндской морской границы унаследовала Эстонская Республика.

Россия – Эстония

В настоящее время процесс разграничения морских пространств между Россией и Эстонией подходит к завершающей стадии. Основным препятствием на пути окончательного урегулирования этой проблемы была позиция Эстонии о необходимости разграничения на основе Тартусского (Юрьевского) договора 1920 года. Однако в ходе переговоров Эстония отошла от этой неприемлемой для России позиции. Переговоры ведутся на основе проекта договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о разграничении морских пространств, который, в частности, содержит положение о том, что линия разграничения морских пространств в Нарвском и Финском заливах проводится по равноотстоящей – срединной линии от устья реки Нарва до точки стыка с линией разграничения, установленной советско-финляндским Соглашением о границах морских вод и континентального шельфа в Финском заливе от 20 мая 1965 г. Поскольку в силу географического распределения островов и специфики установления сторонами прямых исходных линий производится разграничение различных по статусу морских пространств (с российской стороны – внутренние воды и территориальное море, а с эстонской стороны – внутренние воды, территориальное море, экономическая зона и континентальный шельф), в Договоре предусмотрено положение о том, что стороны будут соблюдать линию разграничения как ограничивающую пределы их суверенитета, суверенных прав и любой иной формы юрисдикции прибрежного государства, которая может осуществляться в отношении морских пространств в соответствии с международным правом.

По завершении разработки указанного договора предстоит в трехстороннем порядке заключить соглашение о точке стыка границ морских пространств России, Эстонии и Финляндии.

Россия – Швеция

18 апреля 1988 года было подписано Соглашение между Правительством СССР и Правительством Королевства Швеция о разграничении континентального шельфа, а также советской экономической зоны и шведской рыболовной зоны в Балтийском море.

Этим Соглашением установлена линия, разграничивающая морские пространства Швеции и СССР в районе острова Готланд. Указанные

морские пространства после распада СССР унаследовали: Эстония, Латвия, Литва и Калининградская область Российской Федерации.

В настоящее время идет процесс разграничения морских пространств между упомянутыми государствами.

Россия в своих отношениях со Швецией руководствуется Соглашением от 18 апреля 1988 года в той его части, которая разграничивает морские пространства Швеции и Калининградской области Российской Федерации.

Россия – Литва

Переговоры об установлении границы на суше и на море между российской и литовской делегациями завершились подписанием 24 октября 1997 г. в Москве Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о российско-литовской государственной границе, которым была определена, в частности, граница между территориальными водами двух стран, а также Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море.

Однако упомянутые договоры не вступили до настоящего времени в силу, поскольку Россия еще не ратифицировала их.

С целью завершения договорного оформления разграничения морских пространств между Россией (Калининградская область) и Литвой предстоит также заключить соглашение о точке стыка морских границ России, Литвы и Швеции.

Россия – Польша

Калининградская область Российской Федерации граничит на море с Польшей в Гданьском заливе и юго-восточной части Балтийского моря. В международно-правовом отношении граница на море между Россией и Польшей определена на всем протяжении Договором между СССР и ПНР о разграничении территориального моря (территориальных вод), экономической зоны, зоны морского рыболовства и континентального шельфа в Балтийском море от 17 июля 1985 г. и Соглашением между Правительством СССР, Правительством ПНР и Правительством Королевства Швеция о точке стыка границ морских пространств в Балтийском море от 30 июня 1989 г.

Разграничение морских пространств в Северном ледовитом океане и Черном море

В Северном Ледовитом океане Российская Федерация в том, что касается территориального моря, экономической зоны и континентального шельфа граничит с Норвегией и США. Кроме того, учитывая то обстоятельство, что российский континентальный шельф в Арктическом регионе может простирается в соответствии с положениями статьи 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года до пределов в 350 морских миль (а при определенных обстоятельствах и далее), возможно, предстоит его разграничение с Данией (Гренландия) и Канадой.

В Черном море морские пространства, находящиеся под юрисдикцией России, соприкасаются с морскими пространствами Грузии, Турции и Украины. С Грузией и Украиной предстоит разграничить территориальное море, экономическую зону и континентальный шельф. С Турцией Россия соприкасается лишь экономической зоной и континентальным шельфом, который уже разграничен в договорном порядке.

Россия – Норвегия

Договорными документами, определяющими государственную границу между Россией и Норвегией на море, являются Соглашение между Правительством СССР и Королевским Норвежским Правительством о морской границе между СССР и Норвегией в Варангер-фьорде от 15 февраля 1957 г. и Протокол-описание прохождения линии государственной морской границы между СССР и Норвегией в Варангер-фьорде, демаркированной в 1957 году, который был подписан 29 ноября 1957 г. Для определения положения советско-норвежской морской границы на местности на норвежской территории были сооружены знаки (высотные светооптические сооружения видимые с моря на большом удалении).

На основе указанных договорных документов граница между российскими и норвежскими территориальными водами (морем) в Варангер-фьорде Баренцева моря проходит от устья реки Воряма по прямой линии в северо-северо-восточном направлении до конечной точки этой границы, являющейся точкой пересечения внешней границы российских и норвежских территориальных вод (моря).

Вместе с тем проблема разграничения исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Баренцевом море с 1970 года, когда начались советско-норвежские переговоры, является центральной в советско-норвежских, а затем и в российско-норвежских отношениях. Ситуация обусловлена столкновением политических, экономических и военных интересов России и Норвегии в районе, подлежащем разграничению.

Хотя стороны на переговорах и исходят из положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, тем не менее, каждая из них ссылается на особые обстоятельства. Россия, основываясь на положениях Постановления Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», выдвинула позицию, по которой разграничение морских пространств с Норвегией в Баренцевом море должно проходить по западной «границе полярных владений» России. Норвегия же придерживается позиции, в соответствии с которой разграничение экономической зоны и континентального шельфа должно производиться по срединной линии, каждая точка которой располагается на равном расстоянии от исходных линий на побережье России и Норвегии, включая арктические острова (Шпицберген – с норвежской стороны, и Земля Франца-Иосифа и Новая Земля – с российской). Учитывая существование Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г., Россия считает, что права Норвегии ограничены положениями этого Договора и таким образом существование исключительной экономической зоны и континентального шельфа у этого архипелага под вопросом.

В результате выдвижения сторонами указанных позиций образовался спорный район в Баренцевом море общей площадью около 180 000 км кв. Экономическая зона и континентальный шельф, на который претендует Россия в пределах спорного района богаты живыми ресурсами и перспективны с точки зрения нефтегазовых месторождений. Немаловажно и то, что этот район располагается вблизи побережья европейской части России и через него проходят важные морские пути в Европу из северных районов страны.

Опыт переговоров, ведущихся по данному вопросу, уже более 30 лет показывает, что отсутствие его договорного урегулирования может привести к накоплению негативных элементов в российско-норвежских отношениях и задержке экономического освоения западного арк-

тического региона России. В этих условиях российская сторона взяла линию на поиск возможностей совместного с Норвегией использования живых и минеральных ресурсов Баренцева моря на основе отдельной договоренности.

Россия – Дания (Гренландия)

Поскольку континентальный шельф Российской Федерации в Северном Ледовитом океане может простирается до пределов в 350 морских миль, возможно его соприкосновение с континентальным шельфом Дании (Гренландия). Такое соприкосновение может произойти в центральной части Северного Ледовитого океана в районе, определяемом пересечением линии границы внешнего предела российского континентального шельфа с внешними пределами норвежского и датского континентальных шельфов и в значительной степени от решения проблемы установления указанного внешнего предела континентального шельфа Россией в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года.

Россия – США

Исторически граница между морскими пространствами России и США сформировалась на основе линии определенной русско-американской Конвенции 1867 года, к востоку от которой все земли по этой Конвенции передавались под юрисдикцию Вашингтона. Учитывая это обстоятельство стороны охраняли государственную границу на море по меридиану, проходящему, как определено упомянутой Конвенцией, по середине водного пространства между островами Ратманова (Россия) и Крузенштерна (США) в Беринговом проливе. Следует иметь в виду также и то, что этот меридиан, в соответствии с Постановлением ЦИК СССР 1926 года, совпадал с восточной границей полярных владений СССР, а теперь – России.

Обменом нотами 24 января – 24 февраля 1977 г. СССР и США договорились о разграничении по линии Конвенции 1867 года районов юрисдикции сторон в области рыболовства в Северном Ледовитом океане, Чукотском и Беринговом морях.

Однако при осуществлении на практике советско-американской договоренности 1977 года выяснилось, что у сторон имеется различное понимание того, как проходит линия определенная Конвенцией 1867 года на карте. Таким образом, в Беринговом море образовался

спорный район между советским вариантом линии (локсодромией, или румбовой линии) и американским вариантом линии (ортодромией, или большого круга). Оба этих различных технических метода проведения границ на географических картах равно применимы в мировой практике. С целью урегулирования данной проблемы были начаты переговоры между делегациями СССР и США, которые завершились 1 июня 1990 г. подписанием Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств.

США ратифицировали это Соглашение 16 сентября 1991 г. По договоренности между правительствами СССР и США оно временно применяется с 15 июня 1990 г. Указанное Соглашение разграничивает территориальное море, экономические зоны и континентальный шельф в Чукотском и Беринговом морях, а также в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Поскольку данное Соглашение до настоящего времени не ратифицировано Россией, следует учитывать, что отказ от него вернул бы ситуацию к исходному положению, когда существовал спорный район в Беринговом море, а это в свою очередь неизбежно осложнит возможность активного освоения района с точки зрения добычи живых и минеральных ресурсов в российской экономической зоне и на континентальном шельфе.

Россия – Украина

Российская Федерация и Украина являются сопредельными государствами в Черном море и считают своими внутренними водами Азовское море, а также Керченский пролив.

Переговоры с Украиной о разграничении морских пространств касаются в первую очередь двух проблем: установления в двустороннем порядке режима внутренних вод России и Украины для всей акватории Азовского моря и Керченского пролива; а также разграничения территориального моря, экономической зоны и континентального шельфа в Черном море на участке от прямых исходных линий в районе Керченского пролива до стыка с линией разграничения по межправительственному Соглашению между СССР и Турцией о разграничении континентального шельфа между СССР и Турецкой Республикой в Черном море от 23 июня 1978 г.

Азовское море в силу своего географического положения и в соответствии с нормами международного права имело статус внутреннего

моря СССР, который никогда и никем не оспаривался. Керченский пролив, как единственный морской путь для прохода в Азовское море, с наибольшей шириной 15 км, также относился к внутренним морским водам СССР. С появлением на берегах моря и пролива новых независимых государств – России и Украины – встал вопрос о договорном закреплении правового статуса этих морских пространств, в качестве внутренних вод России и Украины.

По итогам состоявшихся заседаний делегаций сторон по договорному определению статуса Азовского моря и Керченского пролива подтверждено обоюдное намерение сохранить за этими акваториями статус внутренних морских вод России и Украины. Украинская сторона, однако, не отвергая в принципиальном плане этой идеи, в то же время категорически настаивает на предварительном разграничении указанных акваторий с установлением в них российско-украинской государственной границы.

Экономические зоны и континентальный шельф в Черном море впервые были разграничены между СССР и Турцией. Россия как государство-продолжатель бывшего СССР осуществляет права и обязательства по Соглашению с Турцией 1978 года и исходит из того, что Украина также будет соблюдать упомянутое Соглашение в тех районах Черного моря, которые подпадают под юрисдикцию России и Турции. Каких-либо договоренностей на этот счет не существует, но и официальных заявлений о непризнании указанного Соглашения от Украины не поступало.

Что касается международно-правовой основы разграничения в Черном море, то в данном случае Россия исходит из применимости метода построения равноотстоящей модифицированной линии, предусмотренного статьей 15, а также статьями 74 и 83 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Состоялось несколько заседаний экспертных рабочих групп по согласованию проекта договора о разграничении территориального моря, исключительных экономических зон и континентального шельфа Российской Федерации и Украины в Черном море, в ходе которых пока не удалось сблизить позиции сторон по принципам и методике делимитации указанных морских пространств и системе расчета прохождения линии разграничения.

Россия – Грузия

До настоящего времени границы территориального моря, экономической зоны и континентального шельфа между Россией и Грузией не определены. Российско-грузинская комиссия по делимитации границ имеет полномочия как на договорное определение государственной границы на суше, так и на разграничение морских пространств. Первый раунд переговоров по данному вопросу состоялся в октябре 1999 г., и с тех пор стороны переговоров не возобновляли.

Основным препятствием на пути разрешения этой проблемы стоит внутривнутриполитическая ситуация в Грузии, а именно - конфликт в Абхазии, поскольку на море Россия граничит с Абхазией. Предполагаемый район разграничения простирается от устья реки Псоу, по которой проходит российско-грузинская государственная граница, до стыка с линией разграничения по советско-турецкому Соглашению 1978 года. Такое разграничение может быть произведено на основе метода равноотстоящей модифицированной линии в соответствии с нормами международного права.

Россия – Турция

Соглашением между Правительством СССР и Правительством Турецкой Республики о разграничении континентального шельфа между СССР и Турецкой Республикой в Черном море от 23 июня 1978 г. морские пространства Черного моря были разделены между двумя странами по модифицированной срединной линии, каждая точка которой располагается на равном удалении от российского и турецкого побережья. От конечной точки грузино-турецкой морской государственной границы, установленной Протоколом-описанием прохождения линии советско-турецкой морской границы между территориальными водами СССР и Турецкой Республики на Черном море от 11 сентября 1980 г., упомянутая линия проходит до района, где сходятся границы морских пространств Украины, Румынии, Болгарии и Турции в западной части Черного моря.

СССР и Турция путем обмена нотами (турецкая нота от 23 декабря 1986 г. и советская нота от 6 февраля 1987 г.) договорились о том, что граница континентального шельфа, установленная указанным выше Соглашением, является также границей экономических зон между СССР и Турцией.

После прекращения существования СССР Россия как его продолжатель приняла на себя обязательства по указанным договоренностям с Турцией и, таким образом, участок линии разграничения по Соглашению 1978 года, расположенный напротив российского побережья Черного моря, является границей российско-турецких морских пространств.

Разграничение морских пространств на Дальнем востоке

Россия – Япония

Какими-либо договорными документами разграничение морских пространств с Японией не оформлено. Государственная граница на море установлена Советским Союзом в одностороннем порядке и охраняется по срединной линии в проливах Кунаширском, Измены и Советском, отделяющих японский остров Хоккайдо от находящихся под российской юрисдикцией островов Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан) и Курильских островов Кунашир и Итуруп. Отсутствие мирного договора с Японией, подписание которого означало бы полную нормализацию отношений между нашими странами и, в первую очередь в вопросе государственной границы, обусловлено бескомпромиссной позицией японской стороны, которая требует, в качестве предварительного условия, возврата ей т.н. «северных территорий», под которыми японцы понимают острова Кунашир, Итуруп и Малую Курильскую гряду.

Такая неурегулированность вопроса о прохождении морской государственной границы негативным образом отражается и на возможности разграничения экономических зон и континентального шельфа в акваториях, прилегающих к южной части Курильских островов. Не идут японцы по политическим соображениям и на разграничение морских пространств в тех районах, где такое разграничение не было бы в географическом и правовом отношении связано с территориальной проблемой (северная часть Японского моря, пролив Лаперуза и южная часть Охотского моря).

Следует отметить, что район Южных Курил исключительно богат живыми морскими ресурсами, что, естественно, крайне важно для стесненной природными ресурсами Японии.

Что касается перспективы решения проблемы, то, очевидно, что искать взаимоприемлемое решение необходимо поэтапно. На первом этапе необходимо привлекать японцев к совместной экономической деятельности в дальневосточном районе и районе Курильских островов. Такая совместная деятельность могла бы включать как разведку и добычу минеральных ресурсов на шельфе, так и добычу живых морских продуктов в экономической зоне Южных Курил, создание совместных предприятий в специальной экономической зоне с привлечением на льготных условиях японских предпринимателей. В перспективе, после смены конфронтационных настроений в японских политических кругах, может открыться возможность разграничить морские пространства в Японском море и районе пролива Лаперуза. Решение территориальной проблемы в российско-японских отношениях – вопрос отдаленного будущего, возможно следующих поколений.

Россия – КНДР

Разграничение на море с КНДР осуществлено на всем протяжении от выхода российско-корейской государственной границы в устье реки Туманная до точки в Японском море, расположенной на равном расстоянии между побережьями России и КНДР. В соответствии с Договором между СССР и КНДР о прохождении линии советско-корейской государственной границы от 17 апреля 1985 г. и приложенным к нему Описанием прохождения линии советско-корейской государственной границы установлена граница между территориальными морями двух стран.

Граница экономической зоны и континентального шельфа между Россией и КНДР установлена Договором между СССР и КНДР о разграничении экономической зоны и континентального шельфа от 22 января 1986 г. от конечной точки морской государственной границы до точки в районе предполагаемого стыка границ морских пространств России, КНДР и Японии.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Европейский валютный союз: история формирования и механизм действия на современном этапе

*Линников А.С.**

Решающий шаг на пути к окончательному формированию Экономического и валютного союза¹ в Европе был сделан в 1999 г., когда единая европейская валюта, евро, стала применяться в безналичных расчетах. С 1 января 1999 г. национальные валюты одиннадцати государств – участников «зоны евро» прекратили самостоятельное существование, став, по сути, временным условным выражением новой валюты для граждан того или иного государства. Европейские политики и экономисты многократно отмечали, что введение евро благоприятно отразилось на темпах экономического роста в государствах-членах валютного союза. При этом стоит заметить, что экономический рост в странах «зоны евро» происходит при незначительном темпе инфляции, в условиях низких процентных ставок по кредитам и ставок рефинансирования. Повышается доверие граждан, инвесторов и кредитных организаций к денежно-кредитной политике Европейского центрального банка (ЕЦБ). Даже такой, на первый взгляд отрицательный, фактор, как понижение курса евро к доллару США, оказался

* Линников Александр Сергеевич – аспирант кафедры права ЕС Московской государственной юридической академии.

¹ В отечественной науке и практике используется, по большей части, термин Экономический и валютный союз (ЭВС), однако, в зарубежной литературе и документах органов ЕС чаще встречается термин Европейский валютный союз (European Monetary Union). Рассматривая валютный аспект европейской экономической интеграции, мы будем пользоваться именно этим обозначением – Европейский валютный союз (ЕВС).

благоприятным для европейской экономической системы, способствуя развитию экспортной экспансии государств – членов валютного союза на мировом рынке.

Феномен возникновения и успешного развития Европейского экономического и валютного союза был детально исследован зарубежными и отечественными экономистами. При этом юридическая природа этого важнейшего института Европейского Союза, как правило, оставалась в тени, и в исследованиях ученых-правоведов ей не уделялось должного внимания. Знание правовых основ Европейского валютного союза – это ключ к пониманию принципов и механизмов общеевропейской денежно-кредитной политики, проводимой ЕЦБ, и сути европейской экономической интеграции в целом. В настоящей статье автор постарается кратко осветить историю создания Европейского валютного союза и проанализировать правовые основы его организации и функционирования на современном этапе.

Первые успешные попытки осуществления экономического сотрудничества в Европе были сделаны в начале 1950-х годов. К этому времени в государствах, ставших впоследствии основными звеньями европейской интеграции, были приняты новые, так называемые социальные, конституции (например, Конституция Четвертой республики во Франции 1946 г., Конституция Италии 1947 г., Основной закон ФРГ 1949 г.), которые закрепляли демократические основы построения общества, гарантировали гражданам государств послевоенной Европы основные гражданские, политические и экономические права и свободы. Были определены перспективы дальнейшего мирного общественно-политического развития европейских стран и восстановления их экономических и финансовых систем, пострадавших в ходе войны.

В ходе развития интеграционных процессов в послевоенной Европе были разработаны механизмы институционального сотрудничества в виде международных организаций со специальным статусом и постоянными органами. В рамках таких организаций появилась возможность проведения многосторонних переговоров и принятия коллективных решений по отдельным направлениям совместной деятельности государств-членов. Организации европейского сотрудничества, созданные после второй мировой войны, можно подразделить на три основные группы.

В первую группу входят трансатлантические организации, связывающие Западную Европу с США и другими заокеанскими странами.

Первой из них была созданная 16 апреля 1948 г. Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), задачей которой было оказание государствам-членам экономической помощи и обеспечение расширения их торгового и платежного оборота. В 1960 г. в ОЕЭС вступили США и Канада, сфера деятельности организации была расширена (помощь развивающимся странам), и она была вскоре переименована в Организацию экономического сотрудничества и развития. 4 апреля 1949 г. возникла Организация североатлантического договора (НАТО), которая при участии США стала ядром трансатлантической системы коллективной безопасности.

Ко второй группе относятся организации, задачей которых было привлечение к сотрудничеству более широкого круга государств, в особенности тех, которые не могли или не желали связывать себя обязательствами международного характера. Это сделало возможным сотрудничество как длительное время нейтральных государств (Швейцария и Австрия), так и государств, односторонне выступавших за политику нейтралитета (Швеция) или колебавшихся при передаче части своих суверенных полномочий международным организациям. Для согласования экономических и политических интересов этих государств 5 мая 1949 г. был создан Совет Европы – политическая организация, цели которой были направлены не на создание интегративного объединения, а на решение отдельных вопросов межгосударственного сотрудничества и обеспечение взаимодействия государств-членов в сферах экономики, культуры, социальной политики и прав человека.

К третьей группе международных организаций послевоенного времени относятся Европейские сообщества: Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом) и Европейский платежный союз (ЕПС), просуществовавший с 1950 по 1958 г. Первоначально наряду с экономическими сообществами планировалось создать еще и Европейское оборонительное сообщество и Европейский политический союз (ЕПС), однако эти попытки не увенчались успехом. Наиболее перспективным творцам Европейского Союза показался путь экономической интеграции. Необходимость интеграции на экономических началах была обоснована министром иностранных дел Франции Робером Шуманом в так называемой Декларации Шумана (9 мая 1950 г.). Шуман представил государствам, заинтересованным в общем использовании потенциалов в области производства

угля и стали, план создания экономического объединения нового типа, подготовленный французским экономистом Жаном Монне. По замыслу Шумана, экономическая интеграция должна была стать основой для создания Европейской Федерации. Авторы плана исходили из необходимости использования метода интеграционного строительства, т.е. метода последовательного решения наиболее простых задач, не вызывающих разногласий между государствами-участниками, в целях создания общих предпосылок для экономического развития².

Расчет Шумана на развитие экономической интеграции оказался верным, и созданные в начале 1950-х годов Европейские сообщества стали основой для возникновения в 1992 г. Европейского Союза и впоследствии для развития Европейского экономического и валютного союза в рамках ЕС.

До момента учреждения в 1957 г. Европейского экономического сообщества вопрос о валютном союзе между государствами-членами вообще не стоял. Усилия европейских государств были направлены на создание таможенного союза и развитие торговых отношений между собой и с США. В 1945 г. в Бреттон-Вудс (США) состоялась конференция, итогом которой явилось учреждение Международного валютного фонда. В ходе конференции были определены основы так называемой Бреттон-Вудской системы единого мирового золотого денежного стандарта (системы фиксированных валютных паритетов)³.

В 1945 г. Бреттон-Вудскими соглашениями были установлены следующие важные положения, определявшие соотношение курсов европейских валют и обеспечивающие их стабильность:

- создавался механизм установления фиксированных курсов европейских валют по отношению друг к другу (стабильность которых обеспечивалась золотом), а также по отношению к доллару США⁴;

- свободное колебание обменного курса европейских денежных единиц на валютных рынках допускалось в пределах одного процента;

² Подробнее о Плане Шумана см.: Топорнин Б.Н. Европейское право. М., «Юристъ», 1998. С. 39-41, а также: Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. М., «Экономика», 1998. С. 48-51.

³ См.: *Aspetti giuridici ed economici dell'Euro*. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 1998. С. 15, а также: Симчера В.М. Единая европейская валюта («Евро»): причины, эффективность и последствия слияния национальных валют Европы. М., 1998. С. 3.

⁴ Следует непременно отметить, что фиксированные курсы европейских валют устанавливались Международным валютным фондом, что, однако, не исключало односторонней девальвации или ревальвации курса национальных валют по отношению к доллару США.

- государства – участники соглашения приняли на себя обязательство обеспечить свободный обмен собственной валюты на доллары;
- США, в свою очередь, принимали на себя обязательство обеспечивать свободный обмен доллара на золото по цене 35 долларов за тройскую унцию.

Подписание Бреттон-Вудских соглашений на практике означало введение своеобразного золотодивизного стандарта, при котором валюты европейских государств свободно обменивались на иностранную валюту (девизы), разменную на золото⁵. Модель 1945 г. просуществовала до конца 1960-х годов, обеспечивая относительную стабильность курсов европейских валют. При расстроенной системе внешней торговли и платежей в послевоенной Европе введение свободной конвертируемости валют было невозможным. Достаточно вспомнить, что при введении конвертируемости Великобританией в одностороннем порядке в 1947 г., конвертируемый фунт стерлингов продержался всего семь недель.

Кризис Бреттон-Вудской системы разразился в конце 1960-х годов, когда США стали не в состоянии обеспечивать надежность системы фиксированных обменных курсов при помощи собственной национальной валюты ввиду серьезных изменений в европейской экономической системе и ее значительного укрепления. В течение 1960-х годов фиксированные обменные курсы европейских валют неоднократно пересматривались.

Окончательное разрушение Бреттон-Вудской системы произошло в 1971 г. после заявления президента Р. Никсона об отмене свободного обмена долларов США на золото. По сути, это событие ознаменовало отказ от единого золотого денежного стандарта и системы фиксированных обменных курсов и переход к системе плавающих валют. Отказ от системы фиксированных обменных курсов стал ударом для экономических систем европейских стран, которые не были приспособлены к резким колебаниям валютных курсов.

Уже начиная с конца 1960-х годов по инициативе Европейской Комиссии стали проводиться научные исследования, целью которых являлась разработка и обоснование форм сотрудничества в области согласования валютной политики. Наиболее успешным результатом исследований в области валютного сотрудничества стал план Вернера,

⁵ Курс экономической теории / Под общ. ред. проф. М.Н. Чепурина и проф. Е.А. Киселевой. Киев, 1994. С. 364.

представленный на рассмотрение Европейской Комиссии 8 мая 1970 г. Страны – члены Европейского экономического сообщества, достигшие больших успехов в области проведения экономической политики, столкнулись с обширным пробелом в области валютного регулирования, который являлся большим препятствием для дальнейшего развития экономической интеграции. Для преодоления этого препятствия на заседании глав государств и правительств шести государств (ФРГ, Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Италии) в 1968 г. в Гааге было принято решение создать рабочую группу из представителей государств – членов ЕЭС под руководством премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера. Создание Экономического и валютного союза было утверждено в качестве официальной цели Европейских сообществ.

План Вернера предполагал создание Европейского экономического и валютного союза (ЭВС) в три этапа по десять лет каждый:

I этап: сокращение лимитов колебаний курсов европейских валют;

II этап: введение полной конвертируемости европейских валют, полная либерализация движения капиталов, установление твердых и окончательных валютных паритетов;

III этап: замена национальных валют единой денежной единицей.

Новизна плана Вернера состояла в том, что его авторы исходили из неразрывности экономической и валютной политики и необходимости их гармонизации, а также настаивали на приведении национальных экономических и финансовых систем отдельных государств в соответствие с общими требованиями (впоследствии эта идея была воплощена в жизнь в виде критериев экономической конвергенции, установленных Маастрихтским договором). В частности, отмечалась необходимость координации развития национальной политики государств – членов ЕЭС в области бюджетной и налоговой политики⁶. Помимо программы создания Экономического и валютного союза, в плане Вернера содержались предложения по созданию институциональных струк-

⁶ При этом авторы плана упустили из вида два важных момента: 1) проблему интеграции отдельных экономических систем в единое целое и проблему установления переходного периода для такой интеграции (экономическая конвергенция), а также 2) проблему инфляции в отдельных государствах – членах ЕЭС, рост которой является препятствием для валютного объединения (подробнее о достижениях и просчетах плана Вернера см.: Aspetti giuridici ed economici dell'Euro. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 1998. С. 16 и Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. М., «Экономика», 1998. С. 66-68).

тур для осуществления единой валютной политики. Например, предлагалось создать Систему центральных банков ЭВС и Центр принятия решений в области экономической политики, с участием представителей правительств государств – членов союза.

Реакция государств – членов ЕЭС на предложения группы Вернера была неоднозначной, и поэтому дело не двинулось дальше решения об осуществлении первого этапа. Весной 1971 г. Совет министров экономики и финансов (ЭКОФИН) принял решение о внедрении предложений по сокращению пределов колебания европейских валют в экспериментальном порядке. Таким образом зародился новый механизм избежания чрезмерных колебаний валютных курсов – так называемая «валютная змея».

В апреле 1972 г. в Базеле состоялась встреча управляющих центральными банками шести государств (ФРГ, Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Италии), итогом работы которой явилось подписание соглашения о мерах по обеспечению стабилизации обменных курсов валют государств – членов ЕЭС. 24 апреля 1972 г. Базельское соглашение вступило в силу и действовало до 1979 г. Помимо шести государств, первоначально участвовавших в соглашении, к нему присоединились Великобритания и Дания (1 мая 1972 г.), а Норвегия и Швеция стали его ассоциированными членами (в 1972 и 1973 годах соответственно)⁷.

Суть системы «валютной змеи» заключалась в установлении пределов колебания курсов европейских валют по отношению к свободно конвертируемому доллару США. На момент заключения соглашения такой предел составлял 2,5%. Таким образом, «змея» европейских валют двигалась по «коридору», устанавливаемому текущим курсом доллара США. При этом привязка европейских валют к доллару без сомнения являлась наследством изжившей себя Бреттон-Вудской системы. До марта 1973 г. государствами – участниками соглашения использовался механизм интервенций на валютном рынке в отношении американского доллара с целью поддержания фиксированных курсов европейских валют.

⁷ Важно помнить, что в 1972 году произошло еще одно знаменательное событие, а именно 19-21 октября 1972 г. в Париже проходила конференция глав государств и правительств государств – членов Европейских сообществ, в ходе которой была одобрена цель *последовательного* осуществления Экономического и валютного союза.

Механизм «валютной змеи» доказал свою неэффективность уже в первые годы действия Базельского соглашения. Энергетический кризис 1973 г., значительно повлиявший на экономическое развитие Европы и США, подтолкнул рост инфляции (размеры инфляции в разных европейских государствах были неодинаковыми) и вынудил ряд государств выйти из соглашения. На протяжении действия соглашения из него вышли Великобритания, Дания, Италия, Франция, Швеция и Норвегия. При этом Дания и Франция возвращались в соглашение на короткие промежутки времени. Формальное упразднение системы обеспечения стабилизации обменных курсов европейских валют произошло в 1979 г., когда была создана Европейская валютная система – прообраз современного валютного союза.

Исходя из опыта Бреттон-Вудской системы, предложений плана Вернера и практики работы системы «валютной змеи» канцлер ФРГ Г. Шмидт и президент Франции В. Жискард д'Эстен выступили на встрече глав государств и правительств стран – членов ЕС в Копенгагене в апреле 1978 г. с инициативой создания «зоны валютной стабильности в Европе». Авторы проекта создания Европейской валютной системы исходили из того, что отсутствие единообразной валютной политики является препятствием для дальнейшего развития интеграционных процессов в Европе и, в определенной степени, руководствовались не только экономическими, но и политическими соображениями⁸. Уже в декабре 1978 г. в Брюсселе было подписано соглашение о создании Европейской валютной системы, которое вступило в силу 13 марта 1979 г. Изначально в соглашении участвовали восемь государств, но впоследствии на разных этапах его существования (1979-1999) к нему присоединились все государства – члены ЕЭС за исключением Греции.

Жизнеспособность и эффективность Европейской валютной системы определялись следующими основными факторами:

- независимость Европейской валютной системы и отход от системы валютных паритетов, основанных на курсе доллара США;
- определение курсов национальных валют на основе их собственного паритета⁹ и стабильности, а также значения на мировом валют-

⁸ Aspetti giuridici ed economici dell'Euro. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 1998. С. 17-18.

⁹ *Paritet* (паритет покупательной способности валюты) – соотношение между валютами по их покупательной способности к определенному набору товаров. Паритет является основой формирования валютного курса, т.к. последний зависит от экономического развития страны (состояния ее платежного баланса, конкурентоспособности национальных товаров на мировом рынке и т.д.).

ном рынке и только по решению Комиссии европейских сообществ и государств – членов сообществ¹⁰;

- наличие европейской единицы безналичных расчетов (ЭКЮ; ECU – European Currency Unit), стабильность которой обеспечивалась общими усилиями государств – членов сообществ¹¹;

- наделение Комиссии Европейских сообществ некоторыми полномочиями в области проведения единой европейской валютной политики;

- возможность исчисления единообразных требований к субъектам экономической деятельности на территории Европейских сообществ в ЭКЮ (например, исчисление минимальных размеров обязательных резервов страховых организаций¹²).

Несмотря на стройную организацию и отлаженность механизмов действия, в начале 1990-х годов Европейская валютная система столкнулась с серьезными трудностями. Причиной кризиса стали спекуляции на валютном рынке, значительно осложнявшие задачу поддержания курсов валют в пределах допустимого колебания. Следствием этого стало расширение пределов допустимого колебания валют до 15%, а для некоторых государств (Великобритания и Италия) кризис послужил причиной выхода из валютной системы. В 1996 году Италия возобновила свое членство в валютной системе, поскольку критериями для участия в ЕВС, в частности, были соблюдение пределов колебания валютного курса, установленных в рамках Европейской валютной системы, и двухлетнее членство в валютной системе¹³. По всей видимости, именно сильные колебания курсов европейских валют в начале 1990-х годов и невозможность поддержания стабильности курсов национальных валют собственными силами отдельных государств

¹⁰ В Европейской валютной системе исключалось одностороннее установление курса национальных валют, как это допускалось в Бреттон-Вудской системе.

¹¹ Подробно о механизмах действия Европейской валютной системы см.: Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. М., «Экономика», 1998. С. 74-79.

¹² См. Директиву ЕЭС по страхованию иному, чем страхование жизни № 73/240/ЕЕС от 24 июля 1973 г. и Директиву по страхованию жизни № 79/267/ЕЕС от 5 марта 1979 г.

¹³ Мнение о том, что в начале 1990-х годов Европейская валютная система вступила в фазу кризиса, достаточно распространено в работах европейских юристов и экономистов. Некоторые даже утверждают, что Амстердамским соглашением 1997 г. была создана ЕВС-2, то есть Европейская валютная система переходного периода до повсеместного введения евро (см.: Gnan E., Internationale Aspekte der Wirtschafts- und Währungsunion. European Monetary Institute, Fachtagung "Euro", 17 März 1997 и Aspetti giuridici ed economici dell'Euro. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 1998).

послужили последним толчком для перехода европейских государств от Европейской валютной системы к Европейскому валютному союзу.

В рамках подготовки ко введению евро в июне 1997 г. в Амстердаме была проведена встреча на высшем уровне, в ходе которой было одобрено новое соглашение об обменном курсе валют европейских государств, не участвующих в Европейском валютном союзе. Целью этого соглашения являлась защита европейских валют от девальвации вследствие введения евро и способствование их дальнейшему присоединению к ЕВС. Соглашение предусматривало следующие меры обеспечения стабильности национальных валют государств – нечленов ЕВС:

- установление пределов колебания национальных валют по отношению к евро в размере 15%;
- заключение специальных валютных соглашений между государствами – членами ЕВС, государствами – нечленами ЕВС и Европейским центральным банком;
- обеспечение поддержки национальных валют государств – нечленов ЕВС со стороны Европейского центрального банка и государств – членов «Клуба евро».

Таким образом, Европейская валютная система образца 1979 г. была реформирована, чтобы отвечать нуждам государств, по тем или иным причинам не вступивших в ЕВС.

Принятие в 1983 г. торжественной Штутгартской декларации о Европейском союзе и подписание в 1986 г. Единого европейского акта ознаменовали завершение предварительного этапа европейской интеграции и переход к реальному продвижению к европейскому единству, а следовательно, и к формированию Европейского валютного союза. Единый европейский акт (в статье 102 а новой главы, предназначенной для внесения в текст Договора об учреждении ЕЭС 1957 г.) содержит положение о сотрудничестве государств-членов с целью обеспечить необходимое для дальнейшего развития Сообщества сближение экономической и валютной политики. Важно отметить, что при осуществлении такого сотрудничества государства «принимают во внимание опыт, приобретенный благодаря сотрудничеству в рамках Европейской валютной системы и становлению ЭКЮ». Таким образом, при подписании Единого европейского акта было выражено намерение использовать опыт валютной системы в дальнейшем строительстве европейского единства, одним из важнейших элементов которого стал Европейский валютный союз.

Успех Европейской валютной системы значительно повлиял на дальнейшее развитие инициатив по переходу к валютному союзу. В конце 1980-х годов в государствах – членах ЕЭС возникли общественно-политические движения за валютный союз. Многие влиятельные политики и государственные деятели Европы активно выступали за постепенный переход к валютному объединению. Например, творцы Европейской валютной системы Г. Шмидт и В. Жискар д'Эстен учредили в 1986 г. Комитет за валютный союз в Европе, который в 1988 г. опубликовал предложения относительно механизма союза и организации Европейского центрального банка. По инициативе Комитета была создана влиятельная общественная организация – Ассоциация за валютный союз в Европе, участниками которой стали представители европейских деловых кругов, заинтересованные в стабилизации валютных рынков.

Готовность деловых и политических кругов к созданию валютного союза способствовала принятию на заседании Евросовета в Ганновере в 1988 г. решения поручить управляющим центральными банками государств – членов ЕЭС разработку плана осуществления валютного союза. Был создан Комитет управляющих центральными банками, который возглавил председатель Европейской Комиссии Жак Делор. Помимо управляющих центральными банками, в состав Комитета вошли три независимых эксперта и представитель Комиссии Европейских сообществ. Таким образом, были выработаны независимые, квалифицированные и прагматичные рекомендации по осуществлению постепенного перехода к ЕВС. Весной 1989 г. Комитет Делора представил на рассмотрение ЭКОФИНа доклад (Доклад Делора), который был единогласно одобрен. На встрече глав правительств государств – членов ЕС в июне 1989 г. в Мадриде было принято решение начать первый этап перехода к Экономическому и валютному союзу с 1 июля 1990 г. в соответствии с предложением Комитета Делора.

Доклад содержал рекомендации по осуществлению совместной экономической и валютной политики европейских государств, направленной на создание валютного союза. В области экономической политики Комитет предлагал предпринять следующие шаги:

- наладить устойчивое функционирование общеевропейского рынка товаров, капиталов, иных ресурсов производства и услуг;
- координировать экономическую политику государств – членов ЕЭС;
- гармонизировать конкурентную политику;

- приспособить бюджетную политику государств-членов к нуждам валютного союза (в частности, сократить дефицит бюджета до 3%).

Срок выполнения этих задач был разделен на три последовательных этапа (I этап – 1990-1994; II этап – 1994-1997/8; III этап – 1999-2002). Экономические положения доклада Комиссии Делора нашли свое отражение в разделе IV Маастрихтского договора об экономической и валютной политике.

В Докладе Делора определялись основные направления валютной политики, направленной на переход к ЕВС: 1) фиксация валютных паритетов; 2) введение полной конвертируемости европейских валют; 3) либерализация движения капиталов; 4) интеграция финансовых рынков вплоть до введения единой валюты; 5) создание общеевропейского органа валютного контроля¹⁴.

Доклад Делора предусматривал три этапа валютной конвергенции, т.е. приведения национальных валютных систем в соответствие с общими стандартами. Начало осуществления первого этапа (полной либерализации движения капиталов) пришлось на 1 июля 1990 г.

1 января 1994 г. было завершено формирование Европейского общего рынка. Это событие ознаменовало переход к осуществлению второго этапа валютного объединения. Третий этап начался 1 января 1999 г. с введением евро в качестве единицы безналичных расчетов. Правовой основой для осуществления второго и третьего этапов валютного объединения стал Маастрихтский договор о Европейском Союзе, вступивший в силу 1 ноября 1993 г.

По сути, Маастрихтским договором была создана юридическая основа ЕВС и определены основные принципы его формирования и деятельности. Статья В Раздела I Договора гласит, что Европейский Союз (ЕС) ставит перед собой цель «содействовать устойчивому и гармоничному экономическому и социальному прогрессу, особенно путем создания пространства без внутренних границ, экономического и социального сплочения и создания экономического и валютного союза, в конечном счете, включающего введение единой валюты». Маастрихтский договор 1992 стал результатом многолетней борьбы за экономическое и валютное объединение Европы и вобрал в себя ряд важнейших положений.

¹⁴ Такой орган, Европейский валютный институт (ЕВИ), был создан Маастрихтским договором 1992 г. Впоследствии он был заменен Европейским центральным банком (ЕЦБ) и Европейской системой центральных банков (ЕСЦБ), о которых речь пойдет ниже.

Во-первых, Договором была установлена дата начала второго этапа продвижения к Экономическому и валютному союзу – 1 января 1994 г. (ст. 109 е). При этом государства должны были завершить все мероприятия по первому этапу объединения, а именно: 1) устранить все ограничения на движение капиталов между государствами-членами, а также между государствами-членами и третьими странами, 2) устранить все ограничения на платежи между государствами-членами и между государствами-членами и третьими странами, 3) при необходимости принять долгосрочные программы постепенного сближения, необходимого для создания экономического и валютного союза (в частности, в области поддержания стабильности цен и обеспечения здорового состояния государственных финансов)¹⁵.

Во-вторых, Договором и Протоколом о критериях сближения, указанных в статье 121 (109 j)¹⁶, был установлен перечень критериев для вступления государств в ЕВС¹⁷. Степень сближения государств – членов ЕС и соответственно возможность их вступления в валютный союз оценивалась на основе следующих критериев:

- достижение высокой стабильности цен (показатель стабильности цен выяснялся при сопоставлении темпов инфляции в данном государстве и, по крайней мере, в трех государствах, добившихся наибольшей стабильности цен);

- устойчивость финансового положения правительства, которая считается достигнутой при государственном бюджете, свободном от чрезмерного дефицита¹⁸;

- соблюдение установленных пределов курсовых колебаний, обеспечиваемых механизмом валютных курсов Европейской валютной системы, по крайней мере в течение двух лет, без девальвации по отношению к валюте любого другого государства – члена ЕС;

¹⁵ См. статьи 109с и 109е Договора о Европейском Союзе.

¹⁶ Для удобства читателя в скобках указана нумерация статей, принятая до появления Консолидированной версии Договора о Европейском Союзе, составленной с учетом поправок, внесенных Амстердамским договором, вступившим в силу с 1999 г.

¹⁷ Имеются в виду так называемые «маастрихтские критерии», т.е. критерии экономической и валютной конвергенции европейских государств.

¹⁸ При этом правильность соблюдения бюджетной дисциплины оценивалась Комиссией ЕС исходя из 2 критериев: 1) не превышает ли отношение планируемого или фактического бюджетного дефицита к валовому внутреннему продукту (ВВП) контрольную величину (3%) и 2) не превышает ли отношение государственного долга к ВВП контрольную величину (60%), если при этом не происходит резкого уменьшения этого отношения и оно не приближается к контрольной точке с достаточной скоростью (см. ст. 104 с Договора).

- устойчивость сближения государств – членов ЕС и их участия в механизме валютных курсов Европейской валютной системы, по крайней мере, в течение двух лет, отраженная в уровнях долгосрочных процентных ставок в каждом государстве (критерий сближения процентных ставок);

- обеспечение совместимости национальных законодательств каждого из государств – членов ЕС, включая статус их национальных центральных банков со статьями Договора о ЕС и Уставом ЕЦБ.

Соблюдение вышеуказанных критериев являлось основанием для вступления в ЕВС, которое осуществлялось по решению Европейского совета на основании докладов Еврокомиссии и Европейского валютного института. Эти доклады были представлены на рассмотрение Евросовета 25 марта 1998 г. Они содержали отчет о соблюдении «маастрихтских критериев» государствами – членами ЕС (см. таблицу 1).

Таблица 1. Выполнение государствами – членами ЕС критериев сближения, предусмотренных Маастрихтским договором¹⁹.

Государство	Отношение дефицита бюджета к ВВП	Отношение государственного долга к ВВП	Средний показатель инфляции за 1997 г., %	Процентная ставка
Бельгия	2,1	122,2	1,4	5,7
Дания	+0,7	65,1	1,9	6,2
Германия	2,7	61,3	1,4	5,6
Греция	4,0	108,7	5,3	9,8
Испания	2,6	68,3	1,8	6,3
Франция	3,0	58,0	1,2	5,5
Италия	2,7	121,6	1,8	6,7
Ирландия	+0,9	66,3	1,2	6,2
Люксембург	+1,7	6,6	1,4	5,6
Нидерланды	1,4	72,1	1,8	5,5
Австрия	2,5	66,1	1,1	5,6
Португалия	2,5	62,0	1,5	6,2
Финляндия	0,9	55,8	1,3	5,9
Швеция	0,8	76,6	1,9	6,5
Великобритания	1,9	53,4	1,8	7,0
Критерии по Маастрихтскому договору	3,0	60,0	2,7	7,8

¹⁹ Aspetti giuridici ed economici dell'Euro. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone – 1998. С. 41.

На основании приведенных в таблице показателей Европейский Союз принял решение о принятии в ряды ЕВС одиннадцати государств: Бельгии, Германии, Франции, Испании, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Австрии, Португалии и Финляндии.

В-третьих, Маастрихтским договором предусматривались механизмы институционального сотрудничества для второго периода экономической и валютной интеграции. В соответствии со статьей 117 (109 f) Договора в начале второго этапа начал действовать Европейский валютный институт (ЕВИ). Вместе с Договором был подписан и Протокол об Уставе ЕВИ. ЕВИ был наделен статусом юридического лица и пользовался в каждом из государств – участников ЕС наиболее широкой правоспособностью, согласно их национальным законодательствам. В качестве органа управления ЕВИ был создан Совет, состоявший из Председателя ЕВИ и Управляющих национальными центральными банками. Председатель ЕВИ назначался из числа граждан государств – членов ЕС, обладающих признанной репутацией и профессиональным опытом в финансовой и банковской сфере. Председатель ЕВИ мог назначаться как на уровне глав государств или правительств стран – участниц ЕС по рекомендации Комитета управляющих центральными банками государств – участников ЕС²⁰, так и непосредственно Советом ЕВИ по согласованию с Евросоветом и Европейским парламентом. До наступления третьего этапа объединения все операции ЕВИ были выражены в ЭКЮ. При этом одной из целей ЕВИ было наблюдение за развитием Европейской валютной системы и использованием ЭКЮ в безналичных расчетах и обменных операциях.

Маастрихтским договором и Уставом ЕВИ были установлены следующие важнейшие задачи, выполнение которых должно было быть завершено на момент начала третьего этапа объединения: 1) укрепление координации валютной политики с целью обеспечения стабильности цен; 2) разработка предварительных мероприятий, требуемых для учреждения ЕСЦБ, для проведения единой валютной политики и создания единой валюты на третьем этапе; 3) укрепление сотрудничества между национальными центральными банками; 4) введение контроля за функционированием Европейской валютной системы, выпус-

²⁰ Комитет управляющих центральными банками и Фонд европейского валютного сотрудничества (ЕФВС) были упразднены в начале второго этапа экономической и валютной интеграции. Все активы и обязанности ЕФВС автоматически перешли к ЕВИ.

ком и использованием ЭКЮ; 5) регулярное согласование курса валютной политики государств – членов ЕС и предоставление консультаций по вопросам валютной политики правительствам и центральным банкам государств – членов ЕС; 6) выполнение консультативных и оперативно-технических функций в соответствии со статьями 4, 5 и 6 Устава ЕВИ.

Следует помнить, что ЕВИ являлся органом переходного периода, вся деятельность которого была направлена прежде всего на подготовку третьего этапа валютного объединения. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что основные задачи ЕВИ были им выполнены. К сожалению, большая часть рабочих материалов и решений Совета ЕВИ конфиденциальна (как это предусмотрено статьей 19 Устава) и недоступна для изучения.

В-четвертых, Договор о Европейском Союзе устанавливал дату начала третьего этапа экономического и валютного объединения – 1 января 1999 г. В 1995 г. на встрече глав государств в Мадриде был утвержден план последнего этапа создания ЕВС.

В-пятых, Маастрихтским договором создавались Европейский центральный банк (ЕЦБ) и Европейская система центральных банков (ЕСЦБ) в качестве органов управления ЕВС.

На встрече глав государств и правительств стран – участниц Европейского союза в Мадриде 15-16 декабря 1995 г. был принят окончательный график перехода к ЕВС, состоявший из четырех фаз, а также было официально утверждено наименование новой валюты евро.

Во время первой фазы (май 1998 г. – 31 декабря 1998 г.) были выполнены следующие важнейшие задачи:

1) определение первых 11 государств – участников ЕВС (Бельгия, Германия, Испания, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Австрия, Португалия, Финляндия)²¹. Европейский Совет принял окончательное решение о вхождении этих государств в ЕВС;

2) назначение Председателя и членов Дирекции ЕЦБ. Первым Председателем ЕЦБ стал голландец Вим Дюзенберг. Назначение Дюзенберга на пост Председателя ЕЦБ было компромиссным решением. Гер-

²¹ В действительности в ЕВС вступают 15 государств. Помимо крупных европейских стран, к нему присоединяются 4 карликовых государства, которые используют денежные единицы своих соседей: в Ватикане и Республике Сан-Марино обращается итальянская лира, в Княжестве Монако — французский франк, в Андорре — испанская песета и французский франк.

мания и Франция боролись за кресло Председателя, предлагая своих кандидатов. В результате, для избежания дальнейших противоречий, они остановились на нейтральной кандидатуре Дюзенберга, который пробудет на посту не полный восьмилетний срок, а уйдет в отставку 1 июля 2002 г., уступив место новому Председателю²². С 1 июля 1998 г. Европейский центральный банк начал работу;

3) окончательная фиксация двусторонних обменных курсов европейских валют.

Вторая фаза началась со введением евро 1 января 1999 г. Непосредственно перед введением новой валюты (31 декабря 1998 г.) были зафиксированы курсы национальных валют по отношению к евро. Новая денежная единица стала активно использоваться в качестве единицы безналичных расчетов и ведения отчетности. Третья фаза начнется 1 января 2002 г., когда евро будет выпущен в наличное обращение наряду с национальным. Четвертая фаза должна начаться с 1 июня 2002 г. Она завершит последний этап развития ЕВС. Национальные денежные единицы будут полностью изъяты из обращения и уступят место новым общеевропейским денежным знакам.

Греция, Великобритания, Швеция и Дания по различным причинам не вошли в ЕВС, хотя и участвовали в мероприятиях по осуществлению первого и второго этапов экономического и валютного сближения. При этом национальные валюты государств, не входящих в ЕВС, были защищены Амстердамским соглашением 1997 г. Греция оказалась не в состоянии обеспечить соответствие своей валютной и бюджетной системы требованиям Маастрихтского договора (см. таблицу). Великобритания отказалась от участия в ЕВС скорее по политическим, чем по экономическим мотивам. В соответствии с положением статьи 1 протокола № 11 к Маастрихтскому договору «О некоторых положениях, относящихся к Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии» британцы заявили Европейскому Совету о своей неготовности ко введению евро с 1 января 1999 г. Присоединение Швеции к ЕВС было неоднозначно воспринято парламентом страны и общественным мнением. Для введения евро в Швеции потребуется проведение референдума, подобно тому, что решил вопрос вступления Швеции в ЕС в 1995 г. Подобная ситуация сложилась и в Дании²³. Великобритания, Швеция и Дания воспользовались так на-

²² Aspetti giuridici ed economici dell'Euro. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 1998. С. 86.

²³ Aspetti giuridici ed economici dell'Euro. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 1998. С. 43.

зываемой оговоркой “opting-out”, позволяющей отказаться от участия в заключительной стадии формирования ЕВС.

Организация и порядок деятельности Европейского центрального банка регулируются положениями Маастрихтского договора и Протоколом об Уставе ЕСЦБ и ЕЦБ. Порядок введения общеевропейской денежной единицы был определен двумя основными регламентами Совета ЕС: регламентом № 1103/97 от 17 июня 1997 г. о некоторых мерах по введению евро и регламентом № 974/98 от 3 мая 1998 г. о введении евро.

ЕСЦБ и ЕЦБ, учрежденные в соответствии со статьей 8 (4а) Маастрихтского договора, начали свою работу с 1 июля 1998 г. В соответствии с решением Европейского Совета штаб-квартира ЕСЦБ находится в одном из основных банковских центров Европы, Франкфурте-на-Майне.

Европейская система центральных банков состоит из ЕЦБ и центральных банков государств – участников ЕВС (национальных центральных банков)²⁴. Существует мнение, что национальные центральные банки рано или поздно перестанут быть органами государств – членов ЕВС и станут своего рода автономными структурными подразделениями ЕСЦБ²⁵.

ЕСЦБ действует на основе принципа полной независимости от органов ЕС и национальных правительств государств-членов. ЕЦБ и национальные центральные банки не вправе испрашивать и получать указания от институтов или органов ЕС и от национальных правительств или любых других органов. Функционирование ЕСЦБ обеспечивается органами ЕЦБ, наделенными правом принимать решения, направленные на осуществление единой валютной политики ЕВС. Национальные центральные банки являются неотъемлемой частью ЕСЦБ и действуют в соответствии с основными ориентирами и указаниями ЕЦБ. ЕСЦБ выполняет следующие основные задачи: 1) определяет и проводит валютную политику ЕВС; 2) проводит международные валютные операции; 3) хранит и управляет официальными резервами иностранной валюты (валюты третьих стран) государств – членов ЕВС; 4) содействует плавному функционированию системы платежей. ЕСЦБ также осуществляет консультативные функции и функции по

²⁴ В качестве центрального банка Люксембурга выступает Валютный институт Люксембурга.

²⁵ Подробнее см.: Schefold D. Die Europäischen Verordnungen über die Einführung des Euro. Zeitschrift für Wirtschafts- und Bankrecht, № 4/1996.

сбору статистической информации о валютных операциях в рамках ЕВС и использовании евро.

ЕЦБ является юридическим лицом и пользуется наиболее широкой право- и дееспособностью, предоставляемой юридическим лицам по законодательству государств-членов ЕС. Уставный капитал ЕЦБ составляет 50 миллиардов евро. Национальные центральные банки являются единственными подписчиками и держателями капитала ЕЦБ. Структура ЕЦБ и его руководящих органов, процедура голосования в Совете управляющих и Дирекции, а также порядок деятельности и отчетности ЕЦБ и его органов определяются Внутренним регламентом, который принимается Советом управляющих.

ЕЦБ управляется тремя органами, обладающими разным объемом компетенции и выполняющими различные функции: Дирекцией, Советом управляющих и Генеральным советом.

Дирекция ЕЦБ состоит из Председателя ЕЦБ, Заместителя Председателя и четырех членов, которые назначаются с общего согласия глав государств и правительств государств – членов ЕВС из числа граждан этих государств. Срок их службы составляет восемь лет и не подлежит продлению. Члены Дирекции являются наемными служащими. Условия их найма являются предметом договора с ЕЦБ²⁶. Дирекция является органом текущего управления делами ЕЦБ и действует на постоянной основе. Дирекция несет коллективную ответственность за свою деятельность. Решения Дирекции принимаются простым большинством голосов, если иное не предусмотрено положениями Договора о ЕС и Устава ЕСЦБ и ЕЦБ. Дирекция осуществляет валютную политику в соответствии с основными ориентирами и решениями, принятыми Советом управляющих. В целях осуществления валютной политики Дирекция вправе давать распоряжения национальным центральным банкам. Дополнительные полномочия могут делегироваться Дирекции по решению Совета управляющих ЕЦБ. Председатель или заместитель председателя ЕЦБ ведут заседания Дирекции и Совета управляющих, а также представляют ЕЦБ в отношениях с третьими государствами, международными организациями и т.д.

Совет управляющих ЕЦБ состоит из членов Дирекции и управляющих центральными банками и заседает не менее десяти раз в год. За-

²⁶ Сроки и условия найма членов Дирекции, в частности их оклады, пенсии и другие социальные гарантии, устанавливаются Советом управляющих ЕЦБ по предложению специального Комитета, состоящего из трех членов, назначенных Советом.

дачей Совета является определение валютной политики ЕВС и принятие ключевых решений по вопросам деятельности союза. Совет управляющих устанавливает общие ориентиры и приоритеты деятельности ЕЦБ. В частности, Совет решает вопросы представительства ЕСЦБ на мировой арене, дает согласие на самостоятельное участие национальных центральных банков в международных валютных организациях.

В качестве третьего органа ЕЦБ с правом принятия решений был учрежден Генеральный совет ЕЦБ в составе Председателя ЕЦБ, его заместителя и управляющих национальными центральными банками всех государств – членов ЕС. Четыре члена Дирекции ЕЦБ могут принимать участие в заседаниях Генерального совета без права голоса. Генеральный совет ЕЦБ был учрежден на период существования государств – членов ЕС «с изъятиями», т.е. государств, к которым не применяется ряд статей Договора о ЕС, касающихся валютного союза. Освобождение “государств-членов с изъятиями” (Греции, Великобритании, Швеции и Дании) и их центральных банков от прав и обязанностей в ЕСЦБ установлено в главе IX Устава ЕСЦБ. Это не означает полного исключения этих государств из общей валютной политики ЕС. Маастрихтский договор особо оговаривает вопрос применения и неприменения конкретных статей Договора и Устава ЕСЦБ и ЕЦБ к этим государствам²⁷. К компетенции Генерального совета было отнесено выполнение задач ЕВИ, которые из-за отступления одного или нескольких государств-участников были перенесены на третий этап объединения, а также подготовка к отмене изъятий по отношению к государствам, не участвующим в ЕВС, и обеспечение их скорейшего присоединения к валютному союзу. Одной из важнейших задач Генерального совета является принятие мер по установлению фиксированных обменных курсов валют государств-членов «с изъятиями» по отношению к единой европейской валюте.

Кратко охарактеризовав структуру и компетенцию органов управления ЕСЦБ, перейдем к рассмотрению основных направлений ее работы. Можно условно обозначить три основных направления деятельности ЕСЦБ:

1) предоставление консультаций органам ЕС, национальным правительствам и центральным банкам;

²⁷ См. статьи 120 (109i), 121 (109j), 122 (109k), 123 (109l), 124 (109m) Маастрихтского договора и главу IX Устава ЕСЦБ и ЕЦБ.

- 2) осуществление валютных операций;
- 3) осуществление функций валютного контроля и надзора за деятельностью национальных центральных банков.

Европейский центральный банк предоставляет консультации органам ЕС и национальным органам власти относительно проектов правовых актов, входящих в сферу компетенции ЕЦБ или затрагивающих вопросы валютной политики Союза. ЕЦБ также может предоставлять институтам и органам ЕС и национальным правительствам экспертные заключения по вопросам, входящим в его компетенцию. Эта функция осуществляется Советом управляющих ЕЦБ.

В порядке проведения валютных операций ЕСЦБ осуществляет следующие действия²⁸ :

- открывает в ЕЦБ и национальных центральных банках счета кредитным организациям, государственным структурам и другим участникам рыночных отношений;
- принимает активы кредитных организаций, государственных структур, включая ценные бумаги;
- проводит операции на рынках капиталов путем прямой покупки и продажи или по соглашению о перекупке, а также путем предоставления и получения кредитов и ценных бумаг в евро, валюте третьих государств и драгоценных металлах;
- осуществляет кредитные операции кредитными организациями и другими субъектами валютного и финансового рынка;
- устанавливает отношения с центральными банками и финансовыми институтами третьих стран и международными организациями;
- приобретает и продает все типы активов в валюте третьих стран (ценные бумаги и все другие активы в валюте любой страны);
- хранит и управляет приобретенными активами;
- проводит все типы банковских операций в отношениях с третьими странами и международными организациями, включая получение и предоставление займов;
- осуществляют операции с государственными органами стран – участниц ЕС (например, ЕЦБ и национальные ЦБ вправе действовать в качестве фискальных агентов по отношению к некоторым государственным структурам)²⁹.

²⁸ Все операции проводятся ЕЦБ, который наделен статусом юридического лица и обеспечивает функционирование ЕСЦБ в целом.

²⁹ См. ст. 21 Устава ЕСЦБ и ЕЦБ.

В области валютного контроля и надзора за деятельностью национальных центральных банков ЕЦБ осуществляет следующие функции³⁰:

- направляет указания национальным центральным банкам, определяет основные ориентиры их деятельности (эта функция может осуществляться Дирекцией и Советом управляющих ЕЦБ) и обеспечивать их соблюдение;

- устанавливает общие принципы функционирования открытого рынка и осуществления кредитных операций для ЕЦБ и национальных центральных банков, включая установление критериев допуска к осуществлению таких операций;

- требует от кредитных организаций государств – членов ЕС формировать минимальные резервы на счетах ЕЦБ или национальных центральных банков в соответствии с целями валютной политики ЕВС³¹;

- по решению Совета управляющих ЕЦБ вводит любые необходимые методы валютного контроля;

- предоставляет национальным центральным банкам разрешения на участие международных валютных организациях и проведение операций с международными организациями;

- Совет управляющих санкционирует эмиссию банкнот европейской валюты национальными банками.

Важную роль в успехе ЕВС сыграла ставка на использование национальных центральных банков и их включение в единую ЕСЦБ. Государства – члены ЕС отказались от построения новой структуры, дублирующей функции национальных ЦБ. Европейский центральный банк принял на себя широкие полномочия в области формирования и проведения единой валютной политики в Европе. По сути, ЕЦБ стал первым независимым наднациональным органом, руководящим работой национальных центральных банков и возглавляющим ЕВС.

Завершив обзор организации и функций Европейской системы центральных банков, мы переходим к рассмотрению порядка введения единой европейской денежной единицы и правовых последствий введения евро.

³⁰ Важно отметить, что большая часть полномочий по надзору за деятельностью коммерческих банков и иных кредитных организаций остается в ведении национальных центральных банков и специализированных органов банковского надзора.

³¹ Правила формирования минимальных резервов устанавливаются Советом управляющих ЕЦБ исходя из требований к расчету и хранению резервов, существовавших в каждом из государств до начала деятельности ЕСЦБ.

Окончательное решение о введении евро было принято на встрече глав государств и правительств в Мадриде в 1995 г. Во исполнение этого решения Совет ЕС принял два регламента, определявших порядок введения новой валюты: Регламент № 1103/97 от 17 июня 1997 г. о некоторых мерах по введению евро и Регламент № 974/98 от 3 мая 1998 г. о введении евро. Целью этих актов было упорядочение денежных отношений на третьем этапе формирования ЕВС и обеспечение плавного и постепенного перехода к новой валюте. Регламенты распространялись на все государства – члены ЕС и имели прямое действие, то есть для осуществления их положений не требовалась имплементировать их в законодательство отдельных государств.

Регламент №1103/97 от 17 июня 1997 г. о некоторых мерах по введению евро вступил в силу 20 июня 1997 г. и ввел ряд основных правил перехода от национальной валюты к евро³².

Во-первых, регламент предусматривал замену наименования ЭКЮ на евро и устанавливал соотношение между ними в размере один к одному. Все ссылки на ЭКЮ и обозначения денежных величин в ЭКЮ в актах ЕС и гражданско-правовых договорах стали пониматься как ссылки и обозначения в евро (ст. 2 Регламента).

Во-вторых, статьей 2 Регламента было введено правило неизменности юридической силы договоров и иных гражданско-правовых актов в связи с введением евро. В частности, в Регламенте отмечалось, что «введение евро не является основанием для изменения положений договора, не влияет на исполнение сторонами своих обязательств по договору и не может служить основанием для одностороннего изменения условий договора или его расторжения»³³.

В-третьих, в целях избежания потерь от спекулятивных операций при обмене европейских валют на евро Регламентом были установлены правила перевода национальных денежных единиц в евро и порядок произведения обменных операций (в частности, был установлен порядок округления чисел при обмене).

Регламент № 974/98 от 3 мая 1998 г. о введении евро был готов уже 7 июня 1997 г., но не применялся, поскольку до весны 1998 г. не был определен круг государств, готовых к вхождению в ЕВС. Регламент

³² Регламент основан на положениях статей 113(109b), 121(109j) и 308 (235) Маастрихтского договора.

³³ Regolamento relativo a talune disposizioni per l'introduzione di euro n.1103/97 в книге Bocchino U., L'Euro, l'impresa e il bilancio di esercizio: problematiche estionali, operative, contabili e civilistiche. Milano: Il sole 24 ORE – 1998.

официально вступил в силу 1 января 1999 г. и ввел дополнительные правила о порядке перехода к евро³⁴.

Во-первых, именно этим регламентом евро был окончательно введен в безналичное обращение наряду с национальными валютами.

Во-вторых, было окончательно определено достоинство евро и евроцентов (десятичных частей новой денежной единицы). Были подтверждены полномочия Совета ЕЦБ санкционировать выпуск банкнот и монет евро. Регламент также содержит ряд положений, направленных на борьбу с искажением облика денежных знаков и их подделкой.

В-третьих, Регламент содержит положения, регулирующие использование евро в течение переходного периода после его введения (1 января 1999 г. – 1 января 2001 г.). В соответствии со статьей 7 Регламента введение евро не влияет на сделки, ранее заключенные в национальной валюте. До 2001 г. допускается использование в деловом обороте денежных обозначений в евро и национальной валюте.

В-четвертых, Регламент содержит положения, которые найдут свое применение по истечении переходного периода, то есть начиная с января 2002 г. В течение первой половины 2002 года евро должен быть повсеместно введен в обращение. В течение шести месяцев национальные денежные единицы изымаются из наличного обращения. Все безналичные операции (в т.ч. с участием государства), гражданско-правовые сделки, бухгалтерская отчетность субъектов хозяйственной деятельности с 1 января 2002 г. должны быть выражены в евро. Регламент предписывает государствам – членам ЕВС обеспечить обмен наличных национальных денежных единиц на евро до конца 2002 г.

Помимо рассмотренных нами двух регламентов, Советом ЕС был также издан Регламент № 975/98 от 3 мая 1998 г. о достоинстве и технических характеристиках металлических монет евро, предназначенных для наличного обращения.

В настоящее время трудно судить о том, была ли достигнута цель окончательного формирования Экономического и валютного союза в Европе. Слишком мало времени прошло с момента введения евро. Однако можно с уверенностью сказать, что был преодолен один из самых трудных этапов европейской интеграции.

Введение евро способствовало достижению устойчивости экономического роста и относительной финансовой стабильности в «зоне евро».

³⁴ Регламент основан на положениях ст. 123 (109I) Маастрихтского договора.

Появление единой европейской валюты стимулировало дальнейшую интеграцию рынков капитала в государствах – членах ЕС. Доказательством тому служит небывалый рост поглощений и слияний в различных отраслях европейской экономики. Нельзя отрицать и тот факт, что за рекордно короткий промежуток времени (1999 г.) евро стал наряду с долларом США ведущей мировой резервной валютой. В настоящее время на евро приходится около 44% мирового объема еврооблигаций. Многие государства Восточной Европы, Африки и Азии, экономические системы которых традиционно ориентированы на доллар, при формировании собственной политики валютных курсов начали использовать евро в качестве альтернативного ориентира в процессе курсообразования.

Несмотря на многочисленные позитивные явления, связанные с формированием ЕВС, нельзя упускать из вида и ряд проблем, выявленных опытом применения евро в 1999 г. Евро не удалось потеснить доллар в качестве основного средства международных торговых расчетов. Более половины объема мировой торговли по-прежнему обслуживается долларом. Снижение курса евро к доллару оказывает неблагоприятное психологическое воздействие на граждан государств – членов ЕВС и субъектов экономической деятельности. При этом важно отметить, что колебание курса единой валюты приводит к меньшим потерям, чем имевшие место ранее колебания самостоятельных национальных валют. Негативное влияние на укрепление позиций евро оказывают значительные различия в национальных режимах налогообложения государств «зоны евро».

Евро был изначально переоценен на валютных рынках, и, следовательно, падение его курса под влиянием различных политических и экономических факторов было неизбежно. В течение 1999 г. можно было наблюдать значительные колебания курса евро на мировом валютном рынке (от 1.25 доллара за 1 евро в январе 1999 года до 0.98 евро за 1 доллар в январе 2000 года). При этом в процессе конкуренции евро и доллара на валютных рынках неизбежно постепенное снижение курса обеих валют по отношению к прежнему уровню. Понижение курса евро к доллару имеет и некоторые положительные последствия. В частности, способствует увеличению объемов экспорта европейской продукции.

Можно с уверенностью сказать, что введение евро не только ознаменовало завершение экономической интеграции в Европе, но и от-

крыло новые перспективы для политического сотрудничества в рамках Европейского Союза. Завершение третьего этапа введения евро в 2002 г. будет означать достижение экономического единства Европы и, возможно, переход к стадии политического объединения. В соответствии со статьей В Маастрихтского договора, одной из целей ЕС является «способствование утверждению индивидуальности Союза на международной арене, особенно путем осуществления общей внешней политики и общей политики безопасности, включая возможное оформление в дальнейшем общей оборонительной политики, которая со временем могла бы привести к созданию общих сил обороны». Таким образом, метод интеграционного строительства, предложенный в 1950 г. Р. Шуманом, доказал свою эффективность. Путем постепенного устранения разногласий и решения проблем, не вызывающих противодействия, государства Европы двигаются к укреплению европейского единства во всех сферах.

Договорно-правовая база финансовых отношений Республики Казахстан со странами Азиатского региона

*Тастанова А.К.**

Роль Азиатского региона в мировом развитии за последнее десятилетие значительно возросла. Многие государства региона, особенно его восточной части, являются ведущими индустриально развитыми странами современного мира. Они располагают мощными финансовыми ресурсами, являясь одновременно как крупными экспортерами, так и импортерами товаров, работ и услуг. Так, Япония считается вторым, а Юго-Восточная Азия четвертым по величине рынками в мире. Первое место принадлежит США, а третье – Европейскому Союзу.

Одновременно с активным ростом экономики отдельных стран в регионе наблюдается тенденция к развитию новых интеграционных направлений, касающихся также и вопросов финансового сотрудничества, среди которых особого внимания заслуживают инициатива создания Азиатского валютного фонда (АВФ), выдвинутая Японией, и предложение о создании Азиатского монетарного союза по аналогии с Европейским монетарным союзом и введении единой азиатской валюты. Актуальность данных решений была продиктована последствиями финансового кризиса пяти азиатских «тигров», случившегося в 1997 году. Целью предлагаемых для создания международных институтов является решение возникающих в регионе кризисных финансовых ситуаций, так как для МВФ становится обременительно справляться с объемом финансовых проблем азиатских стран.

События, происходящие на финансовых рынках стран Азиатского региона, имеют огромное влияние на развитие мировой экономики. Так, финансовый кризис в Азии повлек за собой ряд вынужденных изменений в направлениях экономической политики стран Европы и Америки. Последствия этого кризиса затронули и Республику Казахстан (РК). По этому поводу Президент РК Н. Назарбаев сказал: «Азиатский кризис преподнес нам немало уроков: и экономических, и политических. Последствия кризиса в разной степени ощутили на себе

* Тастанова Асель Канатовна – к.ю.н. (Алматы).

все страны СНГ. Нам пришлось скорректировать свои инвестиционные устремления. В то же время это не означает изменения нашего общего курса, так как азиатская геополитика Казахстана лишена какой-либо политической конъюнктуры»¹.

В этих условиях кажется целесообразным установление Казахстаном долгосрочных и среднесрочных связей с азиатскими государствами и укрепление договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества в области кредитования и международных расчетов.

Большой интерес в качестве торгово-экономического партнера для Казахстана представляет одна из наиболее развитых индустриальных стран мира – Япония. За последние пять лет роль Японии в процессе финансового вливания в экономику нашей республики значительно возросла. Эта страна опережает экономически развитые страны по ряду различных макроэкономических показателей: объем ВВП, положительное сальдо баланса текущих платежей, размер золотовалютных резервов, превышение зарубежных активов над обязательствами². Казахстанско-японские финансовые отношения выражаются в основном в правовых формах международного кредитования. Так, первое соглашение о предоставлении Казахстану займа на общую сумму 220 млн. - долларов США было подписано между Национальным банком РК и Эксимбанком Японии во время визита Н. Назарбаева в Японию в апреле 1994 года.

Многие займы, предоставленные японским правительством, направлены на строительство новой столицы Казахстана Астаны, что согласно законодательству республики является одной из приоритетных областей вложения капитала. Об этом свидетельствуют соглашения, подписанные правительствами Японии и Казахстана о предоставлении займа на проекты по развитию мощностей железнодорожного транспорта стоимостью 7,2 млрд. йен и строительство моста через реку Иртыш стоимостью 21,5 млрд. йен, а также подписанное 24 декабря 1998 г. соглашение о предоставлении займа на реконструкцию международного аэропорта в Астане на сумму 180 млн. долларов США под годовую процентную ставку 2,2 % на 30 лет с отсрочкой платежей в течение первых 10 лет.

¹ Казахстанская правда, 1998 г., 15 сентября.

² Токаев К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. Алматы, 2000. С. 350.

Договорно-правовая база казахстанско-японских финансовых отношений включает в себя также другую форму сотрудничества в области международного кредитования, а именно межгосударственные соглашения об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве, которые предусматривают предоставление долгосрочных кредитов для оплаты импорта оборудования, машин, технологий. В апреле 1997 года было подписано соглашение между Министерством энергетики и природных ресурсов Казахстана и Японской национальной нефтяной корпорацией о проведении на безвозмездной основе геолого-геофизических работ в северо-западном Приаралье и выделении гранта на сумму 7,5 млн. долларов США для проведения геологоразведочных работ. Общий объем инвестиций по планируемым в этой области проектам должен составить 1 млрд. 358 млн. долларов США. Финансовая помощь также оказывается японским правительством населению Аральского региона в виде финансирования проектов обеспечения региона питьевой водой. Следует отметить, что крупные японские компании «Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо» и другие, действующие на рынке Казахстана, занимаются не только торговыми операциями, но и участвуют в качестве посредников в инвестировании научно-исследовательских проектов, проектов по развитию инфраструктуры Казахстана. Так, компания «Мицуи» выполняет роль представителя японского государственного исследовательского института в инвестиционном проекте по составлению технико-экономического обоснования строительства трубопровода для обеспечения питьевой водой всех регионов Приаралья.

Особенность японских инвестиционных проектов в Казахстане заключается в том, что, в отличие от других государств, правительство Японии сосредоточило выделяемые средства на социальных нуждах, в первую очередь на инфраструктуре, экологии и образовании, а не только на проектах сырьевой направленности, как это делают, например, американские компании³.

В связи с растущим объемом взаимной торговли между Казахстаном и Японией видится необходимым создание прочной договорно-правовой базы в области международных расчетов. Соглашение о порядке и видах платежа может быть составлено в виде отдельного документа, или же условия о порядке осуществления платежей могут

³ Казахстанская правда, 2001 г., 22 сентября.

быть включены в другие соглашения, например в соглашения о товарообороте, в общее соглашение об экспорте товара.

Укрепление отношений с Японией могло бы способствовать расширению сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). АТР становится одним из крупнейших финансовых центров. Прогресс экспортных производств, стимулирующий развитие сопряженных отраслей, позволил крупным восточноазиатским странам (Япония, Южная Корея, Тайвань) создать диверсифицированные промышленные комплексы. Гонконг, Сингапур, где формирование полного набора отраслевых секторов экономически целесообразно, создали разветвленный финансовый сектор, превратившись в крупнейшие центры международных расчетов в АТР⁴.

Несмотря на кризис, охвативший страны Юго-Восточной Азии, продолжают успешные действия по ликвидации его негативных последствий совместными усилиями главных политических фигур АТР – Китая, Японии, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Южной Кореи. Основные уроки финансового кризиса в Республике Корея следовало бы учесть в долговременной стратегии экономического развития нашей страны: наличие селективной поддержки отдельных отраслей и предприятий, особое внимание Центрального банка Кореи к регулированию валютного курса и другие⁵. Одним из действенных способов укрепления позиций стран АТР в создавшихся условиях является региональная финансовая интеграция: инициативы создания Азиатского монетарного союза по аналогии с Европейским монетарным союзом и введения единой азиатской валюты, создание Азиатского валютного фонда, а также валютного союза стран АСЕАН для стабилизации курсов валют государств региона по отношению друг к другу.

В этой связи Казахстану следует уделить особое внимание проблеме подключения к интеграционным процессам в рассматриваемом регионе. Для реализации этой цели республике необходимо развивать двусторонние связи с ведущими странами АТР. Договорно-правовая база регулирования финансовых отношений со странами АТР недо-

⁴ Токаев К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. Алматы, 2000. С. 360.

⁵ См.: Елемесов Р.Е., Кошербаева А.Б. Уроки финансового кризиса Южной Кореи для Республики Казахстан // Постстабилизационная модель развития Казахстана: Материалы международной научной конференции. Ч. 2. Алматы: Казахский государственный аграрный университет, 2001. С. 62-70.

статочно разработана, соответствующие соглашения заключены лишь с несколькими лидирующими государствами, такими как Япония и Южная Корея. В современных условиях такая политика со стороны Казахстана недопустима, так как большинство стран региона, в частности многие страны – участницы АСЕАН, продемонстрировали высокие темпы экономического роста, возможность ускоренного перехода от аграрно-сырьевой экономики к высокотехнологичным и капиталоемким отраслям производства, создали гибкую финансово-кредитную систему и благоприятный инвестиционный климат. Развитие отношений с Юго-Восточной Азией позволило бы Казахстану привлечь дополнительные финансовые ресурсы, получить новейшие технологии. Не следует забывать о том, что это сотрудничество имеет взаимовыгодный характер, то есть наше государство в свою очередь могло бы стать для восточноазиатских стран альтернативным источником сырья, а также предоставить им возможность расширить свое присутствие на рынке Казахстана.

Прочная договорно-правовая основа отношений с АТР способствовала бы и эффективному процессу перенятия опыта финансового сотрудничества государств Юго-Восточной Азии странами – участницами Центральнoазиатского экономического сообщества. Взаимоотношения государств Азиатско-Тихоокеанского региона и Центральной Азии могли бы положить начало новой форме трансрегионального сотрудничества. Необходимость такого сотрудничества диктуется соображениями межгосударственного и межрегионального разделения труда, а также перспективами выхода Казахстана и стран Средней Азии на внешние рынки товаров, капитала и рабочей силы⁶.

Приоритетным направлением внешней политики Казахстана остается развитие связей с соседним государством – Китаем, наиболее крупным на азиатском континенте. Учитывая тесные торговые связи между государствами, постоянно увеличивающийся объем приграничной торговли, создание большого количества совместных предприятий с участием китайских инвесторов, правительства Казахстана и Китая создали прочную правовую базу для урегулирования двусторонних отношений в этих областях. Фундаментом для построения юридической базы торгово-экономического сотрудничества между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой стали подписанные в июле 1991 года, когда Казахстан еще входил в состав СССР, но уже

⁶ Там же. С. 363.

провозгласил свой суверенитет, Соглашение о принципах и основных направлениях развития сотрудничества между Казахской ССР и Синьцзяном и межправительственное Торговое соглашение, которые содержали и нормы, регулирующие осуществление двусторонних финансовых связей. В соглашениях стороны приняли на себя обязательства по обеспечению благоприятных условий для перемещения товаров, услуг и капиталов, укреплению сотрудничества в области экономики в целом.

Следует отметить, что характерной правовой формой казахстанско-китайских финансово-кредитных отношений являются межгосударственные соглашения об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве. Помимо упомянутых выше соглашений, мы можем в качестве примера привести также Соглашение о создании межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, подписанное в феврале 1992 года, Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, подписанное в августе 1992 года и вступившее в силу после ратификации 18 августа 1994 г., в котором стороны договорились об условиях, принципе, режиме взаимных инвестиций и порядке разрешения возникающих споров.

Действующие межгосударственные соглашения служат основой для успешной деятельности физических и юридических лиц Казахстана и Китая. Казахстанские предприятия цветной металлургии сотрудничают с китайскими компаниями в области взаимных поставок по торговым контрактам, проводится активная работа по привлечению китайского капитала для инвестирования химических предприятий Казахстана.

Среди других государств Азиатского региона, с которыми у Казахстана сложились наиболее тесные отношения в области международных расчетов и кредитования на базе двусторонних правовых документов, следует отметить Индию, Исламскую Республику Пакистан, Турцию, Иран и государства Ближнего Востока.

Приоритетным направлением в казахстанско-индийских отношениях является развитие взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Проанализировав существующую договорно-правовую базу этого сотрудничества, мы пришли к выводу, что основной правовой формой двусторонних финансовых отношений Казахстана и Индии является система международного кредитования, а именно такие ее

организационно-правовые формы как соглашения об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве и специальные кредитные соглашения. Следует отметить, что данные правовые формы характерны для финансовых связей Казахстана как со странами азиатского региона, так и с большинством государств Европы и США.

Примером первой организационно-правовой формы рассматриваемых отношений служат Соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий, подписанное в мае 1993 года в ходе визита бывшего Премьер-министра Индии Нарасимха Рао в Казахстан; Конвенция об избежании двойного налогообложения и Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, подписанные в ходе визита Президента РК Н. Назарбаева в Республику Индия 9-11 декабря 1996 г. Вторая правовая форма – специальные кредитные соглашения – представлена в казахстанско-индийских отношениях Межправительственным Соглашением о предоставлении Казахстану кредита на сумму 20 млн. долларов США.

Двусторонние конвенции об избежании двойного налогообложения и соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций обычно содержат также общие нормы, регулирующие вопросы международных расчетов по внешней торговле, кредитам и движению капиталов между странами.

Перспективным видится двустороннее финансовое сотрудничество Республики Казахстан и Исламской Республики Пакистан. Однако, несмотря на взаимные интересы, совпадение подходов двух стран к вопросам регионального сотрудничества (ОЭС, АТР) в области транспортных коммуникаций, нефтяной и газовой промышленности и т.д., договорно-правовая база финансовых отношений Казахстана и Пакистана не является достаточной для развития дальнейших контактов. На современном этапе большинство вопросов двустороннего экономического сотрудничества находится в процессе обсуждения. Новые благоприятные возможности для его развития не раз предлагались в ходе переговоров, но инициативы так до сих пор и не воплотились в юридических документах. Так, двустороннее соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, текст которого был доработан на встрече экспертов в Исламабаде в феврале 1998 года, не вступило в силу до настоящего момента.

Единственным существующим источником, который содержит нормы, регулирующие казахстанско-пакистанские финансовые отноше-

ния, можно признать Соглашение о предоставлении государственного кредита Пакистана в размере 51,9 млн. долларов США на приобретение оборудования цементного завода для акционерного общества «Шымкентцемент». Данное соглашение является проявлением наиболее эффективной формы экономических связей, предусматривающей предоставление долгосрочных кредитов, за счет которых оплачивается импорт главным образом оборудования, машин и технологий, а именно межгосударственных соглашений об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве. Спецификой кредитного механизма по этим соглашениям является возрастающая роль государств – участников соглашений в области организации кредитования, а также то, что непосредственными участниками кредитных операций являются не государства, а партнеры по внешнеторговым контрактам. В данном случае организаторами процесса кредитования являются государства Казахстан и Пакистан а непосредственным участником – казахстанское акционерное общество.

Изучая механизм международно-правового регулирования финансовых отношений Казахстана с государствами Азиатского региона, невозможно не затронуть вопросы экономического сотрудничества с Турцией, которая по интенсивности контактов занимает одно из лидирующих мест среди зарубежных партнеров Казахстана. Основные инвестиционные проекты с участием турецкой стороны осуществляются в сфере строительства и торговли, в том числе в застройке Астаны. В целях расширения экономического сотрудничества Президентом РК было предложено разработать программу развития торгово-экономических отношений между Казахстаном и Турцией на 1998-2007 годы, которая, естественно, затрагивает и вопросы финансового сотрудничества, так как основной целью программы является увеличение объема внешней торговли до 1 млрд. долларов США и, следовательно, увеличение объема расчетных и кредитных операций.

Пока реальной правовой базой двусторонних финансовых отношений служит Соглашение 1992 года о предоставлении кредита Турцией в размере 200 млн. долларов США.

Общие нормы, регулирующие вопросы финансового сотрудничества, содержатся и в двусторонних документах, подписанных Казахстаном и Ираном: Соглашения об избежании двойного налогообложения и о поощрении и взаимной защите инвестиций, вступившие в силу в апреле 1999 года, а также межправительственное соглашение о долго-

срочном торгово-экономическом сотрудничестве, заключенное двумя государствами во время визита Н. Назарбаева в Иран в октябре 1999 года.

Интересным для рассмотрения является состояние договорно-правовой основы финансовых отношений Казахстана со странами Ближнего Востока. Ближний Восток играет особую роль в развитии мировой экономики благодаря богатейшим запасам нефти. Для Казахстана регион также видится перспективным в качестве потенциального рынка сбыта своей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Однако экономические отношения с ближневосточными государствами налаживались медленно. Страны региона неохотно шли на контакт. Сложившуюся ситуацию Премьер-министр РК К. Токаев объясняет двумя причинами: отсутствие базы двусторонних контактов времен бывшего СССР и самодостаточность региона, где отношения между членами правящей династии значили порой гораздо больше, чем отношения с другими государствами⁷.

На современном этапе наблюдается активизация сотрудничества, построенного на взаимных интересах Казахстана и стран Ближнего Востока, свидетельством чего являются подготовка, согласование и подписание двусторонних соглашений, содержащих, в частности, нормы, направленные на урегулирование расчетно-платежных и кредитных операций между нашими странами.

Следует отметить, что двусторонние финансовые отношения между Казахстаном и государствами региона, так же как и связи с другими азиатскими странами, выражаются в двух основных правовых формах международного кредитования – соглашения об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве и специальные кредитные соглашения.

Наиболее развитая договорно-правовая база в данной сфере существует с Кувейтом, Государством Катар и Объединенными Арабскими Эмиратами.

В ходе визита Президента РК Н. Назарбаева в Кувейт в августе-сентябре 1997 года были подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, о поощрении и взаимной защите инвестиций. Со стороны Кувейта Казахстану оказывается содействие в финансировании проектов экономического развития. Так, Кувейтским фондом арабского экономического развития уже выделено 24 млн. долларов США

⁷ Там же. С. 399.

для финансирования проекта по обеспечению питьевой водой Приаралья.

В рамках визита Н. Назарбаева 23-27 мая 1998 г. в Государство Катар и ОАЭ была создана необходимая для эффективного финансового сотрудничества договорно-правовая база. Были подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве Казахстана и Катара, о создании казахстанско-катарского совета предпринимателей, о сотрудничестве между ТПП РК и ТПП Государства Катар, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между РК и ОАЭ. Президент РК и Генеральный директор Фонда Абу-Даби достигли договоренности о льготном финансировании проектов по переброске вод реки Иртыш, строительству водохранилища в столичной области. Условия предоставления займов максимально доступны – до 2,5 процента годовых с отсрочкой начала платежа на 7-8 лет при примерных сроках возврата кредита 15-20 лет. Общий объем финансирования может составить 50-60 млн. долларов США при участии Фонда в каждом проекте в объеме до 50 процентов от общей стоимости⁸.

В настоящее время активно развиваются экономические отношения с единственным немусульманским государством Ближнего Востока – Израилем. В декабре 1995 года было подписано соглашение между Правительством РК и Правительством Израиля о торгово-экономическом сотрудничестве. Во время заседаний созданной двумя государствами казахстанско-израильской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству часто обсуждаются вопросы финансового сотрудничества, в частности вопрос об оказании Банком Израиля технической помощи Национальному банку РК в части банковского надзора, монетарной политики, финансовых рынков.

В целом для рассматриваемых отношений Республики Казахстан с государствами ближневосточного региона характерно то, что большинство инициатив по развитию финансового сотрудничества, предлагаемых во время взаимных официальных визитов и встреч, долгое время остаются на словах и не получают оформления в юридических документах и, как следствие, проявления на практике. Так, во время визита Президента РК в 1997 году в Бахрейн местным финансистам было предложено открыть представительство казахстанских и бахрейнских банков соответственно в Манаме и Алматы. В качестве первого шага планировалось открыть представительство Национального банка РК

⁸ Там же. С. 410-411.

в Бахрейне для конкретной работы с местными банками по привлечению их капитала в Казахстан. В ходе визита были парафированы соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве и о поощрении и взаимной защите инвестиций между Республикой Казахстан и Бахрейном.

На повестке дня стоит подписание соглашения об избежании двойного налогообложения между РК и Арабской Республикой Египет для укрепления договорно-правовой базы двустороннего экономического, в частности финансового, сотрудничества.

Предложение Н. Назарбаева об открытии представительств казахстанских банков и банков Катара и ОАЭ также вызвало живой интерес у катарских и эмиратских финансистов.

В декабре 1993 года в Казахстан прибыла миссия Саудовского Фонда Развития, которая обсуждала в ходе своего визита вопросы финансирования ряда проектов с представителями казахстанских министерств. В отношениях с Королевством Саудовская Аравия подчеркивается необходимость установления отношений с фондами, специализирующимися на оказании помощи мусульманским странам.

В ходе турне Президента РК по странам Персидского залива состоялись встречи с руководителями ключевых министерств и ведомств Кувейта, Бахрейна, Омана, главами крупнейших инвестиционных, промышленных, финансовых, коммерческих групп и компаний, в ходе которых обсуждались конкретные вопросы двустороннего сотрудничества и достигнуты договоренности о дальнейших контактах. Так, руководство Кувейтского финансового дома высказало намерение учредить совместный казахстанско-кувейтский банк для финансирования инвестиционных проектов в РК⁹.

Сложившаяся ситуация в области финансового сотрудничества характерна для всех стран Азиатского региона. Имеющийся потенциал двустороннего сотрудничества еще не реализован в полной мере по ряду причин: занятость решением сугубо региональных проблем, ликвидация последствий финансового кризиса, существовавшая ранее закрытость многих азиатских государств, религиозные аспекты, отсутствие договорно-правовой базы между этим регионом и бывшим Советским Союзом и некоторые другие. Но тем не менее в настоящее время намечается положительная динамика отношений между Казахстаном и государствами Азиатского региона. И в качестве первооче-

⁹ Там же. С. 407-409.

редного шага динамика развития подразумевает заключение между Казахстаном и азиатскими государствами соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, специальных кредитных соглашений. Особое внимание следовало бы уделить разработке и подписанию соглашений о межгосударственных расчетах: клиринговых, платежных, – а также компенсационных соглашений (одна из правовых форм международного кредитования), которые позволят сохранить валютные резервы Казахстана и большинства стран Азии посредством взаимозачетов долгов или погашения кредитов товарами с кредитуемых объектов.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Политические и военно-правовые аспекты концепции «открытое небо»

*Мамедов Э.Т.**

Изначальную суть данной концепции (доктрины) можно выразить четырьмя словами: «разведка территории потенциального противника». Но эта простая формула вплетается в весьма сложную ткань мировой политики и военно-правового сотрудничества государств, в которой для не специалиста теряется собственно «разведывательная составляющая» данной концепции.

Насколько известно, первым выступил с этой идеей сотрудник управления исследований штаба американских ВВС Ричард С. Лекгорн в 1954 году. Идея была задумана им исключительно для шпионажа в отношении СССР, о чем С. Лекгорн посчитал необходимым сообщить на страницах журнала “US News and World Report” в августе 1955 года, через два месяца после того дня 21 июня 1955 года, когда Президент Дуайт Эйзенхауэр обратился с предложением к СССР заключить соответствующую конвенцию¹.

Каковы бы ни были причины такого вольного поведения сотрудника серьезного государственного ведомства США, смысл своей идеи он передал с циничной прямотой, заставляющей и сегодня осторожно

* Мамедов Эмиль Тофикович – подполковник юстиции, соискатель при Военном университете Министерства обороны РФ по специальности «Военное право, военные проблемы международного права».

¹ Хотя существуют и другие сведения: что предложение президента Эйзенхауэра явилось плодом деятельности аппарата Белого дома, а именно Группы экспертов, созданной Нельсоном Рокфеллером, тогдашним специальным помощником президента, которая взяла на себя разработку ряда новаторских идей для выдвижения их Соединенными Штатами на Женевском совещании глав правительств 1955 года.

подходить к оценке концепции «открытого неба», несмотря на то, что Федеральный закон о ратификации Договора по открытому небу принят Государственной Думой 18 апреля 2001 г., одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г. и 24 мая 2001 г. подписан Президентом Российской Федерации В.В. Путиным.

На Западе, правда, раздаются голоса, вещающие, что с распадом СССР эта идея потеряла свой смысл, поскольку Россия якобы перестала быть потенциальным врагом США. Но такие голоса, во-первых, в меньшинстве. Во-вторых, нельзя забывать о том, что в военной доктрине США Россия и Китай отнесены к тем странам, по которым не исключается нанесение ядерных ударов. Соответственно объекты потенциального нападения требуют тщательного изучения.

Естественно, и в 1955 году в политическом документе не могли быть использованы слова «проводить воздушную разведку территории друг друга» (чем на практике регулярно занимались американские самолеты в отношении территории СССР). Поэтому предложение Д. Эйзенхауэра формально исходило из необходимости «исключить возможность внезапного нападения друг на друга».

Как полагает Ю.Н. Малеев, американцы прекрасно понимали, что ответ советской стороны будет только отрицательным в принципе, а также исходя из того факта, что в результате политики «дальнего базирования» базы ВВС США в значительной мере располагались на территории других государств и для СССР было мало толку проводить наблюдательные полеты над территорией собственно США. Но пропагандистский эффект был достигнут в том, что касается контр-инициативы против активно пропагандируемой СССР политики разоружения².

До середины 80-х годов СССР резко отрицательно относился не только к возможным наблюдениям иностранной территории с помощью воздушных судов, будь-то в рамках концепции «открытое небо» или иным образом, но и к любым формам международного (иностранного) контроля и наблюдения. Поворотным в этом плане можно считать 1986 год, когда на Стокгольмской конференции представитель советской делегации сделал заявление о возможности обсуждения идеи о контроле с воздуха.

В июне 1988 года Э.А. Шеварднадзе направил письмо в адрес Генерального секретаря ООН, в котором подтверждалось большое значе-

² Ю. Малеев. Открытое небо//Международная жизнь. № 9-10. 2001. С.62.

ние, которое придает СССР открытости и гласности в международных отношениях, реальному упрочению доверия, повышению предсказуемости действий государств. Этот язык, кроме прочего, полностью соответствовал концепции «открытого неба», чем не замедлили воспользоваться США.

12 мая 1989 г. президент Дж. Буш (старший), выступая в Техасском университете, вспомнил о концепции «открытого неба»³, преподнеся её как проявление концепции открытости. Почти дословно эти слова были произнесены и на сессии Совета НАТО, состоявшейся в том же году. (Немаловажный факт: предложение об открытом небе на этот раз было одобрено в специальном Коммюнике НАТО от 30 мая 1989 г.). А во время своего официального визита в США 21-23 сентября 1989 г. Э.А. Шеварднадзе выразил позитивное отношение советской стороны к концепции «открытого неба». Только этим фактом следует объяснять и неожиданно позитивное отношение к Договору известного политического обозревателя тех дней Юрия Жукова⁴.

Соответствующая конференция «Открытое небо» между НАТО и Варшавским пактом была созвана в беспрецедентно короткие сроки. Чрезвычайно показательно, что это была конференция именно между НАТО и Варшавским договором. Тем самым отношения в данном вопросе переводились в военно-правовую плоскость и как бы принималась капитуляция Варшавского договора, судьба которого уже была предreshена. Принятие странами-участницами Варшавского договора концепции «открытое небо» как нельзя лучше демонстрировало эту новую ситуацию. Конференция была проведена в Оттаве с 12 по 18 февраля 1990 г. Затем последовали переговоры в апреле-мае 1990 года в Будапеште и в ноябре 1991 г. в Вене.

А 24 марта 1992 г. в Хельсинки представители двадцати четырех государств подписали «Договор по открытому небу».

Это событие, при всех сопутствующих политических аспектах, заслуживает отдельной оценки в плане военного сотрудничества государств, которое расценивается некоторыми учеными как самостоятельный институт международного права⁵.

³ На практике это явилось плодом поиска чиновниками какой-нибудь заметной политической инициативы по заданию администрации США.

⁴ Юрий Жуков. Открытое небо – новые факторы укрепления доверия. *Правда*. 2 ноября 1989 г.

⁵ См.: Коржев В.М. Военное сотрудничество государств – самостоятельный институт современного международного права // *Международное право*. 1/2001/10, январь-февраль 2001 года. С. 77-84.

Полностью соглашаясь с этим, считаем необходимым, вместе с тем, подчеркнуть важность сохранения определенного «резерва» по отношению к словам о том, что «такая совместная деятельность не может осуществляться без взаимного доверия, честности, добросовестности и искренности всех сотрудничающих сторон»⁶, или к словам Заключительного акта СБСЕ 1975 года: «содействовать взаимопониманию и доверию, дружественным и добрососедским отношениям между государствами, международному миру, безопасности и справедливости»⁷.

Сотрудничество, совместная деятельность в военной области не являются самоцелью, они составляют интегральную часть внешней политики. А последняя имеет тенденцию кардинально изменяться. История дает множество таких примеров. Поэтому такие категории, как доверие, честность, добросовестность и искренность, должны в данном случае трактоваться применительно только к задачам текущего момента, при сохранении «здорового недоверия» к возможным негативным последствиям конкретного «честного» сотрудничества ввиду возможного использования его результатов в целях, враждебных сегодняшнему партнеру по сотрудничеству.

С учетом сказанного следует оценивать и такие высказывания, как: «От наличия или отсутствия доверия, и, как следствие, сотрудничества между государствами в военной области во многом зависит ослабление или усиление опасности возникновения вооруженных конфликтов»⁸, не подвергая, разумеется, сомнению то, что одним из условий дальнейшего «развития международного сотрудничества является создание системы политико-правовых средств, направленных на обеспечение международной безопасности, добросовестное выполнение которых государствами устраняет сомнения и подозрительность между ними»⁹.

Сотрудничество в военной области (а именно к этой области мы относим сотрудничество по программе «открытое небо») должно не просто соответствовать общепризнанным принципам международного права¹⁰, которых насчитывается десять, а под углом «собственной

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 30 июля-1 августа 1975 г. М. 1987. С. 13-18.

⁸ Быков О.Н. За атмосферу доверия. М., 1986. С. 6.

⁹ Котляров И.И. Международно-правовое регулирование деятельности вооруженных сил государств // Военная мысль. 1990. № 12. С. 18-26.

¹⁰ См.: Международное право / Под ред. В.И. Кузнецова. М.: Юрист, 2001. С. 123-147; Международное право / Под ред. Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой. М.: Международные отношения, 2000. С. 47-76; Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: ПРОСПЕКТ. С. 51-74.

цели» – для поддержания международного мира и безопасности (имеются в виду, разумеется, и специфические разведывательные задачи).

По-видимому, не будет преувеличением говорить о наличии некоторых специальных норм и принципов сотрудничества государств именно в военной области. Этот вопрос носит в целом не столько общетеоретический (хотя этот аспект также следует иметь в виду), сколько остро практический характер. И в этом смысле следует подчеркнуть, что сотрудничество государств – участников Договора по открытому небу содержит в себе такие важные элементы, как реализация политики безопасности; достижение собственно разведывательных целей; обеспечение стабильности, доверия и предсказуемости в военно-политической области.

Нет сомнений в том, что эффективное (читай – взаимовыгодное) сотрудничество государств по программе «открытое небо», хотя бы временно, при благоприятной политической ситуации, является одним из наиболее эффективных способов реализации общепризнанных принципов и норм международного права, связанных с обеспечением международной безопасности, которые (способы), вследствие изменчивости характера международных политических отношений, постоянно требуют своей конкретизации и развития именно в таких конкретных программах.

Как справедливо подчеркивает в упоминавшейся выше статье один из наиболее авторитетных отечественных исследователей данного вопроса В.М. Коржев, до настоящего времени нет четко сложившейся международно-правовой концепции сотрудничества государств в военной области¹¹, несмотря на довольно многочисленные доктринальные его определения в трудах ряда известных зарубежных¹² и отечественных¹³ авторов.

¹¹ См.: Коржев В.М. Указ. соч. С. 81-82.

¹² Borarnki J. Confidence – Building Measures. Rescuing Arms Control. The Fletcher Forum. 1986, № 1. P. 121; Darilek R. Future of Conventional Arm Control in Europe.-SIPRI Yearbook 1987. Oxford University Press: Oxford. P. 314; Hoist I.I. Western perspective to the East-West Arm control agenda. – NATO Review. Brussels. 1983. Vol. 30. № 2. P. 25; Hawks, Doves and Owls. An agenda for avoiding nuclear war. Ed. G. Allison, A. Carnesale. Nye. N.Y. 1985. P. 264.

¹³ Щербак И.Н. Международная безопасность и проблемы доверия в военной области. М., 1987; Тузмухамедов Б.Р. Меры по укреплению доверия. – В кн. Международное право и международная безопасность. Диалог советских и американских экспертов. М.: 1991. С. 315-316; Иванашенко Л.А. Формирование новой модели обеспечения военной безопасности. – В сб. Международное право в современном мире. М., 1991. С. 15-18.

Но независимо от этого следует считаться с устоявшимся пониманием примата международных договоров государства над внутригосударственным законом (в русле ст. 15 п. 4 Конституции РФ) и при сотрудничестве в военной сфере.

Пока что сотрудничество государств по программе «открытое небо» лишь содержит в себе большой потенциал укрепления международного мира и безопасности, демонстрируя новый подход к вопросу о соотношении права и военной силы в межгосударственных отношениях, содействуя формированию новой модели обеспечения международной безопасности в военной области.

Как отмечает Рон Клеменсон, руководитель Исследовательской группы по проверке соблюдения соглашений Отдела контроля над вооружениями и разоружения Министерства иностранных дел и международной торговли (Канада), быстрое развитие событий, особенно в Европе, создало новый климат, в котором, вероятно, будет определяться будущее процесса ограничения вооружений и разоружения. «Эти драматические события, — пишет автор, — не могли не затронуть возможности и средства проверки соблюдения соглашений — важный элемент этого процесса. Нигде это не проявляется с большей очевидностью, чем в эволюции концепции открытого неба».

Хотя это было написано задолго до ратификации Россией Договора по открытому небу, слова эти сохраняют свою актуальность.

Рудигер Хартман оценивает Договор как «мероприятие доверия», которое по-новому дополняет согласованные правила для прогресса открытости и прозрачности военных сил и их деятельности на пути поворота в Европе к новому, кооперативному пониманию безопасности. Хотя и ставит естественный вопрос: после развала СССР, «против которого» и задумывался Договор, не становится ли он излишним, когда больше нет угрозы советской агрессии, а расходы по воздушным наблюдениям весьма высоки? Другими словами, не является ли «открытое небо» политическим символом с ограниченным практическим значением? Или этот договор важен также при сегодняшних условиях для безопасности европейских стран и развивающейся кооперации в рамках Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе?¹⁴

Небезынтересны оценки вопроса Центром геополитических и военных прогнозов Института Мировой экономики и международных

¹⁴ von Rudiger Hartmann. Der Vertrag ue den Offenen Himmel.// Europa-Archiv, Folge 17/ 1992.

отношений АН Российской Федерации, представленные в 1997 году¹⁵. Полагая, что работа над Договором по открытому небу началась в рамках процесса СБСЕ, авторы данного труда считают, что она лишь «включала контакты на межблоковой основе между странами НАТО и Варшавского договора». Представляется, что в свете сказанного нами это в определенном смысле искажение исторической правды. Сами же авторы подчеркивают, что Конференция по открытому небу была должным образом открыта в Оттаве премьер-министром Канады 12 февраля 1990 г., и в той части конференции, которая проводилась на уровне министров, приняли участие министры иностранных дел 23 государств – членов НАТО и ОВД. Таким образом, скорее наоборот: данный процесс «включал контакты» по линии СБСЕ.

Можно согласиться с тем, что полеты в рамках Договора по открытому небу не имеют никакого отношения к какому-либо конкретному договору по разоружению (такому как Договор об обычных вооруженных силах в Европе или Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений), хотя и это не факт. В перспективе и такое возможно.

В ходе первых трех раундов переговоров НАТО выступала за режим, который был бы открытым в возможно большей степени, без каких-либо иных ограничений, кроме тех, которые требуются для обеспечения безопасности полетов. ОВД (на практике Советский Союз) настаивала на общем используемом для целей Договора воздушном флоте (с доступным пулом данных, полученных при полете).

После роспуска ОВД и распада СССР переговоры возобновились в Вене осенью 1991 года уже на другой основе. Если не диктат, то подавляющее влияние стран НАТО на них было очевидным.

Сегодня Россия, как государство-правопреемник СССР на большей его части, является ключевым звеном во всей системе Договора по открытому небу. Особые отношения, которые сложились в последнее время между НАТО и Россией, не исключают, а, скорее, предполагают взаимную проверку соответствующих «добрых намерений друг друга». Договор об открытом небе предоставляет в этом плане уникальную возможность.

¹⁵ См.: Разоружение и безопасность. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад? – М.: Наука. 1997. Глава 23 Перспективы режима «открытого неба». С. 219.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Международно-правовое сотрудничество в области культуры*

*Молчанов С.Н.***

Современное цивилизованное сознание обыкновенно занято политикой, экономикой, военной безопасностью и только затем – культурой. Пресловутый остаточный принцип в отношении культуры негласно принят как внутри государств, так и в международных отношениях.

Некоторые мировоззренческие основы

Культура – культ Ура – почитание Света, почитание Высшего начала. Какое иное слово вмещает точнейшую определенность и тайну и одновременно может быть столь лаконичным и не иметь границ, освещать направление жизненного пути человека, отдельного сообщества и всего человечества и предоставлять им полную свободу выбора?

Обратимся к той правовой академической проблематике, которая стала побудительным мотивом для написания этой статьи, – к проблематике защиты, сохранения и развития культуры и культурных ценностей в международном праве.

Некоторые научно-прикладные исследования и опыт практической деятельности по охране и сохранению культурных ценностей дают, как представляется, моральное право посмотреть на интересующую нас сферу с точки зрения комплексного системного подхода, ставящего на первый план цельность и целостность культуры, культурной де-

* Публикуется в порядке дискуссии.

** Молчанов Сергей Николаевич – начальник аналитического отдела научно-производственного Центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области.

тельности и культурных ценностей как системных объектов духовного бытия.

Говорить о культуре одновременно и легко, и сложно. Все представляют, что она есть, но четко и точно описать ее, как правило, затрудняются. Не повторяя то, что было высказано ранее, скажем, что автору настоящего исследования в концептуально-методологическом плане близок подход С.П. Мамонтова, который исходит из того, что понятие «культура» как минимум семиаспектно: это результат, процесс, деятельность, способ, отношения, норма и система¹.

Все эти семь аспектов представляются и нам базисными. Добавим только еще один онтологический ракурс – ценность. Говорить о культуре вне ее аксиологического аспекта было бы явно неполно.

Для нас в данном случае в аксиологическом ракурсе принципиально важно, что цельность и целостность культуры предполагают равнозначный подход ко всем ее составляющим.

Определение *status quo* и (или) констатация фактов

Так уж сложилось, что вопросы защиты, сохранения и развития культуры, культурных прав человека, этнических, национальных культурных меньшинств и сообществ, народов и человечества в целом, вопросы охраны культурных ценностей и регламентации культурной деятельности в современном международном праве, да и ранее рассматривались в рамках классических или сравнительно новых отраслей, таких как право международных организаций, международное гуманитарное право, международное морское право, международно-правовая охрана окружающей среды, международно-правовое регулирование культурного сотрудничества и др.

При всем уважении к самым авторитетным авторам, ученым и исследователям, персонально внесшим большой вклад в развитие науки международного права и стоящим за таким ставшим традиционным дискретным подходом, невозможно не заметить его изначальную ограниченность и бесперспективность.

Это со всей ясностью и очевидностью становится понятным именно при вхождении в сферу культуры, где за каждым аналитически выделяемым элементом или сектором видны живые нити, которые естественно и гармонично связывают его с другими частями единого целого.

¹ См.: С.П. Мамонтов. Основы культурологии. М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1994. С. 46.

По самым скромным подсчетам, в рассматриваемой сфере международно-правового регулирования в настоящее время насчитывается около 300 источников, включая как правовые акты обязательного универсального и регионального характера, так и носящие рекомендательный характер акты многочисленных международных организаций и институтов. Приплюсуйте к ним более 800 двусторонних договоров о международном культурном сотрудничестве, зарегистрированных в Секретариате ООН, и станет совершенно ясно, что возникает настоятельная научно-практическая необходимость классифицировать и системно структурировать весь этот огромный правовой массив.

Забегая несколько вперед, скажем, что настала пора констатировать формирование в системе международного права новой отрасли – **международное культурное право**.

Предметная сфера регулирования

Как и подобает «новорожденной», у нее есть свой специфический предмет регулирования: определим его как международные отношения по поводу культуры, культурных ценностей и культурной деятельности, регулируемые международным правом.

Отдавая должное позитивистскому подходу в международном праве, в качестве основы предметной сферы правового регулирования международного культурного права можно выделить следующие состоявшиеся материально-юридические сегменты: международная охрана и сохранение культурных ценностей, включая особенности правового режима объектов всемирного культурного наследия; международные организации в сфере культуры; международная защита культурных прав человека, этнических, национальных культурных меньшинств (сообществ), народов и всего человечества; международное культурное сотрудничество; международная регламентация культурной деятельности.

Несомненно, что сама по себе сфера культуры намного объемнее в пространственном отношении и безгранична во времени. Это обстоятельство нужно всегда осознавать и иметь в виду при определении и разграничении предметных сфер правового регулирования в международной и национальных нормативных системах.

Исходя из принципов научности и принятой нами исходной восьмиаспектности культуры, мы предлагаем анализировать проблематику международного культурного права в качестве международно-правовой отрасли и науки как системы в системе.

Сознавая, что большая часть отношений в сфере культуры в силу онтологических и исторических особенностей самой культуры регулировалась и регулируется не в рамках права, а в рамках иных нормативных (регулятивных) систем, таких как мораль, нравственность, религия и др., констатируем, что в рамках целостной универсальной, если хотите, планетарной, нормативно-правовой системы необходимо выделить три составляющие системы: международное публичное право в сфере культуры, международное частное право в сфере культуры, национальное (внутригосударственное) законодательство о культуре.

Последнюю, в свою очередь, применительно к неунитарным федеративным государствам, также необходимо синтетически разложить на три: федеральное законодательство о культуре, региональное законодательство о культуре, местное законодательство о культуре.

В качестве концептуально-методологической основы при научной международно-правовой разработке, на наш взгляд, целесообразно использовать предметную классификацию, закрепленную в Рекомендации ЮНЕСКО о международной стандартизации статистики государственного финансирования деятельности в области культуры от 27 октября 1980 г., в которой выделяется 11 составных частей (категорий) в сфере культуры. Эта классификация нам пригодится несколько позже – при разработке структуры (разделов) доктрины международного культурного права.

Также необходимо констатировать, что с предметной стороны в современном международном праве произошел концептуальный переход от доктрины памятниковедения к универсальной концепции культурных ценностей, суть которой можно изложить в следующих нормативно-правовых основаниях: каждая культурная ценность уникальна и неповторима; все культурные ценности подлежат национальной и международной защите, прежде всего – уважению и сохранению; культурные ценности, составляющие культурное наследие народов человечества (национальное культурное достояние), неотчуждаемы и подлежат специальной международной защите².

² Подробнее об этом, а также о правовом режиме национального культурного достояния см., в частности: John O'Hagan, Clare McAndrew. Restricting International Trade in the National Artistic Patrimony: Economic Rationale and Policy Instruments. *International Journal of Cultural Property*, Vol.10, No1, 2001, pp.32-54; С.Н. Молчанов. К вопросу о правовом режиме культурных ценностей (опыт универсального подхода) // <http://smolchanov.narod.ru/>; В Сборнике «Охранные археологические исследования на Среднем Урале»: Сб.ст.: Вып.4 / М-во культуры Свердлов.обл.; Науч.-произв. центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердлов.обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 4-13.

Субъекты международного культурного права

Было бы слишком просто решать вопрос правосубъектности в рассматриваемой сфере, исходя только из давно установленных и общепризнанных постулатов международного публичного и частного права, утверждающих, что субъектами международного культурного права являются те же субъекты, которые обладают общей и специальной правосубъектностью в международном публичном праве: государства, квазигосударственные образования, международные межправительственные организации, при определенных условиях народно-освободительные движения, народы и т.д., а также физические и юридические лица как субъекты частноправовых отношений в культурной сфере с иностранным (международным) элементом.

Для юриста-международника вышесказанное представляется верным и неоспоримым так же, как для лингвиста порядок букв в алфавите. Однако ограничиться этим значит, собственно, ничего не сказать.

Принцип научности предполагает поиск решения данной проблематики в гораздо более объемной перспективе, учитывая пространственно-временную специфику сферы культуры и особенности ее регулирования в общеправовом ракурсе.

Когда мы исходим из принципа единства правовой материи (правоотношение, правосознание, правовой идеал) и единства правового пространства в сфере культуры, который является только отображением сущности цельности и целостности культуры как синтетической сферы духовного и материального бытия, то для нас связь между субъектами культурной деятельности согласно внутреннему законодательству государства (не смешивать и не противопоставлять их «субъектам права» в национальном законодательстве) и субъектами культурной деятельности в международных отношениях достаточно естественна и очевидна.

Происходит как бы наложение и частичное совмещение культурных субъектов.

Сначала обратимся к национальному (внутригосударственному) праву России.

Поскольку в действующем российском федеральном законодательстве о культуре термин «субъект культурной деятельности» еще не закреплен (хотя это уже предлагалось сделать в новой редакции Основ законодательства о культуре 1992 г.), с небольшой долей риска дословного несовпадения предвосхитим это и определим его как физическое и (или) юридическое лицо, участвующее в деятельности по со-

зданию, сохранению, изучению, распространению, освоению и популяризации культурных ценностей и благ.

Будущий законодатель явно не станет ограничивать круг физических и юридических лиц как субъектов культурной деятельности – обратное было бы нецелесообразно.

Другими словами, любой гражданин России, гражданин другого государства, апатрид и любая организация, рассматриваемые согласно внутреннему законодательству Российской Федерации как субъект, могут осуществлять культурную деятельность.

Поскольку в известных международно-правовых источниках понятие международной культурной деятельности до сих пор не определено, используем с некоторым уточнением и доработкой определение культурной деятельности, данное в ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре 1992 г.

Итак, «культурная деятельность» – это деятельность по созданию, сохранению, охране, изучению, распространению, освоению и популяризации культурных ценностей.

Отделить международную культурную деятельность от немеждународной культурной деятельности невозможно.

Может быть, международные ценности – это те, которые внесены в международные охранные списки согласно Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. или Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.?

Специалист-культуролог возможно вполне обоснованно ответил бы с точки зрения общекультурологической, что любая культурная ценность как часть культуры уникальна и неповторима, онтологически она и национальна и интернациональна одновременно. Художник, создавая полотно, или писатель, работая над романом, этнически принадлежа к определенным группе, сообществу, нации и создавая казалось бы исключительно этнически окрашенное произведение, одновременно создает и общечеловеческую культурную ценность. Оба эти аспекта неразделимы по существу.

Другими словами, в культуре все пространственно-временные объекты и субъекты едины, и любые их различия суть культурное разнообразие, само представляющее собой культурную ценность; поэтому противопоставлять национальное и интернациональное в культуре, как и нивелировать, просто бессмысленно.

Однако то, что никогда не придет в голову специалисту-культурологу, еще не совсем очевидно юристу-международнику, который в такой ситуации оказывается, на первый взгляд, без особого субъекта и объекта правового регулирования, практически без почвы под ногами.

Не означает ли это, что в международном культурном праве нет специфического субъекта и объекта регулирования? – Нет, не означает.

Если субъект и объект регулирования, с нашей нетрадиционной точки зрения и с точки зрения объемной перспективы, в международном праве и национальном праве частично совмещаются, «как бы совпадают» и, таким образом, как бы растворяются, поскольку стираются границы, их разделяющие и идентифицирующие, то это вовсе не означает, что их нет.

Отраслевые принципы

Общий обзор международно-правовых источников, который не претендует на всеобъемность и окончательность, позволяет выделить следующие базисные отраслевые принципы в сфере международного культурного права:

культурное многообразие и разнообразие как часть общего достояния человечества (пункт 3 ст. I Декларации принципов международного культурного сотрудничества 1966 г., ст.1 Всеобщей декларации о культурном разнообразии);

равноправие и уважение культур (пункт а ст. 73 Устава ООН, пункт 1 ст. I, ст. VI Декларации принципов международного культурного сотрудничества 1966 г.);

уважение культурных ценностей (ст. 4 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.);

универсальность, единство и неделимость культурных прав и свобод человека (пункт 2 ст. 6 Декларации о праве на развитие, Резолюция 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г.);

неотчуждаемый характер культурных ценностей, составляющих культурное наследие народов (в системной связи пункт d ст. 13 Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., пункт 1 ст. 6 Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.);

международное сотрудничество в культурной сфере (пункт 3 ст. 1, пункт b ст. 55 Устава ООН, ст. 5 Декларации принципов международного культурного сотрудничества 1966 г.);

сохранение культурного наследия как обязательный элемент устойчивого развития.

Совершенно особо следует сказать о **принципе цельности и целостности культуры, культурной деятельности и культурных ценностей**, который в международном праве еще системным образом и дословно нормативно не закреплен. Он, на наш взгляд, требует скорейшей обстоятельной, выражаясь принятым юридическим языком, как материально-правовой, так и процессуальной разработки и закрепления, поскольку представляется системообразующим.

Пункт 2 ст. XI Декларации принципов международного культурного сотрудничества 1966 г. гласит: «Принципы, изложенные в настоящей Декларации, следует применять с учетом прав и основных свобод человека».

Пункт 2 ст. 6 Декларации о праве на развитие, принятой в форме Резолюции 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. утверждает: «Все права человека и основные свободы являются неделимыми и взаимозависимыми; одинаковое внимание и первостепенное значение должно уделяться осуществлению, содействию и защите гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав»³.

В пункте 1 ст. 9 Декларации также установлено, что «все изложенные в настоящей Декларации аспекты права на развитие носят неделимый и взаимозависимый характер, и каждый из них следует рассматривать в контексте целого».

Таким образом, практика международно-правового нормотворчества как бы на ощупь, интуитивно подходит к закреплению вышеупомянутого принципа, который носит комплексно-системный, как материальный, так и процессуально-правовой характер.

Основные средства и методы. Особенности правового регулирования

Несомненно, что средства, методы и особенности правового регулирования в международном культурном праве, с одной стороны, диктуются специфическими свойствами самого предмета регулирования, а с другой стороны могут рассматриваться как самостоятельные культурно-ценностные категории.

³ См. также Резолюцию 41/117 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. «Неделимость и взаимозависимость экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав» (<http://www.memo.ru/prawo/fund/861204ne.htm>).

Комплексный системный подход является логическим следствием и ментальным инструментом развертки принципа цельности и целостности, о котором говорилось выше. Между тем, на данном этапе развития международного культурного права этот метод закреплён в достаточно узкой пространственно-территориальной сфере – в региональном европейском праве, а именно в праве Совета Европы, как «принцип комплексного сохранения» и «межведомственные стратегии сохранения»⁴.

Концепция комплексного сохранения наследия, которой Совет Европы руководствуется с 1975 г. и которая первоначально распространялась исключительно на архитектурное наследие, находится в стадии перманентного позитивистского, на наш взгляд, распространения на все новые области культурных ценностей. Несмотря на упоминание о ней⁵ в правовых актах, в научно-доктринальном плане она еще не разработана, поскольку соответствующих научных трудов, диссертаций и монографий, посвященных этой проблематике, насколько нам известно, еще не имеется.

Структура (разделы) науки международного культурного права

Исходя из своего понимания целей и задач международного культурного права, его места как отрасли в системе международного права в целом, а также опираясь на устоявшуюся предметную классификацию, закреплённую в Рекомендации ЮНЕСКО о международной стандартизации статистики государственного финансирования деятельности в области культуры от 27 октября 1980 г., в качестве основы предлагаем следующую структуру науки (и возможного курса) международного культурного права:

⁴ См., в частности, Резолюцию Комитета Министров Совета Европы № 76(28) от 14 апреля 1976 г. о приведении законодательной и нормативной базы в соответствие с требованиями комплексного сохранения архитектурного наследия, параграф В. Резолюции № 2 Второй европейской конференции министров, ответственных за архитектурное наследие (Гранада, 3-4 октября 1985 г.), пункт F. Хельсинской декларации о политическом измерении сохранения культурного наследия в Европе (Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердлов. обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 179, 425, 443, соответственно).

⁵ См. пункт 6 Преамбулы Заключительной декларации и резолюций Четвертой европейской конференции министров, ответственных за культурное наследие (Хельсинки, 30-31 мая 1996 г.) – там же. С. 440.

История правового регулирования;

Основные определения, классификация и типология культурных ценностей в международном праве;

Правовой режим культурных ценностей:

- охрана культурных ценностей, составляющих национальное культурное достояние (всемирное культурное наследие народов) человечества;

- сохранение и защита культурных ценностей в мирное время и во время войн и вооруженных конфликтов;

Правовой статус субъектов культурной деятельности;

Международная охрана прав человека, коренных народов, других национальных и этнических меньшинств и человечества в культурной сфере;

Индивидуальные культурные права человека;

Коллективные культурные права человечества, народов, коренных народов и других национальных и этнических меньшинств (сообществ);

Международная регламентация культурной деятельности:

- международно-правовые основы культурной политики;
 - международное управление (менеджмент) в сфере культуры;
 - международные конференции и организации (ММПО и МНПО) в культурной сфере;
 - международное культурное сотрудничество: по вопросам науки, искусства, религии, образования, СМИ, физкультуры и спорта;
- Международное правосудие в сфере культуры.

Поскольку авторское право и право интеллектуальной собственности исторически в существенной степени развивались в системе международного права в рамках ЮНЕСКО и ВОИС, а с предметной точки зрения их сферы регулирования если и не совпадают полностью, то в существенной степени пересекаются со сферой регулирования международного культурного права, считаем целесообразным отнести «культурную проблематику» вышеназванных ранее выделенных в доктрине отраслей к разделу «Международная регламентация культурной деятельности» предлагаемой структуры курса и рассматривать ее именно в системе международного культурного права.

Понятия и институты

Не повторяя того, что было установлено нами ранее относительно понятийной проблематики культурной сферы в международном праве⁶, отметим настоятельную необходимость закрепления на международно-правовом уровне концептуально- и системообразующей дефиниции культурной деятельности.

Несомненно, что от степени универсальности и выверенности этого понятия будет зависеть концептуально-методологическая перспектива развития всей отрасли в будущем.

В рассматриваемой сфере можно выделить также особые специфические институты, такие, например, как реституция и субституция культурных ценностей.

Иерархия и классификация правовых норм

С точки зрения особенностей иерархии и классификации правовых норм международное культурное право в целом характеризуется отличительной классичностью.

Есть также существенные особенности, о которых просто невозможно умолчать.

Поскольку мы относим к предмету международного культурного права в своей основе совокупность отношений в культурной сфере, регулируемых как в классической системе международного публичного права, так и в рамках международного частного права, то отметим, что роль публично-правовых норм на данном этапе его развития явно преобладает.

Упомянем также, что к рассматриваемой сфере культуры относится значительная часть источников, которые формально с классических позиций хотя и не являются строго нормативными (обязательными), но их правовую суть, международный характер возникновения и фактическое влияние на международно-правовое нормотворчество нельзя не признать: это правила и стандарты прежде всего так называемых этических кодексов поведения. Именно они *de facto* регулируют отношения там, где государства и другие субъекты международного публичного права просто запаздывают, например: в музейном⁷, выставоч-

⁶ Подробнее об этом см., в частности, материалы на авторском сайте по адресу: <http://smolchanov.narod.ru/>

⁷ См., например, подборку этических кодексов и библиографию Академии им. Рейнворда по адресу <http://www.xs4all.nl/~rwa/ethics1.htm>

ном, архивном деле, археологии, в новейших областях культурного наследия и др.

Определение международного культурного права (МКП)

Итак, проведя общий обзор и анализ, мы можем приступить к дефиниции основного предмета настоящей работы.

Для ясности и краткости определим международное культурное право как единую целостную полиотраслевую систему юридических принципов и норм, регулирующих международные отношения по поводу культуры, культурных ценностей и культурной деятельности.

Несомненно, что МКП как объективно существующую полиотраслевую совокупность юридических принципов и норм следует отличать от науки международного культурного права, которая, в свою очередь, также является системным образованием, имеет свою структуру, но является результатом субъективного отображения учеными-исследователями.

Общеотраслевые тенденции, цели, задачи и перспективы науки международного культурного права

В рассматриваемой сфере, регулируемой принципами и нормами международного культурного права, на современном этапе развития происходит углубление и расширение предметно-пространственного поля регулирования: с одной стороны, под эгидой ЮНЕСКО 2 ноября 2001 г. принята долгожданная Конвенция об охране подводного культурного наследия, с другой стороны, в скором времени следует ожидать, в частности, включение в настоящую сферу искусственных космических объектов как научно-технического наследия, разнообразных творений интеллектуального и художественного, в том числе, устного творчества, элементов культурной среды и т.д.

С качественной точки зрения также можно установить общее направление: от сугубо материальных форм культурного наследия, например недвижимых памятников и достопримечательных мест, – к «нематериальным» (intangible)⁸ культурным ценностям (языки, фольклор, нравственные идеалы, верования, духовные практики и др.).

Традиционное невмешательство государств в культурную сферу постепенно сменяется политикой оказания все большего влияния

⁸ Подробнее см., в частности, http://www.unesco.org/culture/heritage/intangible/html_eng/index_en.shtml

на культурные отношения, в том числе и более активным регулированием.

Политики и правоведа-международники вполне обоснованно убеждены, что основополагающая роль международного права (и отсюда логично добавим – его культурной составляющей) в повышении предсказуемости и управляемости всей системы международных отношений, как традиционного инструмента поддержания мира, стабильности и безопасности должна всячески расти и укрепляться, однако этого справедливого утверждения явно недостаточно.

С представляемых нами позиций международное культурное право (МКП) – не только и не столько средство, сколько целеполагающая ценностная базисная система, которая предполагает стратегическое переосмысление и переоценку ценностей – от преходящих временных политических, экономических, социальных и иных дискретных интересов цивилизационного развития к универсальным, бесконфликтным, всевещающим, вечным, если хотите, ценностям культуры.

Общемировые тенденции перехода к глобальной экономике, к веку информации и информационных технологий, уменьшение доли промышленного производства и возрастание значимости сферы услуг, интернационализация и международная специализация как производства, так и сферы услуг, расширение и существенный рост культурного сектора как в национальном хозяйстве, так и в макроэкономике также заставляют нас как бы изнутри, из сугубо материально-практических соображений переориентироваться самим, сначала на ментальном уровне, а затем и фактически, а также переориентировать все системы жизнеобеспечения человечества на новый, универсальный, если хотите, космопланетарный, уровень, ключом к которому, по нашему убеждению, является культура.

Следуя этой логике, наука международного культурного права изначально методологически должна носить полисистемный и междисциплинарный характер. Только в этом случае мы сможем учесть всю совокупность и нюансы правоотношений, зачастую тончайшую взаимосвязь субъекта и объекта регулирования в культурной сфере, представляющей собой целостное живое единство.

Даже в самом скромном ракурсе перспектива МКП в юриспруденции видится нам в соседстве с такими родственными науками, как философия, культурология, археология, архивное, библиотечное и музейное дело, история, ритмология, системология, краеведение, па-

мятниковедение, политология, этнология и экология. С другой стороны, в рамках самой юриспруденции международное культурное право, представляя собой двуединство научных школ – МПП и МЧП, может успешно развиваться в едином русле наряду с такими дисциплинами правового цикла, как теория, философия права, история государства и права, сравнительное правоведение, другими общими и специальными курсами публичного и частного права, ни в коем случае не сливаясь с ними, не обезличивая себя, но и «не влезая в их компетенцию».

Выделение в правовой доктрине самостоятельной, независимой, самоценностной полисистемной отрасли – международного культурного права – именно в России и в российской правовой науке вполне закономерно.

Именно у нас, в России, по инициативе и при прямом участии Дмитрия Сергеевича Лихачева разработана Декларация прав культуры, в которой впервые на международно-нормативном уровне предложено утвердить сознание культуры как истинную цель и смысл человеческой жизни, равнозначной самому фундаментальному в системе современного международного права прав человека, изначальному праву человека – праву на жизнь.

Если мы вспомним, что наиболее дальновидные деятели культуры и чиновники международного уровня также неоднократно высказывали схожие идеи (в частности, в Докладе Всемирной комиссии по культуре и развитию ЮНЕСКО 1995 г. говорилось, что «развитие, лишённое своего человеческого и культурного содержания, становится бессмысленным»), то можно в определенной степени констатировать общественную готовность двигаться в этом направлении практически.

Генеральная Ассамблея ООН на своей 56-й сессии приняла Резолюцию A/RES/56/8 от 21 ноября 2001 г., провозгласив 2002-й год годом охраны культурного наследия Объединенных Наций.

Будем надеяться, что эта кампания внесет значительный вклад в осознание людьми непреходящих ценностей культуры и поиск новых путей культурного совершенствования, которое по своей природе безгранично.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Правовая значимость и роль принципов охраны окружающей среды в сфере ракетно-космической деятельности

*Сейтбеков Т.Е.**

Развитие человеческого общества никогда не было бесконфликтным, непротиворечивым процессом. Среди бесчисленных проблем, которые постоянно выдвигает жизнь, есть проблемы, являющиеся «вечными» спутниками цивилизации. Одна из таких проблем – противоречие между развитием цивилизации и природной средой. Природа – не только внешнее окружение, оболочка, в которой развивается общество. Самое главное, природа – основа и источник жизни человека, а человек – часть природы. Не пользуясь природными ресурсами, он не может существовать. Соответственно общество, состоящее из людей, – это органическая часть природы, а история человечества – часть истории природы. Это давно осознано людьми, об этом говорили древнейшие философы. В отдельные моменты развития общества происходит накопление и обострение противоречий между природой и обществом; это влечет за собой возникновение чрезвычайных ситуаций, приводящих к дестабилизации или разрушению социальной и природной систем. Такие ситуации возникают взрывообразно – вследствие технологических катастроф – или вызревают скрыто, принимая форму экологического кризиса, имеющего затяжной характер. Кризисы обусловлены серьезным загрязнением окружающей среды и подрывом потенциала природных ресурсов¹. Так, одним из видов человечес-

* Сейтбеков Темирлан Едикович – аспирант кафедры Инвестиционного и финансового права Казахского национального университета им. аль-Фараби.

¹ Никаноров А.М., Хоружая Т.А. Глобальная экология. М., 2000. С. 65.

кой деятельности, который сказывается на дестабилизации экологической обстановки на всем земном шаре, является космическая деятельность. Так как космическая деятельность по определению связана непосредственно с исследованием и использованием космического пространства, она вольно и невольно наносит вред. Данное обстоятельство не может не вызывать озабоченность со стороны человечества.

Рассматривая аспекты экологической опасности космической деятельности, необходимо иметь представление о ней и о сложнейшей космической инфраструктуре, об основных тенденциях развития и проблемах. Необходимо учитывать и то, что создание и развитие космонавтики началось без учета экологических принципов, и в связи с этим отношения, возникающие в данной сфере, далеки от современных экологических требований. Разрешение социально-экологических проблем космической деятельности возможно только при системном подходе, охватывающем соответствующие пространственно-временные отношения в системе «человек – общество – природа» – субъектов и объектов этой деятельности.

Пик активного освоения космического пространства в научно-технических целях пришелся на XX век. В этот период мировым сообществом осуществлялись различные космические проекты как многостороннего, так и двустороннего характера, от запуска спутника до запуска отдельного космического корабля и кончая запуском спутника. Основной причиной, побудившей мировое сообщество начать освоение околоземного космического пространства, явилось решение большого круга прикладных задач с помощью самой разнообразной космической техники. Одновременно с этим, происходило и выявление новых возможностей для повышения научно-технического потенциала всего человечества. Так, к настоящему времени уже интенсивно эксплуатируются различные космические системы хозяйственного назначения, также как спутниковые системы связи, системы спутниковой метеорологии, навигации и т.д.

С помощью данных систем учеными некоторых стран проводятся различные совместные исследования в области медицины, биологии, астрономии, ставятся различные опыты и т.д. Осваивая и изучая космическое пространство в научно-прикладных целях, одновременно мы создаем экологическую опасность как для космического пространства, так и для Земли в целом. В результате запусков космических аппара-

тов происходили и происходят выбросы продуктов сгорания ракетного топлива в атмосферу, при нахождении и перемещении на орбитах и при перемещении в самом космическом пространстве также происходят выбросы различных газообразных, жидких и твердых веществ, что негативно сказывается на экологии всей планеты.

Еще одним существенным обстоятельством, ухудшающим экологию космического пространства, атмосферы и земной поверхности является длительное и хаотичное пребывание отработавших свой срок космических кораблей и спутников в космосе. Учеными разных стран с помощью наземных оптических и радиолокационных наблюдательных средств подсчитано, что к настоящему времени в околоземном космическом пространстве находится около 8 тыс. объектов искусственного происхождения². Данные объекты могут столкнуться в космосе с действующими космическими кораблями и спутниками, а также объектами космического происхождения и упасть на землю в случае несгорания их в атмосфере.

Все эти обстоятельства могут привести все мировое сообщество к необратимым экологическим катастрофам.

Резюмируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что космическое пространство стало своеобразной частью среды обитания и деятельности человека, негативно сказывающемся на всей экосистеме планеты. В понятие «окружающая среда» должно входить понятие «околоземное космическое пространство», поскольку налицо развитие процесса экологизации космоса, под которым понимается расширение сферы обитания человека, его взаимодействия с природой в космических масштабах вплоть до освоения всей Вселенной.

В Законе РК от 15 июля 1997 г. №160-1 «Об охране окружающей среды» в понятие «окружающая среда» не входит околоземное космическое пространство как объект (ст. 1). На наш взгляд, это является пробелом закона, так как согласно основам экологического права вопрос об используемых понятиях и их содержании носит особую юридическую нагрузку. Данные понятия являются средством определения объектов экологически корректного поведения, выражения целей к достижению которых должны стремиться исполнители закона³. В связи с этим предлагаем устранить данный пробел закона путем включения понятия «космическое пространство» как «объекта» в понятие

² Физика космического пространства. Космическая экология. М., 2000.

³ Бринчук М.М. Экологическое право. М. 2000., С. 48.

«окружающая среда», которому можно дать определение следующего содержания: «окружающая среда – это совокупность природных объектов и природных ресурсов, включая околоземное космическое пространство, атмосферный воздух, землю, недра, воду, животный и растительный мир, в их взаимосвязи и взаимодействии».

Относя околоземное космическое пространство к объекту окружающей среды, мы тем самым хотим отметить, что оно тоже, как и любой другой объект, испытывает негативное влияние со стороны человека и должно находиться под охраной закона.

В целях сохранения, рационального использования и недопущения загрязнения космического пространства в 1970-е годы мировым сообществом были приняты международно-правовые акты, где закреплены общие правила поведения человека в космосе.

Так, основными международно-правовыми документами явились:

- Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г.;

- Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 г.;

- Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.

Сразу хотим оговориться, что данными актами установлены основные принципы международного космического права, относительно приемлемые в части охраны и использования космического пространства. Еще М.И. Лазарев писал, что влияние научно-технического прогресса на международное право, как правило, выражается в настоящее время в том, что, во-первых, расширяется пространственная и предметная сфера применения основных общепризнанных принципов современного международного права и, во-вторых, появляются совершенно новые международно-правовые принципы и нормы⁴. В связи с этим мы можем констатировать, что для международно-правовой охраны окружающей среды в космическом пространстве необходимы специальные нормы и принципы, помимо основных норм и принципов международного права.

Какие это принципы, в рамках которых мировое сообщество осуществляет космическую деятельность, мы и предлагаем рассмотреть.

⁴ Лазарев М.И. Технический прогресс и международное право. М., 1963. С. 26.

Одним из основополагающих является принцип охраны земной среды и космического пространства. Данный принцип определяет содержание иных норм и принципов, регулирующих отношения государств в части охраны космической и окружающей среды в процессе космической деятельности.

С.В. Виноградов говорит об этом следующим образом: «...если на первых этапах освоения космоса специалисты мало задумывались над экологическими аспектами космической деятельности, уделяя первоочередное внимание ее позитивным результатам, то теперь становится все более очевидным, что оно может оказывать значительные неблагоприятные воздействия на околоземную космическую среду, последствия которых не всегда предсказуемы. Необходимо иметь в виду, что космическая деятельность может оказывать неблагоприятное воздействие не только на космическую, но и на земную среду»⁵.

Вследствие изучения и исследования космического пространства мировое сообщество помимо экономической выгоды может понести экологические издержки, размеры которых могут быть безграничны, если не будут предприняты соответствующие меры.

Так, ежегодное увеличение числа основных запусков, а с недавнего времени и осуществление коммерческих полетов, а также увеличение мощности носителей создают существенное давление на экологическую обстановку всей планеты. Осуществляемая странами космическая деятельность, зачастую не дает возможности восстановления пострадавших районов. Так, например, большие площади земель, отчужденные под космодромы и полигоны, не могут применяться в иных целях, кроме как в космических, ввиду истощения земель по причине оседания на них твердых и газообразных веществ, что ведет в итоге к нарушению химического баланса почвы.

Следующее негативное явление – загрязнение атмосферы продуктами сгорания ракетного топлива. Современные мощные ракеты-носители при выведении на орбиту полезной нагрузки массой в несколько десятков тонн расходуют топлива в 20-30 раз больше массы полезного груза. Например, стартовая масса американской ракеты Сатурн-5 составляла 2900 тонн, тогда как ее полезный груз около 100 тонн. В результате при каждом пуске мощной ракеты выбрасывались в атмосферу сотни тонн продуктов горения⁶.

⁵ Виноградов С.В. Международное морское, воздушное, космическое право. М. 1992. С. 72.

⁶ Физика космического пространства. Космическая экология. М. 2000.

Еще одним фактором, вызывающим негативные последствия, стало падение обломков и частей космических комплексов, которые не сгорели в атмосфере. Данный фактор нами рассматривается как прямая угроза окружающей среде в целом и жизни человека в отдельности. Доказательством тому являются падение космических обломков на японское судно в 1969 году, в результате чего погибло 5 моряков; Советский спутник «Космос 954», который содержал источник ядерной энергии, при обратном вхождении в атмосферу упал на территории Канады в 1978 году.

Что касается Казахстана, то здесь эти случаи весьма часты. Так, произошедшая 5 июля 1999 г. авария российской ракеты «Протон» обернулась падением двухсоткилограммового обломка спутника во двор частного дома села Горбушевка Каркаралинского района Карагандинской области. В результате данной аварии был нанесен экологический ущерб в виде распыления над обширной территорией 66 тонн крайне токсичного и опасного топлива, состоящего из двух компонентов – гептила и амила, а также в виде обгорания и оседания химических веществ на площади 950 гектаров, из которых, 500 гектаров – сенокосные угодья⁷. 19 апреля 2000 г. в 2 км от села Приморье Курмангазинского района Атырауской области упала и взорвалась ракета-мишень «Стриж-3», запущенная с военного полигона ПВО «Ашулук». В ракете «Стриж-3» тогда находилось 16 кг тротила для самоликвидации. Жертв и разрушений тогда не было, но сам факт нанесения экологического ущерба налицо. Последний инцидент произошел в августе 2001 года: неподалеку от поселка Балкудук Курмангазинского района упала учебная ракета класса «земля – воздух» 5B55R⁸.

Рассмотренные нами некоторые примеры ясно указывают на то, что международно-правовая охрана как космической, так и земной среды не должна осуществляться в пределах одного государства. Этот процесс должен происходить в рамках всего мирового сообщества. Под принципом охраны космической и земной среды следует понимать норму международного права, возлагающую на государства обязанность принимать все необходимые меры как одностороннего, так и совместного характера с целью охраны и улучшения данных сред. И для того, чтобы это осуществлялось, необходимо данный принцип наделить императивностью, сутью которого является недопущение от-

⁷ Газета «Панорама» №27 от 9 июля 1999 г.

⁸ Газета «Казахстанская правда» №170 от 15 июля 1999 г.

клонений от него даже по взаимному согласию нескольких государств. Л.И. Шестаков указывает, что «императивными нормами называются такие, предписание которых не могут быть изменены по соглашению между участниками правоотношения, их отношения должны находиться в строгом соответствии с предписаниями императивной нормы»⁹.

Следующим принципом, которым руководствуется мировое сообщество при осуществлении космической деятельности, является принцип предотвращения загрязнения космоса вследствие внесения неблагоприятных изменений в эту среду. Данный принцип сформулирован в ст. 9 Договора по космосу 1967 года, согласно которой государства – участники Договора обязались осуществлять изучение и исследование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, таким образом, чтобы избегать их вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества, и с этой целью в случае необходимости принимать соответствующие нормы¹⁰. Аналогичный принцип прописан и в таком международно-правовом акте, как Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Статья 7 (п. 1) Соглашения предусматривает, что, осуществляя исследование и использование Луны, государства-участники принимают меры для предотвращения нарушения сформировавшегося равновесия ее среды вследствие внесения неблагоприятных изменений в эту среду, ее вредоносного загрязнения вследствие доставки посторонних для этой среды веществ или каким-либо иным путем. Государства-участники принимают также меры во избежание внесения неблагоприятных изменений в окружающую среду Земли вследствие доставки внеземного вещества или каким-либо иным путем¹¹.

Указанный принцип, на наш взгляд, носит общий, расплывчатый характер. Во-первых, в Договоре говорится только об изучении и исследовании космического пространства. Понятие «использование» отсутствует, что, как нам кажется, является упущением, так как изучение и исследование невозможно без использования. Во-вторых, процесс избежания вредного загрязнения рассматривается в рамках кос-

⁹ Шестаков Л.И. императивные нормы в системе современного права. М., 1981. С. 5.

¹⁰ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. (Москва, Вашингтон, Лондон, 27 января 1967 г.).

¹¹ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.).

мического пространства, а земной среде отводятся только неблагоприятные изменения, тогда как в действительности процесс вредного загрязнения протекает в масштабах всей окружающей среды. В-третьих, неблагоприятные изменения земной среды обуславливаются только лишь доставкой внеземного вещества, и в связи с этим другие причины, как, например, выброс газообразных и жидких веществ, не учитываются.

Далее встает вопрос: что входит в понятие «вредное загрязнение» и что в понятие «неблагоприятное изменение». Определение понятий отсутствует, что также является пробелом Договора. Для нас также остается неясным, что имеется в виду под понятием «соответствующие меры», т.е. кто должен принимать их и кто определяет эти меры. Или же под данными мерами понимается проведение консультаций относительно такой деятельности или эксперимента?

Таким образом, встает вопрос о разработке более детальных специальных норм в виде принятия на международном уровне документа, например Конвенции об охране окружающей среды в сфере ракетно-космической деятельности, особенно учитывая такой немаловажный принцип международного права, как принцип международного сотрудничества и взаимной помощи в сфере охраны космической и земной среды.

Так, Стокгольмская декларация ООН исходит из того, что «международные вопросы», касающиеся защиты и улучшения окружающей среды, следует решать в духе сотрудничества всех стран, больших и малых, на равной основе¹². Причем такое сотрудничество должно осуществляться с учетом суверенных прав и интересов всех членов мирового сообщества и заключаться в проведении предварительных консультаций и обмене информацией между заинтересованными странами в тех случаях, если в результате действий одного или нескольких государств возникает угроза космической и земной среде за пределами их юрисдикции. Как нами выше отмечалось, проведение подобных предварительных консультаций в Договоре по космосу требует обобщения, в виде разработки и принятия по данному вопросу специального международного соглашения. Так, Ю.М. Колосов считает, что ни одно государство не имеет права осуществлять эксперименты и деятельность в космосе, в результате которых могла бы «измениться окружающая земная среда». Он утверждает, что «...такие шаги по изме-

¹² Действующие международное право. М., 1997. Т. 3. С. 687.

нению земной среды могли бы предприниматься только в соответствии со специальным международным соглашением, принятым после все-стороннего и квалифицированного изучения этой проблемы соответствующими международными органами»¹³.

Аналогичную точку зрения высказывает и Э.Г. Василевская: «Научные эксперименты в космосе, носящие потенциально вредный характер, должны предварительно обсуждаться всеми заинтересованными государствами и только после таких международных консультаций проводиться при строгом соблюдении всех необходимых мер предосторожности. Конкретные мероприятия для предотвращения потенциально вредных последствий деятельности в космосе следует отразить в специальном международном документе, конвенции или соглашении»¹⁴.

На основании вышесказанного можно сказать, что разработка и принятие подобного акта мировым сообществом сегодня как никогда является одним из главных вопросов. В подобном документе должны быть прописаны правила процедуры проведения предварительных консультаций, а также с учетом развития научно-технического прогресса должны быть заложены нормы с перечнем недопустимых действий в космосе. Проблема охраны космической среды не ограничивается рамками космического пространства, она куда более обширна и затрагивает все остальные объекты окружающей среды. В связи с этим задача охраны космической и земной среды должна исходить от каждого государства в отдельности, даже если оно не принимает какого-либо участия в космических проектах, с последующим обязательным участием всего мирового сообщества, так как любая экологическая проблема или катастрофа, рассматриваемая на определенный период времени как внутригосударственная, рано или поздно может обернуться мировой, если не будут приняты соответствующие меры. Одними из таких мер должно стать установление правовых норм путем принятия пакета международно-правовых актов, устанавливающих правила поведения для всех субъектов деятельности в космическом пространстве.

¹³ Колосов Ю.М. Борьба за мирный космос. М., 1968. С. 94.

¹⁴ Тенденции развития космического права. С. 182-183.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Израиль: государство и религия

*Воробьев В.П.**

Религиозный вопрос всегда находился и сейчас остается в центре внимания в израильском обществе, поскольку затрагивает практически все аспекты общественно-политической деятельности и многие стороны частной жизни граждан. Следует отметить, что проблема эта мало изучена с государственно-правовой точки зрения как внутри Израиля, так и за его пределами. В этом контексте большой научно-практический интерес представляет исследование противоречий и, в определенной мере, соперничества между государством и религией, как до создания Израиля, так и в ходе последующего государственно-политического строительства.

Повсеместно принято рассматривать проблему противоречий между религией и политикой как вопрос «религии и государства» или «церкви и государства». Что касается Израиля, то в данном случае точнее было бы говорить о «религии, нации и государстве». Евреи, как известно, представляют собой моноконфессиональную нацию, и немалое число проблем, стоящих перед Государством Израиль в религиозном плане, отмечает профессор Нойбергер, вытекает из данного факта. По его мнению, иудаизм является национальной религией, присущей лишь одной нации и ставящей во главу угла не личность, а еврейский народ как общность.

Крупный специалист по религиозному вопросу Э. Гутман в вышедшей под его редакцией монографии «Политическая система Израиля» пишет, что «в Израиле религия представляет является объединяющим

* Воробьев Валерий Павлович – д.ю.н., профессор, посол, проректор МГИМО (У) МИД России.

и разъединяющим фактором. Многие социально-политические конфликты связаны с глубоким расколом израильского общества по опросу в сочетании религии и государств. И в то же время невозможно проигнорировать вклад религии в укрепление еврейского национального самосознания в Израиле (и, вероятно, также в сохранении еврейства в диаспоре), поскольку моноконфессиональность народа (или религиозное измерение еврейства как нации) поддерживает его обособление от других этносов и границу между ними»¹.

В Израиле исторически возникла «гражданская религия», компонентами которой являются элементы и символы традиционной веры, выбранные обществом в качестве национальных атрибутов, выхолащивая при этом их религиозный смысл. Так, символы религиозного происхождения, например, бело-голубой флаг Израиля (цвет Таллита – молитвенного покрывала), менорб (храмовый семисвечник), служащая эмблемой государства, воспринимаются как национальная символика, указывающая на преемственность в истории еврейского народа. Эта «гражданская религия» призвана лишний раз подчеркнуть, что среди евреев в Израиле достигнут (или почти достигнут) консенсус, согласно которому страна является еврейским государством.

Особо стоит отметить специфику, связанную с тем, что в стране важную роль играют религиозные ортодоксы, которые в традиционном смысле не являются ни правыми ни левыми. Правыми они не могут по определению, так как отрицательно относятся к сионизму. С точки зрения ортодоксального иудаизма Израиль не могли воссоздать простые смертные. Они считают, что это дело божественное и только Маишах, Мессия, а не человек может собрать евреев на земле обетованной. Крайняя форма еврейской ультраортодоксальности представлена сектой «Наторей Карта» («Стражи города»), которая вообще не признает Государства Израиль именно потому, что его в основном воссоздали светские евреи. Ортодоксов недолюбливают не только светские граждане, но и даже умеренно-религиозные лица, потому что они обычно не работают, не служат в армии, а только молятся и изучают религиозные книги. В последнее время ультраортодоксы начали наступление против существующей в стране правовой системы. Так, 14 января 1999 года в Иерусалиме состоялась 250 тысячная демонстрация против «диктатуры Верховного Суда». Светские партии организовали контрдемонстрацию, в которой приняли участие лишь 50 тыс.

¹ Политическая система Израиля, Тель-Авив, 1976. С. 357 (иврит).

человек. Исследователь Т.А. Карасова в статье «Правящая элита Израиля» справедливо отмечает, что, хотя религиозный лагерь находится в явном меньшинстве, его политическое влияние не только не ослабевает, но и усиливается².

Сложным остается вопрос определения отношений между религией и государством в Израиле. Почти все специалисты сходятся во мнении, что Израиль не является теократическим государством и страной, где религия отделена от государства. Однако часто исследователи склонны к тому, что в Израиле существует «нечто вроде официальной религии» (имея в виду иудаизм) и некое подобие официальной религиозной организации в лице ортодоксального раввина. Другая часть, наоборот, оспаривает эту точку зрения, утверждая, что поскольку глава государства не обязательно должен быть евреем, а министерство по делам религий курирует все конфессии, говорить о наличии в Израиле «официальной религии» оснований нет³.

В Израиле действуют определенные религиозные нормы, касающиеся взаимоотношений между религией и государством, и некоторые из которых противоречат принципам демократии, принятым в странах с-либеральными режимами, где государство не вмешивается в вопросы веры и не навязывает своим гражданам религиозный или светский образ жизни. С этой точки зрения существующая в Израиле практика подвергается серьезной критике. «Кнессет допускает ошибку, издавая религиозные законы, так как религия не нуждается в религиозном законодательстве, – подчеркивает Э. Урбах. – Религиозные законы воздвигают стену между верующими и неверующими и причиняют вред»⁴.

Следует отметить, что еще в 1922 году британская мандатная администрация обнародовала «Указ короля в совете», в котором провозглашалось, что «все жители Палестины пользуются полной свободой совести и могут беспрепятственно отправлять культ в принятой у них форме». Государство Израиль, в свою очередь, гарантировало в Декларации независимости «свободу вероисповедания и совести... образования и культуры» и возвестило о своем желании создать режим, обеспечивающий свободу в религиозных делах⁵.

² Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Политическая элита Ближнего Востока, Москва, 2000. С. 72.

³ Abramov S.I. Perpetual Dilemma – Jewish Religion in the Jewish State, London, 1976. P. 18.

⁴ Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль... ч. 6. 1997. С. 30.

⁵ Рубинштейн А. Конституционное право Государства Израиль, Тель-Авив, 1991. С. 17 (иврит).

Общепризнанным, однако, является и тот факт, что Израиль не может осуществить свободу вероисповедания в полной мере, поскольку в сфере семейного права и ряде других областей действует религиозное право (Галаха), противоречащее таким общепологающим демократическим ценностям. Как полномочия выборного правительства, суверенитет парламента и приоритет судебных инстанций. Навязывание галахических принципов посредством принятия законов также спорно с точки зрения демократии.

Общеизвестно, что в Израиле действует договоренность о статус-кво во взаимоотношениях между религией и государством, которое фактически распространяется на все сферы общественной жизни, имеющие религиозный аспект. Начало договоренности о статус-кво в Государстве Израиль было положено письмом, которое Д. Бен-Гурион, Гринбаум и раввин И.Л. Маймон (Фишман) 19 июня 1947 года направили федерации «Агуддат Исразль» от имени правления «Еврейского агентства». Текст этого письма имеет исключительно важное значение для израильской политической жизни, В нем, в частности, говорилось:

«Руководство Еврейского агентства информировано о вашем желании иметь гарантии в области статуса личности, Шаббата, образования, Кашрута в будущем еврейском государстве. Председатель Агентства сообщил вам, что ни одна организация не правомочна определить заранее то, что должна сделать Конституция еврейского государства после его создания. Создание государства обусловлено согласием ООН: это согласие не будет дано, если мы не сможем гарантировать свободу вероисповедания для всех его граждан и при условии, что мы не намерены создать теократическое государство. В еврейском государстве будут проживать граждане других вероисповеданий, включая мусульман и христиан, поэтому необходимо гарантировать им полное равенство в правах, исключая всякую дискриминацию, религиозную или другую.

Руководство Агентства понимает, однако, ваши требования, которые являются не только требованиями «Агуддат Исразль», но и всех верующих Израйля. Оно подготовило ответы на ваши вопросы:

а) Шаббат: вне сомнений, законный выходной день в еврейском государстве будет Шаббат, при том понимании, что христиане и лица, принадлежащие к другим конфессиям, будут выбирать собственный день отдыха.

б) Кашрут: будут приняты все меры для гарантии того, чтобы публичные кухни для евреев стали кашерными.

в) Статус личности: все члены Агентства признают важность данного вопроса. Будет сделано все, чтобы любой ценой избежать негативных последствий, которые возникнут при разделении народа Израиля на две группы.

г) Образование: полная автономия различных секторов образования будет гарантирована. Государство определит обязательный минимум в этом смысле: преподавание на иврите, изучение истории Израиля, науки и т.д. Государство будет контролировать уважение этого минимума, и избегать нанесения вреда религии»⁶.

Текст этого документа появился в весьма деликатный период. На тот момент была создана специальная комиссия ООН для подготовки доклада о будущем Палестины. Согласно известному утверждению одного из лидеров борьбы против религиозного принуждения Ш. Алони в его книге «От правового государства до галахаского государства», Бен-Гурион и сионистские лидеры пытались добиться нейтралитета «Агуддат Исраэль», которая, будучи ультра-ортодоксальной религиозной и антиссионистской организацией, не поддерживала идею создания еврейского государства⁷. Именно в этот период и появилась идея статус-кво. Важную роль в ее разработке сыграл один из лидеров Национально-религиозной партии Ц. Варгафтиг, который являлся первым председателем комиссии по разработке Конституции и законам о Кнессете и длительное время занимал пост министра по делам культа. Кстати, именно ему принадлежит понятие «основного закона»⁸.

Особо следует отметить, что с 1955 года дефиниция статус-кво постоянно фигурирует во всех коалиционных соглашениях, подписанных между политическими партиями на момент образования новых правительств. Согласно М. Элону, выражение статус-кво (в письме от 19 июня 1947 года содержалась лишь идея, а не само выражение) впервые появилось 30 октября 1950 года в докладе Бен-Гуриона на представлении второго правительства, образованного после первого религиозного кризиса⁹. Этот внутривнутриполитический кризис интересен тем,

⁶ Klein C. La démocratie d'Israël... P. 230.

⁷ Алони Ш. От правового государства до Галахского государства, Тель-Авив, 1970. С. 90 (иврит).

⁸ Варгафтиг Ц. Конституция для Израиля. Государство и религия. Тель-Авив, Мессилот, 1988. С. 43 (иврит).

⁹ Элон М. Религиозное законодательство, Тель-Авив, Религиозный Киббуц, 1968. С. 56 (иврит).

что он касался взаимных обвинений в религиозном и антирелигиозном принуждении, имевших место во временных лагерях новых иммигрантов, насчитывающих в те времена сотни тысяч человек. Кроме чисто правового аспекта, различные партии рассматривали этих людей в будущем как часть электората. Смысл этого выражения сводился к тому, что в период конкретной легистратуры в религиозной сфере должен быть сохранен статус-кво.

Однако эта формула долгое время оставалась только формулой. В действительности же некоторые коалиционные соглашения включали в себя более точные определения, касающиеся религиозного законодательства, и часто выходили за классический статус-кво. Например, соглашение о коалиции 19 июня 1977 года, когда премьер-министром был М. Бегин, состояло из 43 статей, 36 из которых были посвящены исключительно религиозным проблемам. Аналогичное соглашение от 4 августа 1981 года, заключенное между теми же партиями, включало 82 статьи, из них 70 были посвящены религиозным вопросам, включая статью о статус-кво.

Важно с точки зрения закона определить значение положения статус-кво, поскольку предпринимались многочисленные попытки «похоронить» его. Проф. К. Клейн считает, в частности, что постоянная ссылка на это положение имеет важное значение для всех принципов религиозной законности, особенно в части, касающейся статуса личности¹⁰. Однако принцип религиозного брака, в виде исключения, не подходит под данное определение. На этом примере скоро стало ясно, что положение статус-кво не дает ответа и в других областях. Так, по мнению социолога Е. Дон-Егия, положение «статус-кво» должно было адаптироваться к новой эволюции политических событий¹¹.

В этом смысле можно привести несколько примеров. Первый из них касается «технологической эволюции», а именно – функционирования телевидения во время Шаббата. В 1969 году впервые был поставлен вопрос о показе телепередач в пятницу вечером. Согласно «статус-кво», речь в данном случае шла о том, считать ли показ телепрограмм в качестве нового элемента (статус-кво предусматривает отсутствие телепередач в период Шаббата) или рассматривать его в качестве «продолжения» программ радио (которые регулярно переда-

¹⁰ Israël, Pouvoirs, Paris, Seuil, 1995, № 72. P. 27.

¹¹ Дон-Егия Е. Политика сделок. Решение конфликтов религиозного плана в Израиле, Иерусалим, 1977. С. 78 (иврит).

вались вечером по пятницам). В конце концов юридическое вмешательство позволило вести телевизионные передачи в период Шаббата. Тем самым в судебном порядке было доказано, что в любой ситуации положение статус-кво не является юридическим определением или нормой и не может служить основанием для действий перед Верховным Судом.

Второй пример касается демографических трансформаций, поставивших повестку дня новые нормы и требования. Яркий пример наплыв иммигрантов из бывшего СССР. Как известно, поправки в 1970 году в Закон о возвращении предоставили право на «возвращение» в Израиль супругам, детям и внукам евреев. По определению, сами эти люди не были евреями и не пытались ими стать (по некоторым данным, 30 процентов из 200 тысяч человек). С учетом этого фактора казалось, что очень скоро должны появиться новые «светские» службы, взамен чисто религиозных инстанций, регулирующих брак, развод и ритуальные дела. Кроме того, начиная с 1968 года существовали факты гражданского развода.

Тем самым стало очевидно, что появившиеся новые реалии требовали своей институционализации, так как в статус-кво, по понятным причинам, речь о них не шла.

Серьезная попытка политически стабилизировать статус-кво была предпринята в 1994 году. Имея незначительное большинство в Кнессете, правительство Рабина пыталось привлечь в свою коалицию шесть депутатов из партии Шас. Последние потребовали твердых обязательств в части, касающейся уважения статус-кво: таким образом, было подписано коалиционное соглашение, включающее в себя несколько принципиальных положений: в случае, если положения статус-кво будут нарушены, политические партии обязывались восстановить ситуацию путем изменения законодательства. В течение 100 дней после подписания соглашения премьер-министр должен назначить комиссию из 5 депутатов, которая даст рекомендации для принятия надлежащего законодательства, которое позволит закрепить статус-кво в религиозном плане, а также определить средства для обеспечения его уважения. Партия труда обязывается поддержать это законодательство, а также воздействовать на других партнеров по коалиции в пользу его принятия.

В приложении к этому соглашению фигурировал проект поправки в Основной закон о достоинстве и свободе личности, которая определя-

ла «статус-кво» как юридическую ценность. Всякий закон, затрагивающий статус-кво, должен быть принят абсолютным большинством членов Кнессета. Так гласит закон.

Верховный Суд подтвердил законность этих положений. На самом деле, нарушение статус-кво, может стать предметом возможных решений Верховного Суда. В данном случае речь идет о настоящем перевороте в процедуре нанесения большого удара по принципу разделения властей. Соответствующий иск был отвергнут 3 февраля 1995 года. Однако партия Шас отозвала свою подпись и, в конце концов, не вошла в правительство. Положения соглашений о коалиции, подписанные в 1996 году, были менее благоприятны религиозным партиям, которые фактически провалили соглашение 1994 года.

Компромисс в виде статус-кво стал квинтэссенцией и лейтмотивом израильской общественно-политической жизни. Во всех соглашениях о создании коалиционного правительства, подписанных до 1977 года Лейбористской партией (партия Труда), а после 1977 года партией Ликуд, фигурировала эта формула. Так, подписанное в августе 1981 года соглашение между Ликудом и тремя религиозными партиями содержало в общей сложности 83 статьи. И только 42 статья подтверждала сохранение статус-кво, а остальные содержали льготы и уступки, сделанные М. Бегинном, этим партиям. Хотя, надо отметить, что в данном конкретном случае речь шла об уступках, превышающих «статус-кво»¹².

Действительно, в конце 50-х и начале 60-х годов в стране разразились несколько крупных дел, которые позволили законодательству, и особенно судебной практике, выработать главный принцип отношений между государством и религией.

Судебных дел, получивших особенное звучание в израильском обществе, множество. Например, в 1979 году израильская компания «Эл-Ал» вынуждена была нести убытки, так как ей было запрещено работать по субботам, в то время как иностранные компании совершали в этот день свои полеты. Другой пример – дебаты о правилах еженедельного отдыха. В 1987 году мировой судья Иерусалима освободил владельца кинотеатра, обвиненного в нарушении решения муниципального органа о закрытии ресторанов и кафе, театров и кинотеатров в день Шаббата. Судья посчитал это решение, лишенным здравого смысла. Несмотря на принятие в декабре 1990 года специального закона,

¹² Klein C. Etat et Religion en Israël, Pouvoirs, 1995, № 72. P. 7.

социальная жизнь в Иерусалиме сильно изменилась: многие учреждения указанного профиля продолжают работать и в день Шаббата. Серьезную полемику вызвало предоставление отсрочки от воинской службы «каноникам-ортодоксам» на основании решений высших талмудических инстанций.

Вопрос о браке, безусловно, самый серьезный в плане разработки принципов взаимоотношений между государством и религией, не стал, однако, как не покажется это странным, объектом острых дискуссий. Это объяснялось двумя главными причинами. Во-первых, он затрагивает небольшое число людей, а, во-вторых, заключение религиозных браков не так уж часто. Законом установлены «исключения» религиозного бракосочетания: для евреев это означает, что брак между евреями и неевреями невозможен. В действительности же, эти браки, заключенные за границей, действительны в Израиле. Существует так называемый «брак по-кипрски», это когда такая пара регистрирует свой брак на Кипре, который считается действительным и законным в Израиле. С помощью таких браков, зарегистрированных в бывшем СССР, многие «смешанные» семьи не имели проблемы после их прибытия в «страну обетованную».

Следует признать, что вопрос об образовании также не стал особо дискуссионным. Его решение было найдено путем создания в Израиле в основном двух систем образования: светского и религиозного. Кроме того, существуют так называемые «независимые» школы, относящиеся к различным организациям ультраортодоксального толка.

Во время обсуждения возможности создания в Израиле конституции остро возник религиозный вопрос. Известно, что в стране до сих пор нет писаной конституции. В этих условиях Верховный Суд подтвердил свои контрольные функции, особенно в отношении «жестких» полномочий, содержащихся в основных законах. В частности, в ст. 4 Основного закона о Кнессете говорится о том, что выборы проводятся «по пропорциональной системе и являются равными и тайными», что позволяет установить контроль за конституционностью законов, главным образом, в части, касающейся выборов.

Действительно, до 1992 года в стране действовали девять основных законов, которые в совокупности и были конституцией. Однако очевиднее становился тот факт, что в израильском законодательстве существует явный пробел из-за отсутствия актов, регулирующих права человека и политические свободы. И на фоне усиления роли Верхов-

ного Суда особую активность развивали религиозные партии, выступающие против принципов «суперзаконодательства», поскольку эти принципы в основе своей представляли серьезную угрозу религиозным законам.

Известно, что дискуссии и политические столкновения в стране по религиозному вопросу были очень бурными, и мало найдется областей общественной и частной жизни, которые были бы не связаны с ним. Однако в практическом плане, т.е. в юридическом аспекте, этот вопрос мало изучен, не только вне Израиля, но и в самом этом государстве. Отсюда важность рассмотрения чисто юридических аспектов, касающихся статуса в нем религии.

Надо признать, что израильское право в основе своей не является религиозным правом. Все ссылки на религиозное право (речь идет только об ивритском праве, право других известных религий не затрагивается) должны быть применимы в позитивном праве, то есть должны быть приняты «светским» законодателем – Кнессетом.

Данное замечание должно быть дополнено упоминанием некоторых элементов, причем «ключевых». С одной стороны, светский характер законодателя (Кнессет) более заметен и важен, это понимает большое количество депутатов, не являющихся евреями (от 3 депутатов в первой легистратуре 1949 года до 11 в 1996 году). С другой, следует отметить и то, что большинство еврейских депутатов являются светскими людьми. Увеличение же числа депутатов-арабов в парламенте поставило в число важных проблему их голосования по вопросам, касающимся еврейских религиозных аспектов в общественно-политической жизни. При этом голоса этой части депутатского корпуса играют существенную роль. Характерный пример – вопрос «О Законе о главном раввине Израиля», который был принят в 1980 году. В момент его принятия актуальным был вопрос о продлении срока действия главных раввинов. Они были избраны на десять лет, но их срок не мог быть продлен. Чтобы продлить срок, необходимо было изменить существующую правовую норму, т.е. принять новый закон, для чего была образована лоббистская группа. Соотношение голосов в парламенте в тот период позволял сомневаться в принятии этого законопроекта. В конечном итоге это предложение даже не было включено в повестку дня заседания Кнессета. В этом смысле важно, во-первых, создать законы с религиозным содержанием, а во-вторых, рассмотреть вопрос о контроле за деятельностью религиозных органов государства (в дан-

ном случае речь идет о главном раввinate, местных раввинатах, а также раввинатских судьях). Кроме того, следует найти административные власти, которые могут законно принять регулирующие решения, мотивацией которых была бы религиозной.

Вопросы, касающиеся личного права, семьи и наследования, как уже отмечалось, сгруппированы в праве личного статуса. В израильском законодательстве об этом впервые говорится в ст. 13 Закона о правоспособности и опекунов¹³. Сам этот термин пришел из законодательства периода британского мандата, который, в свою очередь, базируется на османском праве. Он определяет сферу юрисдикции религиозных судов и уточняет, помимо их компетенции, применяемое позитивное право. Некоторые вековые традиционные законы в сознании религиозных общин были сохранены. Религиозное право в этом смысле осуществляет функцию системы ссылок, а не только помогает в толковании. Суд раввинов, например, образуется на основе норм еврейского права. Кади (мусульманский судья) действует согласно постулатам ислама, различные церковные суды в соответствии с нормами соответствующих христианских норм. (На период 1922-1947 гг. в Палестине существовали известные христианские общины: ортодоксальная греческая, романская католическая, греческая католическая, ортодоксальная сирийская, католическая армянская, армяно-грегорианская, маронитская и др.).

В отличие от принципа территориальности, который в целом господствует на сегодняшний день, личность использует свое право, в форме своего персонального статуса. Законодательство пытается ограничить компетенцию – или, по крайней мере, исключительную компетенцию – религиозных судов, а также область применения религиозного права (см. Закон о равенстве прав женщин 1951 года, поправка в Закон о семье. Закон об элементарном обязательстве 1959 года, Закон о наследовании 1965 года, Закон о правоспособности и опеке. Закон о супругах – брачный режим 1973 года. Закон об усыновлении детей 1981 года). Что касается Кади, его компетенция включает полную сферу личного статуса и, кроме того, некоторые права земельной собственности (см. ст. 7 Процессуальных правил мусульманских религиозных судов 1971 года). В случаях, когда светский суд и религиозный суд имеют различную практику, истец, выбирая суд, может сам определять, какое право использовать: религиозное или светское.

¹³ Тедеши Г. Личный статус, Тель-Авив, Харраклит, 1966. С. 164 (иврит).

Раввинатские суды обладают исключительной компетенцией в вопросах брака, развода евреев, проживающих в Израиле. По закону, суд должен опираться в своей деятельности на положение о супружеских отношениях согласно постулатам Торы.

Религиозный суд, в своих решениях, следует абсолютным, божественным предписаниям. Любое религиозное право, по определению, отстаивает и требует законности без ограничений, т.к. его источники находятся вне временных интересов и политических определений. Различие между религиозным правом и светским правом, или между правом различных религий непостижимо. Раввинатские суды не признают, например, никакого межрелигиозного конфликтного права, но требование государства в отношении законодательной прерогативы абсолютно. Государство не разделяет законодательную власть с религиозными учреждениями: оно признает только один единственный порядок и позволяет религиозному праву действовать в сфере, не задействованной законами государства, что соотносится с вопросом о конфликтных правилах международного права, мнение о котором часто расходятся. Верховный Суд заявляет, в частности, что если «еврейское право признано применяться универсально, ответ состоит в том, что любое религиозное право должно существовать в этой стране по решению светского руководителя... светский законодатель принял еврейское право только при условии, что оно будет отвечать нормам международного частного права»¹⁴.

В рамках компетенции религиозной судебной практики одна сторона должна предстать перед судом своей религиозной общины. Это положение которое опирается на ирреальный тезис, что которому каждая проблема личного статуса полностью интегрирована в религиозное сообщество, восполняет многочисленные пробелы, рождает вопросы межрелигиозной компетенции. Внутренняя судебная практика различных религиозных сообществ не может функционировать, если стороны были лишены религиозной принадлежности, или принадлежат к разным сообществам (общинам); в вопросах супружества стороны находятся в противоречии с юридическим вакуумом.

Закон о расторжении брака (особые случаи) 1969 года позволяет вместе с тем парам, имеющим разную религиозную принадлежность или не имеющим никакой религиозной принадлежности, требовать развода, или признания брака незаконным, или его аннулирования. В

¹⁴ A Bin-Nun, Le droit d'Israël... P. 122.

данном случае закон не фиксирует никакой нормы, но в то же время Верховный Суд предписывает государственным или религиозным судам принимать решения исходя только из конкретных обстоятельств и придерживаясь юридических аспектов. Государственный суд обладает различными средствами для определения применяемого права; религиозные суды замыкаются в своем собственном праве. Этот закон – срочная мера для браков, которые не удались. Данный принцип, однако, не является достаточным, даже в момент его применения. Конкуренция между различными судебными органами исключает доктринальное единство и, как следствие, юридическую безопасность. Она может даже привести к пробелу в применении права относительно личного статуса у одной и той же личности.

При системе, где государственное право и религиозное право «наслоены» друг на друга, юридическое познание суда не может считаться как полностью усвоенное. Государственный суд может решать вопросы, которые «освобождены» от религиозного права. Израильский судья, работающий в государственном суде должен иметь достаточное представление о Библии и Талмуде для того, чтобы рассматривать вопросы, связанные с еврейским правом. При этом судья государственного суда может быть некомпетентен в необходимой мере для разбора вопросов, касающихся права других религиозных общин. Результат в таком случае будет не удовлетворительный: стороны, в подобных ситуациях, должны доказать факт применения и духа религиозных законов, согласно нормам доказательств, которые обычно применяются в иностранном праве.

Проиллюстрируем на некоторых примерах из различных областей суть религиозного законодательства.

Следует признать, что сферы, в которые законодатель непосредственно решил инкорпорировать религиозное законодательство, в последнее время уменьшились. Единственная область, в которую оно было практически прямо и полностью включено, – личный статус. В Израиле отсутствует институт гражданской регистрации брака, а заключать его в синагоге могут только евреи. На деле это означает, что все, что связано или касается браков и разводов евреев в Израиле, регулируется исключительно религиозным правом, т.е. Галахой.

Галаха представляет в общем виде так называемое ивритское право, т.е. совокупность положений из Торы (Пятикнижие или писанный закон) и Талмуда (устный закон). Она основана также на многочислен-

ных постталмудических комментариях, а также содержит ответы раввинов в течение веков на конкретные вопросы, касающихся практических жизненных ситуаций. Происхождение слова Галаха берет свое начало в глаголе галехет (корень которого галах), что означает «двигаться».

Указанная роль Галахи была оформлена Законом 1953 года, называемым «Законом о юрисдикции раввинатских судов (в вопросах брака и развода)». Две первых статьи этого закона представляют интерес:

Ст. 1 предусматривает: все вопросы брака и развода евреев в Израиле, будь они гражданами или резидентами, относятся к исключительной компетенции раввинатских судов. Согласно ст. 2, браки и разводы евреев в Израиле совершаются исключительно по законам Торы.

Отметим при этом важный момент, что наследование исключено в Израиле из личного статуса. Оно не регламентировано религиозным законом, если только стороны, претендующие на наследство, не принимают в качестве способа разбирательства религиозную юрисдикцию, что довольно часто встречается в однородных кругах (арабо-мусульманское сообщество, друзы). Юридическая техника в данном случае выглядит довольно простой: она состоит, с одной стороны, в наделении раввинатских судов исключительной компетенцией, а, с другой, в определении сферы применяемого закона, то есть закона Торы. Заметим, что в Галахе особого различия между юридической функцией и административной функцией не существует, отсюда отсылки к раввинатским судам как в отношении браков, так и разводов. В практическом плане определение этого закона очевидно: если евреи могут жениться только через раввинатские суды, которые применяют нормы Галахи, существует в Израиле и легальное исключение при заключении брака между еврейским лицом и нееврейским лицом.

Есть, правда, некоторая определенность в том, что касается брака между еврейской женщиной и мусульманином. Аналогичное положение существует в израильском законе о практике по Шариату (мусульманскому праву). В случае, когда, согласно Шариату, разрешается брак между мусульманином и женщиной-немусульманкой (в то время как брак между мусульманской женщиной и немусульманином не разрешается), имеется коренное противоречие между двумя законными положениями. На практике шариатские судьи принимают процедуру этих браков: часто еврейская женщина принимает ислам (напомним, что, в отличие от норм и правил иудаизма, принятие ислама очень легкая

процедура: достаточно произнести символ веры ислама). Наоборот, браки, заключенные за границей, всегда признаются в Израиле и регистрируются министерством внутренних дел (окончательно это стало возможным, когда Верховный Суд в 1963 году принял соответствующее постановление, при этом он опирался на основные принципы международного частного права, касающиеся обязательств или иностранных документов, которые не противоречат общественному порядку). Этот факт имел важное практическое значение. С 1970 года поправка в Закон о возвращении предоставила супругу еврею (гипотетически не еврею, его детям и внукам) право на возвращение, т.е. право иммигрировать в Израиль и право получения израильского гражданства.

По этой поправке существует настоящая дискриминация между еврейскими израильтянами и другими гражданами. Только израильтяне – не евреи (в основном арабы) не могут сделать так, чтобы предоставить своим супругам израильское гражданство путем брака. Эта дискриминация часто повсюду критиковалась и вытекала из применения Закона о возвращении. Однако Закон о возвращении давно уже подвергается критике со стороны арабов потому, что он применим только по отношению к евреям. Данный закон может, тем не менее, найти оправдание в рамках еврейского характера государства и в рамках определения государства-нации. В сионистской версии этот нормативный акт выглядит как мера репатриации. На деле различие между израильскими гражданами, будь они евреи или нет, представляется очень спорным.

Хорошо известно, что это положение в закон было введено с целью избежать дискриминации в праве на возвращение иммигрантов из бывшего СССР. Напомним, что в период с 1969 по 1973 год первая волна иммиграции – около 200 тыс. человек, получили право иммигрировать в Израиль. Среди этих иммигрантов число смешанных браков было наибольшим. Вообще же эта поправка позволила также израильскому еврею жениться за рубежом (на нееврейке) и требовать израильского гражданства для супруга нееврея. Отсюда феномен браков, названных по названию страны, например «кипрский брак». Туристические агентства на широкую ногу наладили эту работу: подготовка необходимых документов, поездка на Кипр (один час полета), один или два «медовых дня» и возвращение в Израиль. Хотя законность этих браков остается в стране по-прежнему сомнительной.

С точки зрения Галахи правила процедуры оформления брака очень просты и неформальны. Так, нет никакой необходимости, например, в

раввине, так как имеется прекрасная возможность заключить «частный» брак. Достаточно, чтобы мужчина вручил женщине обручальное кольцо, произнося перед двумя свидетелями ритуальные слова. В конечном счете, Галаха считает, что длительное сожитительство приводит к браку.

Серьезные проблемы ставит, однако, развод. Он может быть объявлен только раввинатским судом. Если в библейской концепции развод – это отказ от женщины мужчиной, то раввинатское толкование от средних веков до наших дней привело к эволюции этой концепции: развод должен быть принят женщиной и предусматривать согласие мужчины. Исходя из этого, можно, используя современную терминологию, сказать, что еврейский религиозный развод по-израильски – это развод по взаимному согласию в исключительном виде. Другими словами, для того, чтобы объявить развод, согласие двух супругов абсолютно необходимо.

Известно, что взаимное согласие – «современная формула» развода. Однако в израильской версии она представляет собой серьезную ошибку: требуется согласие одного из двух супругов, который требует развода в деликатной ситуации по отношению к другому. Этот последний может блокировать процедуру, он может также предпринять настоящий шантаж в отношении супруга-заявителя.

Последний элемент должен быть принят во внимание при рассмотрении в этом контексте: он касается неравенства между мужчиной и женщиной, несмотря на требование взаимного согласия. Женщина, которая не сможет получить развод (в результате отказа мужа), может оказаться в очень деликатной ситуации: любой ребенок, рожденный от другого мужчины, может быть подвергнут ужасному проклятию. Это положение содержится в пятикнижие: мамзер – это тот, кто родился от запрещенного союза, например, от разведенной женщины (или от кровосмешения). Такой ребенок будет проклят в течение десяти поколений, более того, такие дети не могут жениться или выходить замуж.

Отметим неравенство между статусом мужчины и женщины: мужчина, который не смог добиться развода или который не хотел его предоставить, может построить новую жизнь сожительствуя и, в случае необходимости, иметь детей от других женщин. Если только сама эта женщина не замужем. Отметим курьезность эпохи полигамии ивритского права: согласно положениям израильского закона, главные равви-

ны правомочны в «особых случаях» разрешить женатому мужчине жениться на второй женщине даже при условии, что первая связь не была прекращена. В этих случаях были приняты несколько десятков разрешений. Другой ситуации не существует. Однако женщина не может никогда выйти замуж, если ее муж не согласился на развод. Это положение ставит, в частности, очень серьезные проблемы в случае пропажи мужа (в том случае, когда его смерть не подтверждена). Раввинатские суды часто применяют теорию «нарушения права» строптивый муж может быть осужден вплоть до наказания в тюрьме или получить другое наказание. Однако никогда развод не может быть объявлен без формального согласия мужа.

Профессор А. Розен-Цви, известный специалист по семейному праву, сделал акцент на некоторых цифрах, которые весьма показательны относительно личного статуса и религиозного права, а также эволюции израильского общества¹⁵. Так, профессор показал, что между 1971 и 1993 годом еврейское население увеличилось на 56 процентов, а число еврейских браков, заключаемых ежегодно, оставалось на одном уровне – 25 тысяч. В то же время число еврейских разводов ежегодно возрастало и с 2300 достигло 6000. Последняя цифра впечатляет: она связана с конкурирующей судебной практикой. Супружеские пары могут сами выбирать юридическую «арену» – гражданскую или религиозную (первый путь выбирается одним из супругов, более компетентным в этом). Расторжение брака, тем не менее, может быть совершено только религиозными судами.

Таким образом, пока в Израиле не урегулированы взаимоотношения между Государством и религией, т.е. пока все вопросы, связанные с регистрацией актов гражданского состояния находятся в ведении судов религиозных общин, проявления дискриминации на религиозной почве неизбежны. Наличие системы религиозных судов и отсутствие института гражданского брака способствуют сохранению в израильском обществе различных этнических и конфессиональных групп, полное равенство которых перед законом обеспечить невозможно.

Наконец, надо учитывать и тот факт, что Шаббат всегда был мерой социального назначения.

Проблема субботы является предметом постоянных дискуссий в общественно-политической жизни Израиля. Согласно еврейской тра-

¹⁵ Розен-Цви А. Раввинатские суды, Галаха и общественность: очень узкий мост, Мишпат Умимшал, журнал факультета права Университета Хайфы. Т. 3. 1995. С. 173 (иврит).

диции, день начинается с окончанием ночи. *Шаббат начинается вечером в пятницу и продолжается до ночи субботы.* Основываясь на запрещении разводить огонь, соблюдение Шаббата включает официально вплоть до сегодняшнего дня запрет на использование электрической аппаратуры. Проблема занимала еврейский ишув еще в период мандата. В то время не существовало общегосударственного закона, который бы регламентировал работу транспорта и развлечений по субботам: англичане противились любому религиозному законодательству из опасения, что оно придет в противоречие с текстом мандата на Палестину, гарантировавшим свободу вероисповедания для всех, всеобщее равенство перед законом и отсутствие дискриминации по конфессиональному признаку. Сразу после возникновения Государства Израиль Декретом о порядке отправления власти в судопроизводстве (1948 г.) было установлено, что суббота и еврейские праздники «являются постоянными днями в Государстве Израиль». По данному поводу между верующими и неверующими не возникло никаких разногласий. Однако вскоре выяснилось, что за исключением этого мини-консенсуса между религиозными и нерелигиозными партиями согласия нет. Первые требовали принятия развернутого общеизраильского закона, который запрещал бы движение всех видов общественного транспорта, деловую активность и развлекательные представления в субботу. Причем закона, предусматривающего наказание в случае его нарушения. Нерелигиозные партии делали акцент на социальный характер субботы как выходного дня наемных работников и не стремились распространять запреты на транспорт и досуг.

Вопрос о работе в субботу был урегулирован Законом о часах работы и отдыха (1951 г.), который установил, что ежегодным выходным днем для трудящихся будет суббота (нееврей вправе выбрать в качестве такового пятницу или воскресенье).

Решения по многим спорным вопросам относительно субботы были приняты в судебном порядке. Постановлением правительства в мае 1982 года было установлено, что самолеты компании «Эл-Ал» не должны совершать полеты в субботу и в праздничные дни. В 1962 году Верховный Суд постановил, что решение о закрытии дорог, проходящих близ синагоги «Иешурун» в Иерусалиме, оправдано, поскольку движение автомашин по прилегающим улицам «мешает молящимся в синагоге». В 1962 году разгорелись полные драматизма судебные и политические баталии вокруг телевизионного вещания по субботам.

Те, кто считал, что по субботам непременно должны вестись передачи, утверждали, и Верховный Суд принял их утверждение, что к радио и телевидению следует подходить с одинаковыми мерками, и потому запрет на вещание в субботу будет означать нарушение статус-кво. В 1968 году Верховный Суд постановил, что заправочные станции не являются предприятиями и магазинами и поскольку не существует общеизраильского закона, запрещающего функционирование заправочных станций по субботам, то режим их работы должен оставаться без изменений.

Согласно ст. 7 «Закона о часах работы и отдыха», рабочая неделя состоит из 36 часов, а еженедельный отдых включает: 1) для еврея день Шаббат; 2) для нееврея день Шаббата, воскресенье, пятница. Ст. 9 фиксирует принцип, который запрещает работать в выходной еженедельный день. Ст. 12 определяет исключения в этом случае: министр труда может дать разрешение работать в выходной день, если это связано с обороной государства или его безопасностью, вообще жизненных интересов для общества. Решение об этом может быть выдано только комиссией в составе премьер-министра, министра по религиозным делам и министра труда.

В 1980 году была принята важная поправка к Закону 1951 года, призванная защитить верующего, не принимаемого на работу из-за его отказа трудиться по субботам. В поправке недвусмысленно констатируется, что право работника, соблюдающего заповеди, быть трудоустроенным и брать еженедельно выходной день в субботу «существует и находится под защитой». Религиозные круги до сих пор считают, что данная поправка, нацеленная на предотвращение дискриминации верующего работника при трудоустройстве, должным образом не выполняется.

Практика в отношении разрешения этого вопроса варьируется в зависимости от большинства во власти, точнее от политической принадлежности министра труда. Начиная с правительства Шамира (1988-1992) и до избрания Натаньяху эти министерства возглавляли представители ультраортодоксальных партий. Правда, вопрос о контроле в этом случае продолжает оставаться открытым.

На момент создания Государства Израиль было предложено установить в этом смысле режим для верующих и другой режим для неверующих. Но эта идея была отвергнута Бен-Гурионом, чтобы избежать религиозной обособленности. Отметим, однако, что в случае со шко-

лами, невозможно было полностью решить вопрос: здесь суть проблемы упиралась в содержание образования. Напомним, что в Израиле найдено относительно удовлетворяющее решение – были созданы публичные школы двух типов: светские и религиозные.

Кашрут есть состояние пригодности пищи, одежды и предметов культа к употреблению. В соответствии с еврейской традицией, соблюдение Кашрута обязательно в ресторанах и барах. Употребление конкретных продуктов разрешено в армии, школах, больницах и т.д. Аргумент здесь простой: любое лицо (даже не религиозное) **может** есть кашерную еду, в то время как религиозное лицо **обязано** есть кашерную еду.

Проблема Кашрута связана со многими вопросами. Закон 1983 года называется «Законом о запрещении фальсификации в отношении Кашрута», основной принцип которого гласит: после определения личностей и учреждений, которые получили разрешение на обряд Кашрута, владелец места приема пищи (ресторана, кафе, гостиницы и т.д.) может письменно подтвердить, что его место – место продажи кашерной еды является законным только при наличии сертификата Кашрута. Имеются, однако, места, где таких разрешений нет.

Второй вопрос – о контроле за выдачей сертификата о Кашруте. Здесь возникает проблема юридического контроля со стороны Верховного Суда за религиозными властями (раввинатскими). Проблема заключается в следующем: какое место занимает ивритское право в израильской правовой системе вообще.

Представляется, что нет необходимости рассматривать подробно законы и дебаты, затрагивающие другие религиозные вопросы перед тем, как они приобрели законодательную форму. Можно лишь дать несколько характерных примеров:

- **вскрытие тел умерших:** религиозные круги противятся этой практике;

- **археологические раскопки:** вопрос обязательно включался в соглашения о коалиции, которые были заключены впоследствии,

- **закрытие улиц** для автомобильного движения во время Шаббата;

- **«нескромная» реклама:** после нескольких инцидентов (пожары в религиозных кварталах) Закон 1996 года запрещает изображение «обнаженных». Этот закон соблюдается только в религиозных кварталах;

- **аборты:** преследование возможно в случае смерти женщины или если аборт сделан не врачом. Однако аборт остается уголовно наказу-

емым, за исключением случаев, если дано согласие специальной комиссии. Эта норма носившая социальный характер (она позволяет женщине требовать аборта из-за социальных причин), была введена в 1976 году (последний год премьерства правительства Рабина), а затем была приостановлена в 1977 году после прихода к власти М. Бегина.

Следует отметить, что, как ни парадоксально, вопрос об образовании никогда не был в центре религиозных дебатов в Израиле.

Что касается общих юридических рамок, регулирующих роль религии в Израиле, то в официальном плане религиозность государства не была установлена. Министерство, занимающееся религиозными вопросами, имело название на иврите «министерство религиозных дел». Формально можно определить Государство Израиль в целом как мультиконфессиональное. Существует управление делами христианской религии, ислама, друзов и т.д. Согласно ордонанса периода мандата 1927 года, некоторые конфессии получили признание (различные христианские общины и т.д.) и, исходя из этого, они получают поддержку государства. Три основных религиозных общины (евреи, мусульмане, друзы) имеют особый статус, т.к. они финансируются государственными органами.

Теперь уместно коснуться вопроса о юридическом контроле за религиозными органами и месте ивритского права в стране. Религиозные органы государства, т.е. раввины и раввинатские суды подчиняются министерству религиозных дел. Раввинатские инстанции Харедим¹⁶, наоборот, полностью независимы от государства.

Два ярких примера иллюстрируют это различие: 1. Дело танцовщицы живота и 2. Дело о динозаврах и Пепси-Коле.

Первый пример – рассмотрение Верховным Судом в 1990 году дело «И. Раскин против Религиозного совета Иерусалима», Истец – танцовщица живота, которая обычно выступала в крупных отелях Иерусалима, в частности, на брачных банкетах. Раввинат Иерусалима, враждебно настроенный в отношении этого танца как «противоречащего нормам скромности», предупредил циркуляром отеля, угрожая им отозвать сертификат о Кашруте, если эта «нескромная» процедура будет продолжаться. Поскольку заработок танцовщицы оказался в опасности, она обратилась в Верховный Суд, заявив, что правила и нормы Кашрута касаются только соблюдения питания и никоим образом не связаны с неуважением правил «скромности». Это дело заострило проблему,

¹⁶ Харедим – ортодоксальные религиозные евреи.

которая была не нова, т.к. согласно раввинату только он один может судить о точном определении норм Кашрута. Для раввината эти нормы о питании не были просто техническим вопросом, а вписывались в более широкий религиозный контекст, в отношении которого его компетенция была исключительной.

В некоторых подобных религиозных делах позднее раввинат даже отказался предстать перед Верховным Судом, ибо, как считает раввинат, в «галахаской части» он один компетентен, и никакой государственный орган (другими словами, Верховный Суд) не может вмешиваться в эти дела. Обсуждение вопроса с танцовщицей было бурным и приобрело особый характер. Она выиграла это дело, но ее победа была не совсем полной. Верховный Суд посчитал упомянутый циркуляр раввината незаконным, используя аргумент о том, что Кашрут не должен затрагивать другие нормы, которые регулируются Галахой. При этом он опирался, в частности, на ст. 11 Закона о запрещении Кашрута, согласно которой при получении сертификата Кашрута раввин исходит только из определений, касающихся норм Кашрута. В конце концов, раввинат обязали выдать сертификат о разрешении этой танцовщице выступать в отелях. Последний, однако, утверждал, что не намерен подчиняться предписаниям Верховного Суда в области, где применяются нормы Галахи.

В данном деле ясно проявилось противоречие между двумя «лица» раввината: с одной стороны, он часть публичной службы, с другой – реализует религиозную службу, в которой претендует на исключительность. Тем самым Государство Израиль создает двойную публичную службу. Можно, однако, констатировать, что эти юридическая и административная версии близки, превращая на деле религию в «простой орган технического управления».

С религиозными кругами связано и «дело динозавров и «Пепси-колы»». Известно, что эта фирма в мировом масштабе широко пропагандировала динозавров. Харедим были против такой рекламы и угрожали бойкотировать ее повсюду, в тот момент, когда большим успехом у зрителей пользовался фильм «Jurassic Park». Речь в данном случае шла о проблеме, появившейся в южных штатах США, где фундаменталистские круги, очень организованные и сильные, проповедовали теорию «библейского сотворения» мира, не признавая дарвинизм. В этой борьбе «Пепси-кола» быстро уступила, сняв из своей рекламной продукции изображение динозавров. Следует особо подчеркнуть, что

данное дело не стало объектом критики со стороны раввината, а касалось скорее экономических лоббистских интересов Харедим против этой фирмы. В данном случае уместно отметить, что поскольку религиозные органы Харедим независимы от государства, то и Кашрут раввинов Харедим отличается от Кашрута раввинов государства. Однако сертификат, выданный Бататцу («Суд справедливости» Харедим на иврите), является сертификатом Кашрута государственного раввината. «Суд справедливости» – организация частная и добровольная и на практике подчиняется Высшему суду справедливости (т.е. Верховному Суду при рассмотрении административных дел). Круг, как видим, замкнулся.

С момента создания институтов Главного раввината (они появились в 1920 году под названием «Главный раввинат Эретц Израэль», который был затем переименован в «Главный раввинат Государства Израиль»; его работа строится свою работу на основе закона 1983 года) Харедим, как известно, всегда отвергали законность этих «сионистских институтов». Контроль Верховного Суда над раввинатом лишь усиливал этот процесс. В экстремистских религиозных кругах постоянно раздавались требования порвать с главным раввинатом государства. Однако эта борьба оказалась трудно реализуемой из-за того, что только Главный раввинат занимается публичной сферой, очень важной в любом обществе, т.е. браком и разводом.

Областью, в которой контроль Верховного Суда над раввинатскими органами представляется позитивным, является запрещение отдельных браков между евреями. Иудаизм признает некоторые специфические запрещения брака между такими лицами. Наиболее известный случай в этом смысле женитьба Кохена (брат Моисея) на разведенной женщине. Здесь уместно напомнить т.н. положение Галитса. Согласно этому положению, если мужчина умирает без потомства, его жена должна, по возможности, выйти замуж за его брата. Брат может освободить эту женщину от этого обязательства во время специальной церемонии, без проведения которой вдова не может вторично выйти замуж.

В таких делах Верховный Суд ссылается на Галаху. В расчет принимается факт того, что, согласно ее принципам, эти запрещенные браки должны проходить через процедуру развода. Суд в этой связи принял следующее решение: частные браки между лицами, скрывшими знание требований брака, должны регистрироваться в министерстве внут-

ренных дел. На практике это означает, что такие пары (в основном Когаим и разведенные женщины) организуют брачную процедуру путем частной регистрации религиозного брака только перед свидетелями. Они регистрируют свой брак по предписанию Верховного Суда. В этом случае вмешательство Верховного Суда считается действенным. Данные шаги высшей судебной инстанции критиковались религиозными кругами, которые не раз предпринимали действия по делегитимизации решений Верховного Суда. Одна из мер в этом смысле состоит в том, чтобы предложить серию законов, позволяющих ставить под сомнение постановления Верховного Суда, т.е. запрещая ему любой контроль над религиозными органами, принимая в каждом конкретном случае закон *ad hoc*.

Проблема подчинения религиозных властей государственным судебным структурам до сих пор остается в стране объектом доктринальной полемики, которая не теряет своей актуальности. В этой полемике известны мнения двух профессоров права, имеющих разные точки зрения на сей счет. Речь идет о профессорах А. Рубинштейне и проф. - И. Енгларде. А. Рубинштейн, например, поддерживает классический тезис о единстве израильской юридической системы и подчинении всех органов государства контролю Верховного Суда¹⁷. И. Енглард, наоборот, придерживается мнения о том, что государство должно считать главный раввинат высшей и особой галахитской властью¹⁸. Подобная дискуссия представляется тем более важной, поскольку она затрагивает концепцию государства и отношений между двумя правовыми системами: государственной системой и то, что представляет Галаха.

Необходимо обратить внимание на своеобразный парадокс: для государства, т.е. для права Государства Израиль, Галаха является «иностранной» правовой системой, в которой светский законодатель может выразить свою волю. Однако, когда он решил интегрировать в правовую систему норму галахитского происхождения, то она теряет свой оригинальный характер, чтобы стать только нормой государства. Для Галахи вопрос ставится по-иному, а именно: израильское право является иностранным правом. В действительности проблема эта очень сложна: в течение веков ивритское право развило очень известную норму; «*Dina demalkhouta dina*» («государственное право есть право»). Эта фундаментальная норма означает, что евреи должны уважать пра-

¹⁷ Rubinstein A. Law and Religion in Israel, Israel Law Review. Vol. 2. 1967. P. 380.

¹⁸ England I. The Relationship between State and Religion in Israel, Jerusalem, 1966. P. 354.

во. Государства, в котором они находятся. На деле она представляет собой норму ссылки. В Израиле обсуждается вопрос о праве преемственности этой нормы: две школы конфликтуют по этому вопросу среди Харедим. Для одних норма продолжает применяться, так как она обязывает повиноваться законам государства. Для других – применяется только в отношениях между «евреями и нееврейским государством». Норма эта не может применяться тогда, когда руководители государства евреи.

Наконец важно, в том же смысле, отметить ограничивающие принципы, включенные в Закон 1980 года «Об основных правах». Этот закон имел своей целью определить источники израильского права, отказываясь формально от Common Law. В то же время закон шел на уступки религиозным кругам, придавая некоторым нормам ивритского права статус «ассоциированного источника». Данный закон был принят в период легистратуры 1977-1981 годов, т.е. при правительстве М. Бегина, когда уступки, сделанные религиозным кругам, были весьма чувствительными. Закон гласит, что «если суд должен решить юридический вопрос, и он не находит ответ в законе (прецедент или аналог), он действует в свете принципов свободы, справедливости и равенства и традиций Израйля»¹⁹.

Положение, касающееся принципов «справедливости традиций Израйля», почти не находило своего применения. Речь идет не более, чем о символической мере, без какого-либо реального смысла. Однако его содержание остается расплывчатым, пока все сводится к простой ссылке на Галаху.

Три других существенных проблемы заслуживают упоминания в том смысле, что вписываются также в рамки вмешательства Верховного Суда. Конкретно это касается:

- борьбы против запрещения назначения женщин и представителей либерального и реформистского иудаизма в религиозные советы. Эти советы функционируют в муниципальных рамках и контролируют религиозные публичные муниципальные службы. Члены советов назначаются муниципалитетами. Ортодоксальные круги отказывают признать участие в них женщин или представителей реформированного иудаизма (кстати, малочисленного в Израиле). Верховный Суд осуждает этот двойной отказ, который создает в его глазах незаконную дискриминацию. На практике успех в этих делах остается редким явлением.

¹⁹ Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль... Ч. 6 Религия, государство, политика... С. 270.

- борьбы за признание реформаторского иудаизма (консервативно-го), что выражается в признании актов раввинов этих сообществ в вопросах брака, развода, обращения в веру. В данном случае ортодоксальные раввины демонстрируют полную непримиримость и имеют полную монополию (вопрос этот возможно более сложный: ортодоксальные раввины не признают реформированный, либеральный и консервативный иудаизм как отдельную конфессию. Они отвергают это признание в рамках официального иудаизма).

- отсрочки от воинской службы. Причем, если отсрочки для девушек (по религиозным или конфессиональным причинам) не ставятся под сомнение, то отсрочки для юношей, принадлежащих к некоторым высшим талмудическим институтам, постоянно критикуются общественным мнением. Одна из причин этого заключается в большом количестве таких случаев: с момента введения этих отсрочек (с 1949 года), речь шла только о нескольких сотнях человек. Сейчас речь идет о десятках тысячах человек. Продолжительность службы для мужчин (три года), так же, как служба резервистов, создают сильное недовольство. Верховный Суд высказался по этому поводу несколько раз, не вмешиваясь, однако, по существу. В случае отсрочки, данной министром обороны, имеется возможность юридического контроля за принятым решением. Суд определил, что речь идет о «подсудном» решении, поддающемся контролю, но это не означает, что оно находится в рамках дискриминационной власти министра, и оно не было недействительным, основываясь на принципе отказа от справедливости или отсутствия смысла.

Важным представляется вопрос, может ли администрация принимать решения на основе религиозных постулатов? Здесь обратимся к двум примерам. Дело Акселя против муниципалитета Нетания (1959 г.). Истец обратился с просьбой открыть мясную лавку. Разрешение ему было дано при условии, что будет взято обязательство не продавать в ней свинину: это условие им было отвергнуто и стало объектом разбирательства в Верховном Суде. Суд построил свою версию и анализ на основе Ордонанса о мэрах и муниципальных советах 1924 года, принятого в период мандата и содержащего положение о том, что муниципалитет может принимать подобного рода решения, основываясь на формуле «всеобщего интереса», суть которого заключалась в уважении Кашрута на территории нахождения лавки. Суд исходил из того, что законодатель принимает во внимание религиозные постулаты. Поэтому жалоба истца была удовлетворена.

В 1956 году был принят «Закона о местных властях», специальная статья которого гласила:

«При всяком спорном положении, местные власти должны ограничить или запретить продаже свинины и продуктов из нее, предназначенных к использованию»²⁰.

Большинство коммун приняло подобное положение. Наплыв иммигрантов из бывшего СССР увеличил число магазинов, где продавалась свинина, что, в свою очередь, усилило дискуссию о законности данной компетенции муниципальных органов.

Второе дело слушалось в 1987 году муниципальным судом Иерусалима. Владелец кинотеатра предстал перед судом за нарушение постановления муниципалитета, запрещающего открывать кинозалы в период Шаббата. Судья, который вел дело, применил принцип личной и религиозной свободы, на основании чего муниципалитет вынужден был отказаться заниматься этим делом. В результате в стране резко возросло число ресторанов, кафе, театров, кинотеатров, которые были открыты в период Шаббата, Израиль, являющийся сосредоточением священных мест большинства монотеистических религий, придает особое значение свободе культа и веры. Государство в Декларации независимости пообещало сохранять святые места всех религий. Если не будет гарантированного свободного и безопасного доступа к ним, то это обещание теряет смысл. Что касается отправления культа, т.е. чистых религиозных мероприятий, их проведение возможно повсюду, при условии, что это не нарушает общественный порядок. Ситуация меняется, однако, когда руководство религиозных кругов начинает «вмешиваться» в гражданскую жизнь.

С такой ситуацией не мог согласиться бывший премьер-министр Израиля Э. Барак, который 20 августа 2000 года провозгласил начало «антиклерикальной революции», в ходе которой он был намерен упразднить привилегии ортодоксальным иудеям и законы, ограничивающие права неевреев, и упразднить министерство по делам религии²¹. Ему, однако, не удалось осуществить эту «революцию».

Таким образом, из вышеизложенного вытекает главный принцип, лежащий в основе взаимоотношений между религией и государством, а именно: в Израиле религия не отделена от государства. Законы государства используются как для придания нормативного статуса рели-

²⁰ Israël, Pouvoirs, Paris, Seuil, 1995. P. 14.

²¹ Коммерсант, 5 сентября 2000 г.

гиозным институтам, так и для соблюдения религиозных постулатов, что особенно отражается на ситуации с правами человека. Поэтому Израиль нельзя назвать в полном смысле светским государством, поскольку иудейские священнослужители играют в нем слишком большую роль, и в стране действует религиозное законодательство. Различия между ортодоксальными и нерелигиозными евреями всегда были существенны, но сейчас они приобрели в израильском обществе небывалую остроту, «Мечты отцов-основателей о создании моноэтнуса оказались химерой, – говорит историк Ш. Бен-Ами. – Мы превращаемся в общество, которое дробится по этническому, религиозному и традиционно-культурному признаку на враждующие между собой группы»²². Большинство израильтян порядком устали от бесконечных баталий, раздирающих политический истеблишмент. Несмотря на значительные успехи, достигнутые страной в различных областях за истекшие полвека, ее население страдает от застоя и ощущения неопределенности. «Наше общество не знает, в каком направлении ему двигаться, – утверждает раввин и философ Д. Хартман. – Странствия вечного жида закончены, но никуда не деться от апатии и внутреннего оцепенения».

Мечта первого премьер-министра Д. Бен-Гуриона о создании светского государства, спаянного чем-то еще, кроме религии, была изначально неосуществима. Ни одна другая группа населения не противоречит так явно этой модели израильской государственности как ультраортодоксальные евреи, хотя их всего, по общепринятым оценкам, 15 процентов населения. Нерелигиозные евреи постоянно ощущают наступление на свои права. Все больше свидетельств того, что Израиль движется в направлении, которое может привести его к теократической форме правления. Созданная в 1983 году ортодоксальными сепардскими партия Шас, имеет уже третью по численности фракцию в Кнессете (17 мест) и не исключено, что вскоре она может стать главной силой в израильском обществе. История сыграла с сионизмом злую шутку – фундаментальный принцип еврейской солидарности стали разрушать сами евреи. Постсионистский Израиль стал ближе к демократии западного типа с ее жесткой политической конкурентностью, чем к государству единомышленников, задуманному Т. Герцлем.

²² Итоги, 5 мая 1998 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Сравнительный анализ ипотеки по российскому праву и ипотечного залога по английскому праву

Деев А.В. *

Ипотека (залог недвижимости) в российском праве и ипотечный залог (*mortgage*) в английском праве относятся к широко распространенным способам обеспечения исполнения обязательств. Наряду с функциональным сходством, существуют и значительные различия в нормативном оформлении институтов ипотеки и ипотечного залога, обусловленные особенностями исторического развития института залога в России и Англии, а также некоторыми принципиальными различиями в правовых подходах стран общего и континентального права. Необходимо заметить также, что используемые в настоящей статье русские эквиваленты английских терминов носят относительный характер, поскольку между понятийным аппаратом англо-американского залогового права и системой понятий континентального права нет полного соответствия¹. Как заметил знаменитый французский компаративист Рене Давид в своем фундаментальном исследовании «Основные правовые системы современности», «не соответствуя ни одному из знакомых нам понятий, термины английского права непереводаемы на другие языки, как термины фауны и флоры разных климатов»².

* Деев Андрей Васильевич – соискатель по кафедре международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

¹ Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. Руководитель авторского коллектива – доктор юридических наук В.В. Залесский. – М.: Норма, 1999. С. 346.

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1999. С. 227.

При установлении ипотеки по российскому праву предмет ипотеки – недвижимое имущество – остается во владении залогодателя, стороны ипотечного правоотношения наделяются определенными правами и обязанностями, а залогодержатель получает возможность получить удовлетворение своего требования по обеспеченному обязательству за счет стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя.

Определение ипотечного залога в английской доктрине шире. В качестве ипотечного залога признается любое распоряжение (disposition) имуществом, осуществляемое с целью обеспечения долга. Основными элементами ипотечного залога являются: наличие обязательства по уплате долга и передача или обременение вещно-правового титула залогодателя в целях уплаты долга³.

Предметом как ипотеки, так и ипотечного залога может быть только имущество, допущенное к свободному обороту. По российскому праву предмет ипотеки ограничивается недвижимым имуществом. Кроме того, правила об ипотеке применяются к залогу незавершенного строительством недвижимого имущества и залогу прав арендатора недвижимого имущества. Выделение ипотеки в отдельную залоговую форму и создание специального правового регулирования носит скорее практический, чем теоретический характер, поскольку основные принципы, на которых основан залог имущества, едины для всех залоговых форм. Особенности правового регулирования ипотеки, послужившие основанием для выделения специальной залоговой формы, связаны прежде всего со специфическим правовым режимом предмета ипотеки – недвижимого имущества. Видообразующим признаком ипотеки в российском праве признается именно наличие особого предмета – недвижимого имущества⁴.

Предметом ипотечного залога по английскому праву может быть практически любое имущество, не изъятое из оборота. В отличие от российского права, в английском праве деление имущества на движимое и недвижимое имеет существенно меньшее значение и применяется судами только в тех случаях, когда речь идет об отношениях с «иностранным элементом», регулируемых международным частным правом⁵. Гораздо боль-

³ Halsbury's Laws of England. Volume 32. Butterworths, London, 1980. P. 187.

⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. – М.: «Статут», 1999. С. 545.

⁵ Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 1993. С. 201.

шее значение имеет деление на реальное и персональное имущество, осуществляемое в зависимости от способа исковой защиты.

Учитывая значительное своеобразие оформления прав на землю в Англии, автор настоящей статьи считает необходимым обратить внимание на некоторые особенности оформления вещных прав по английскому праву, которые могут оказаться важными для понимания механизма функционирования ипотечного залога.

На протяжении длительного времени для английского права было важным деление имущества на реальное и персональное, которое проводилось в зависимости от способа исковой защиты: реальное имущество защищалось реальным (*real*) иском, а персональное – персональным (*personal*). По реальному иску истец был вправе виндигировать вещь, получить ее обратно. По персональному иску – либо получить вещь обратно, либо потребовать возмещения ее стоимости. Применительно к земельным участкам реальные иски предоставлялись для защиты так называемых фригольдов (*freeholds*) – безусловных прав собственности на землю, в то время как персональные иски – для защиты лизгольдов (*leaseholds*), ограниченных определенным сроком прав пользования земельным участком.

В Англии, основы земельного права которой сформировались при феодальной системе, король был и продолжает оставаться юридическим собственником всей земли. Исторически за услуги, оказываемые королю, он предоставлял землю в пользование своим вассалам, которые в свою очередь могли предоставить землю в пользование своим вассалам. Лица, получившие право пользования, становились *tenants*, или держателями земельных участков. Различались *freehold tenancy* и *leasehold tenancy*. *Leasehold tenancy* возникал на основании договора, и всегда был ограничен конкретным сроком. Фактически речь шла об арендных правоотношениях. *Freehold tenancy*, возникавший из феодальных отношений, напротив, не имел фиксированного срока, а его прекращение зависело от наступления (или ненаступления) ряда условий.

Совокупность прав (правовой титул) в отношении земельного участка, включая прежде всего срок и условия прекращения владения и пользования земельным участком, обозначалась термином *estate*. В зависимости от срока действия и условий прекращения правовые титулы фригольдов (*estates of freehold*) могли быть трех видов: пожизненный правовой титул (*life estate*), наследуемый правовой титул (*estate*

tail) и абсолютный правовой титул (*fee simple*). В случае пожизненно-го правового титула срок пользования земельным участком был ограничен продолжительностью жизни лица, которому принадлежал данный вид правового титула. Срок действия наследуемого правового титула определялся сроком жизни лица, которому принадлежал данный вид правового титула, а также его прямых потомков. Наконец, абсолютный правовой титул действовал в течение жизни его владельца, а также любых его потомков и наследников и, таким образом, фактически мог быть бесконечным. При установлении правового титула лизгольда срок его действия определялся сроком, на который заключался договор аренды земельного участка.

Все три разновидности правовых титулов фригольдов могли существовать одновременно в отношении одного и того же участка земли. Это не означало, однако, существования трех держателей земельного участка, одновременно претендующих на один и тот же участок земли. Правовой титул мог предоставить лицу право на немедленное непосредственное владение земельным участком либо, напротив, мог дать лицу право вступить во владение и пользование землей в будущем, в зависимости от наступления какого-либо события. В первом случае держатель земли имел правовой титул во владении (*estate in possession*), в последнем случае – правовой титул под отлагательным условием (*estate in remainder*, или просто – *remainder*). Например, владелец абсолютного правового титула мог передать одному лицу пожизненный правовой титул во владение, а другому – абсолютный правовой титул под отлагательным условием. В случае же если владелец абсолютного правового титула передавал, например, другому лицу только пожизненный правовой титул, то у самого владельца абсолютного правового титула оставался абсолютный правовой титул под отлагательным условием. Это предполагало, что после смерти лица, к которому переходил пожизненный правовой титул, абсолютный правовой титул возвращался обратно к первоначальному владельцу.

Фригольд и лизгольд могли устанавливаться как по общему праву, так и по праву справедливости. Различия заключались в разном объеме прав, предоставляемых по общему праву и по праву справедливости. Таким образом, в отношении одного и того же земельного участка мог быть установлен в пользу разных лиц, например, фригольд по общему праву и фригольд по праву справедливости⁶.

⁶ Вишневский А. А. Банковское право Англии. – М.: «Статут», 2000. С. 245-246.

Акт о собственности 1925 года отменил многие феодальные пережитки и внес значительные изменения в систему вещных прав на землю. Эти изменения выразились в том числе в уменьшении различий в правовом режиме персонального и реального имущества и, соответственно, затронули правовое регулирование ипотечного залога, тесно интегрированного в прежнюю систему вещных прав.

В настоящее время предметом ипотечного залога может быть как реальное, так и персональное имущество, в том числе и исключительно персональное имущество (*pure personality*); не только земельные участки и строения, морские и воздушные суда, но и ценные бумаги, права требования, страховые полисы и т.д.⁷ Особенно велико было значение отнесения того или иного имущества к разряду персонального или реального до начала XX века, когда в зависимости от того, какое – персональное или реальное – имущество было предметом ипотечного залога, применялись различные формы ипотечного залога. После принятия Акта о собственности 1925 года правовое регулирование ипотечных залогов персонального и реального имущества было объединено. Тем не менее, определенные нюансы, обусловленные прежде всего различиями между персональным и реальным имуществом, учитываются при установлении ипотечного залога до сих пор.

Сохранение, в отличие от залога, права владения предметом залога за залогодателем объединяет ипотеку по российскому праву и ипотечный залог по английскому праву. Любопытно, что сохранение права владения предметом залога за залогодателем рассматривается в российской юридической литературе в качестве одного из важнейших признаков ипотеки как залоговой формы: «вторая особенность ипотеки [помимо особого предмета – недвижимого имущества. – *Прим. автора*] состоит в том, что имущество, на которое установлена ипотека, не передается залогодержателю»⁸.

Приступая к рассмотрению основных форм ипотечного залога в современном английском праве, автор настоящей статьи считает необходимым отметить, что исторически отличительной особенностью ипотечного залога была передача вещно-правового титула на предмет залога от залогодателя к залогодержателю. Однако развитие института ипотечного залога характеризовалось уменьшением объема вещно-правового титула, передаваемого от залогодателя к залогодержателю.

⁷ Halsbury's Laws of England. Volume 32. Butterworths, London, 1980. P. 221-247.

⁸ Нетишинская Л.Ф. Ипотека как вид залога. Автореферат. Саратов, 1997. С. 18.

В истории развития института ипотечного залога до проведения реформы вещных прав 1925 года встречается форма ипотечного залога, предусматривающая передачу от залогодателя к залогодержателю вещно-правового титула на фригольд (*estate of freehold*) в полном объеме, который существовал у залогодержателя (например, *fee simple*), а применительно к лизгольдам – правового титула лизгольд (*estate of leasehold*). После проведения указанной реформы передача вещно-правовых титулов в полном объеме, принадлежащем залогодателю, была отменена. Вместо нее был возрожден ранее частично использовавшийся, но впоследствии отмененный способ установления ипотечного залога посредством передачи более узкого по объему прав вещно-правового титула аренды (*demise*) применительно к фригольдам и вещно-правового титула субаренды (*sub-demise*) применительно к лизгольдам. Более того, в современной деловой практике получают распространение и приобретают главенствующую роль⁹ формы ипотечного залога, вообще не предусматривающие передачу вещно-правового титула от залогодателя к залогодержателю (например, обременение в форме ипотечного залога по общему праву по договору за печатью). Строго говоря, такие формы не являются ипотечным залогом в классическом смысле именно потому, что не предусматривают передачу вещно-правового титула¹⁰, но на них, с небольшими исключениями, распространяются общие положения об ипотечных залогах.

Современное английское право предусматривает следующие способы установления ипотечного залога по общему праву, единые для фригольдов и лизгольдов.

Долгосрочная аренда (*demise for a long term of years*). В отличие от российского права, которое традиционно рассматривает аренду в качестве института обязательственного права, установление долгосрочной аренды в случае ипотечного залога происходит посредством передачи залогодержателю от залогодателя вещно-правового титула аренды (*demise*), в результате чего залогодатель наделяется правами арендатора в рамках правового режима ипотечного залога по общему праву. Необходимо отметить, что, в отличие от фригольда, в случае установления ипотечного залога в отношении лизгольда, представляющего собой, по сути, арендное право, ипотечный залог устанавлива-

⁹ Cheshire G. The modern law of real property. Butterworths and Co. London, 1944. P. 589; Fairest P. Mortgages. Sweet & Maxwell, 1975. P. 13.

¹⁰ Forbes H. Real property law. The Estates Gazette Limited. London, 1962. P. 136.

ется посредством передачи имущества в субаренду на срок, меньший по сравнению со сроком лизгольда. Особенности установления ипотечного залога в отношении фригольдов посредством долгосрочной аренды, рассматриваемые ниже, равным образом действительны для лизгольдов с той поправкой, что в случае лизгольдов речь идет о субаренде.

Срок, на которой может устанавливаться долгосрочная аренда, нормативным образом не оговаривается, однако в соответствии со сложившейся практикой этот срок обычно составляет 30 лет. Установление ипотечного залога осуществляется посредством заключения договора за печатью. В договор вставляется условие о прекращении права аренды залогодержателя в случае погашения основного обязательства совместно с причитающимися процентами и, соответственно, выкупа – возврата (*redemption*) земельного участка. Обычно срок для выкупа составляет шесть месяцев со дня заключения договора об установлении ипотечного залога. По истечении этого срока залогодатель вправе осуществить принадлежащее ему по праву справедливости право возврата. Наряду с указанием даты возврата, в договоре купли-продажи указывается срок прекращения права аренды (*proviso for cesser*), который совпадает с датой возврата – через шесть месяцев после заключения договора ипотечного залога.

Обременение в форме ипотечного залога по общему праву по договору за печатью (*charge by deed expressed to be by way of legal mortgage*). В этом случае никакого вещно-правового титула (ни вещно-правового титула аренды, ни тем более фригольда) не передается залогодержателю. Вместо этого в пользу него устанавливается обременение (*charge*) по общему праву, однако залогодержатель вправе пользоваться всеми правами и полномочиями залогодержателя, установившего ипотечный залог посредством долгосрочной аренды.

Как отмечается в комментариях самих английских авторов, преимущества установления ипотечного залога посредством обременения перед долгосрочной арендой неоднозначны¹¹. Очевидным преимуществом обременения в сравнении с долгосрочной арендой является простота установления ипотечного залога, ведь никакой вещно-правовой титул не передается. Однако по сравнению с обременением положение залогодателя в случае долгосрочной аренды более понятно и оп-

¹¹ Cheshire G. The modern law of real property. Butterworths and Co. London, 1944. P. 588-589.

ределенно. В отличие от долгосрочной аренды, которая всегда содержит положение с указанием даты прекращения аренды (*proviso for cesser*), договор об установлении обременения не содержит подобного положения. На практике, тем не менее, в договор обычно дополнительно к обязательству о выплате долга добавляют положение о прекращении обременения (*proviso for redemption or discharge*).

Помимо ипотечных залогов, устанавливаемых по общему праву, ипотечные залоги могут быть установлены также и по праву справедливости. В отличие от общего права, которое требует соблюдения формальной процедуры составления договора об установлении ипотечного залога в форме договора за печатью для установления ипотечного залога, право справедливости обращает внимание прежде всего на намерения сторон, а не на исполнение формальных требований. Как следствие этого, право справедливости признает в качестве ипотечного залога любые правоотношения между сторонами, которые имеют намерение установить ипотечный залог, даже если при этом не соблюдаются все формальности, необходимые для установления ипотечного залога по общему праву. Современное английское право предусматривает, что ипотечные залоги по праву справедливости могут быть установлены в одной из следующих форм.

Соглашение об установлении ипотечных залогов по общему праву. В этом случае правоотношения схожи с теми, которые были рассмотрены применительно к ипотечному залому в форме долгосрочной аренды. Если стороны намерены установить ипотечный залог по общему праву, то при условии получения залогодержателем соответствующего возмещения (*consideration*) признается установление ипотечного залога по праву справедливости. В этом случае у залогодержателя возникает право требовать посредством подачи иска об исполнении обязательства в натуре (*specific performance*) установления ипотечного залога по общему праву в форме долгосрочной аренды с соответствующим наделением его правами залогодержателя по ипотечному залому по общему праву.

Обременения по праву справедливости (*equitable charges*). Обременение по праву справедливости возникает всегда, когда, без затрагивания прав собственности выделяется имущество для обеспечения обязательства. В этом случае соглашение, посредством которого имущество, как реальное, так и персональное, передается в обеспечение обязательства, признается в качестве ипотечного залога по праву

справедливости, несмотря на то, что лицо, в пользу которого устанавливается обременение, не получает всех прав залогодержателя по ипотечному залогу по праву справедливости.

Помимо рассмотренных выше способов установления ипотечных залогов по праву справедливости, английским правом ранее предусматривался и такой способ, как депонирование правоустанавливающих документов (*deposit of title deeds*), отмененный Актом о собственности (Положения о разном) 1989 года. При наличии долгового обязательства собственник земли был вправе передать кредитору правоустанавливающие документы на землю с намерением использовать эту землю в качестве обеспечения. В этом случае право справедливости рассматривало подобную сделку в качестве соглашения об установлении ипотечного залога по общему праву, а кредитор получал право подать иск об исполнении в натуре (*specific performance*) и воспользоваться правами залогодержателя по ипотечному залогу по общему праву.

Подобно ипотеке по российскому праву, ипотечный залог по английскому праву характеризуется акцессорным (дополнительным) характером по отношению к главному обязательству. Про акцессорный характер залога по российскому праву и, соответственно, ипотеки говорится в статье 4 Закона РФ «О залоге», согласно которой «залог произведен от обеспечиваемого им обязательства. Существование прав залогодержателя находится в зависимости от судьбы обеспечиваемого залогом обязательства». Гражданский кодекс РФ прямо не говорит об акцессорном характере залога (ипотеки), однако в статье 329 содержится общая норма о том, что недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего его обязательства, если иное не установлено законом. В отношении залога никаких исключений не сделано и, следовательно, подтвержден его акцессорный характер по отношению к обеспечиваемому обязательству. Что касается акцессорного характера ипотечного залога в английском праве, то «каждый ипотечный залог подразумевает наличие долга и личной обязанности по договору (*personal obligation*) залогодателя выплатить долг»¹². Таким образом, ипотечный залог не может быть установлен без наличия основного обязательства, которое обеспечивается этим ипотечным залогом. Следует заметить, что как по российскому, так и по английскому праву¹³ в случае неисполнения должником обя-

¹² Halsbury's Laws of England. Volume 32. Butterworths. London, 1980. P. 187.

¹³ Cheshire, G. The modern law of real property. London, Butterworths and Co., 1944. P. 611.

занности по основному обязательству залогодержатель вправе удовлетворить свои требования за счет любого имущества, не только предмета залога.

Характерной чертой ипотеки по российскому праву является право следования. В английском праве право следования вытекает из перешедшего к залогодержателю вещно-правового титула на заложенное имущество.

Важным в характеристике ипотеки по российскому праву является право преимущества, заключающееся в том, что кредитор-залогодержатель вправе удовлетворить свои требования за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами соответствующего должника. В соответствии с российским законодательством это право осуществляется «за изъятиями, установленными законом»¹⁴. В частности, статья 64 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что в случае ликвидации юридического лица требования кредиторов, обеспеченные залогом, подлежат удовлетворению только в третью очередь, то есть после того, как будут удовлетворены, во-первых, требования граждан, перед которыми ликвидируемое юридическое лицо несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, и, во-вторых, требования граждан по выплате выходных пособий и причитающихся сумм по трудовым договорам, вознаграждений по авторским договорам.

Приоритет требований кредиторов, обеспеченных ипотечным залогом по английскому праву, вытекает из факта передачи кредитору вещно-правового титула на предмет залога. Другими словами, иные кредиторы не могут обратить взыскание на заложенное имущество, поскольку вещно-правовой титул на это имущество уже перешел от залогодателя к залогодержателю. Тем не менее, даже в случае ипотечного залога возможно наличие обременений, имеющих приоритет перед требованиями кредиторов, обеспеченных ипотечным залогом, например в силу обременений, установленных по решению суда¹⁵.

Как российское, так и английское право предусматривают возможность установить последующий залог в отношении одного и того же предмета залога. При этом предыдущий залог пользуется приоритетом (старшинством) по отношению к последующему. Российским правом последующая ипотека допускается, если она не запрещена пред-

¹⁴ Ст. 334 Гражданского кодекса РФ.

¹⁵ Halsbury's Laws of England. Volume 32. Butterworths. London, 1980. P. 263.

шествующими договорами об ипотеке того же имущества, действие которых не прекратилось к моменту заключения последующего договора об ипотеке. В случае обращения взыскания на заложенное имущество по требованиям, обеспеченным последующей ипотекой, одновременно может быть обращено взыскание на это имущество и по требованиям, обеспеченным предшествующей ипотекой, срок предъявления которых к взысканию еще не наступил. Если залогодержатель по предшествующему договору об ипотеке не воспользовался этим правом, имущество, на которое обращено взыскание по требованиям, обеспеченным последующей ипотекой, переходит к его приобретателю обремененным предшествующей ипотекой.

В случае обращения взыскания на заложенное имущество по требованиям, обеспеченным предшествующей ипотекой, допускается одновременное обращение взыскания на это имущество и по требованиям, обеспеченным последующей ипотекой, срок предъявления которых к взысканию еще не наступил. Требования, обеспеченные последующей ипотекой, не подлежат досрочному удовлетворению, если для удовлетворения требований, обеспеченных предшествующей ипотекой, достаточно обращения взыскания на часть заложенного имущества¹⁶.

Согласно английскому праву, для того, чтобы установить последующий ипотечный залог по общему праву в отношении того же земельного участка, залогодатель передает его в аренду на срок, который должен быть по крайней мере на один день дольше, чем срок первоначальной аренды, посредством которой был установлен ипотечный залог. В результате не только первый, но и все последующие залогодержатели получают возможность установить ипотечный залог по общему праву, а не только по праву справедливости, что ранее было единственной возможностью для всех последующих залогодержателей. После удовлетворения залогодателем основного обеспечиваемого обязательства перед предыдущим залогодержателем последующий получает вещно-правовой титул аренды сроком до конца предыдущей аренды. Кроме того, у последующего залогодателя всегда есть право, удовлетворив требования предыдущего залогодержателя, встать на его место в очереди и требовать от залогодателя удовлетворения суммарно как своих требований, так и требований того залогодержателя, чьи требования он удовлетворил.

¹⁶ Глава VII Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Как в английском, так и в российском праве соблюдается принцип публичности ипотеки (ипотечного залога), однако реализация этого принципа имеет определенные особенности. В российском праве публичный характер ипотеки связан с ее государственной регистрацией и открытостью сведений о наличии регистрационной записи об ипотеке соответствующего имущества, которые могут быть предоставлены любому желающему (статья 26 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»). Осуществление государственной регистрации ипотеки имеет большое значение для стабильности гражданско-правового оборота: по российскому праву для третьих лиц признается возникшей только ипотека, внесенная в государственной реестр (статья 20 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»). Помимо требования государственной регистрации ипотеки, Федеральный закон РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» предусматривает необходимость нотариального удостоверения договора ипотеки (статья 10).

В соответствии с английским правом вопрос о государственной регистрации зависит прежде всего от того, какого вида земельный участок выступает в качестве предмета ипотечного залога. До настоящего времени в Англии существует «зарегистрированная земля» и «незарегистрированная земля» (*registered land and unregistered land*). В случае с земельным участком, который зарегистрирован в соответствии с Законом о регистрации земли 1925 года, ипотечный залог будет действителен только при ее регистрации в разделе обременений в поземельной книге. В отношении незарегистрированной земли ипотечный залог также может быть зарегистрирован, однако назначение регистрации будет совсем другим – в этом случае регистрация будет иметь чисто доказательственное значение, а действительность ипотечного залога не будет зависеть от факта регистрации¹⁷.

По общему правилу ипотека и ипотечный залог могут быть установлены на основании договора. Кроме того, в некоторых случаях возможно возникновение ипотеки по российскому праву (а также, соответственно, ипотечного залога по английскому праву) в силу закона.

Как отмечалось выше, общей чертой ипотеки по российскому праву и ипотечного залога по английскому праву является сохранение за залогодателем прав владения и пользования предметом залога. Российское право предусматривает, что право пользования предметом ипоте-

¹⁷ Вишнеvский А. А. Банковское право Англии. – М.: «Статут», 2000. С. 246-247.

ки должно сохраняться за залогодателем (ст. 29 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»). По английскому праву залогодержатель, юридически являясь арендатором заложенного имущества, вправе незамедлительно вступить во владение предметом ипотечного залога (если ипотечный залог был установлен посредством обременения, то залогодержатель получает такое право на основании статута). Это право возникает сразу же после вступления в силу договора залога¹⁸. Однако в большинстве случаев залогодержатель не пользуется предоставленным ему правом. Как отмечается в английской доктрине, вступление залогодержателя во владение земельным участком противоречило бы духу и целям ипотечного залога¹⁹. На практике залогодержатель вступает во владение земельным участком в тех случаях, когда наступает просрочка уплаты процентов по долгу и залогодержатель намерен воспрепятствовать поступлению доходов от использования земельного участка напрямую залогодателю. В отличие от английского права, российское право в аналогичных случаях не позволяет залогодержателю вступить во владение предметом ипотеки, а предоставляет ему право требовать от должника досрочного исполнения обязательства и, соответственно, в случае невыполнения этого требования – обратиться с иском к залогодателю.

Причина, по которой залогодержатели по английскому праву вступают во владение предметом ипотечного залога только в исключительных случаях, заключается в том, что право справедливости строго контролирует осуществление залогодержателем права владения предметом залога. По общему правилу залогодержатель не вправе получать какие-либо дополнительные выгоды от ипотечного залога помимо оплаты основного долга, процентов и понесенных расходов, и залогодержатель обязан отчитываться не только за те доходы, которые он в действительности получил, но и за те, которые мог бы получить, если бы не его недобросовестность или небрежность. А в случае если, например, имущество не сдается в аренду, сам залогодержатель обязан уплачивать арендную плату залогодателю.

Поэтому обычно залогодатель сохраняет владение предметом залога за собой и не обязан уплачивать арендную плату; более того, он вправе обращать в свою пользу доход, получаемый от использования

¹⁸ См.: *Four-Maids Ltd. v Dudley Marshall (Properties) Ltd.* [1957] Ch. 317 по: Hapgood M. *Paget's Law of Banking.* Butterworths. London, Edinburgh & Dublin, 1996. P. 606.

¹⁹ Cheshire, G. *The modern law of real property.* London, Butterworths and Co., 1944. P. 607.

заложенного имущества. До тех пор, пока залогодатель не получил уведомления от залогодержателя о его намерении вступить во владение земельным участком или получать арендные платежи, залогодатель вправе выступать в суде от своего лица. Он вправе потребовать в судебном порядке от третьих лиц виндикации заложенного имущества, или выплаты причитающихся арендных платежей, или возмещения убытков, понесенных в результате нарушения права владения земельным участком или причинения иного вреда земельному участку. Кроме того, залогодатель, фактически осуществляющий право владения, в соответствии со статутным правом вправе сдавать заложенное имущество в аренду, а также принимать прекращение права аренды.

Неудобства, вызываемые вступлением залогодержателя во владение предметом ипотечного залога, устраняются, если залогодержатель назначает управляющего заложенным имуществом (*receiver*). Право назначить управляющего предоставляется залогодержателю, чей ипотечный залог был установлен посредством договора за печатью в соответствии с Законом о собственности 1925 года. Управляющий, назначенный таким образом, рассматривается в качестве агента залогодателя, а не залогодержателя. Управляющий вправе собирать арендные платежи, причитающиеся с заложенного имущества, и направлять их на выплату процентов, причитающихся по займу, а затем на погашение основного долга. Любая разница выплачивается залогодателю. Назначение управляющего, таким образом, достигает той же цели, что и вступление залогодержателя во владение, однако не имеет недостатков, возникающих при вступлении самого залогодержателя во владение заложенным имуществом.

Общим для английского и российского права является обязанность залогодателя принять меры к обеспечению сохранности заложенного имущества. В частности, как по английскому²⁰, так и по российскому²¹ праву залогодатель обязан принимать меры по предохранению заложенного имущества от утраты и повреждения. Залогодержатель вправе также проверять наличие, состояние и условия содержания заложенного имущества²². Общим является и страхование заложенного имущества: однако, если по российскому праву страхование заложен-

²⁰ Halsbury's Laws of England. Volume 32. Butterworths. London, 1980. P. 282, 291-292.

²¹ Статья 32 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

²² Статья 34 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Hargood M. Paget's Law of Banking. Butterworths. London, Edinburgh & Dublin, 1996. P. 606.

ного имущества от рисков утраты и повреждения – обязанность залогодателя²³, то по английскому праву залогодержатель, согласно статутному праву, вправе за счет стоимости заложенного имущества самостоятельно застраховать заложенное имущество от рисков утраты или повреждения вследствие пожара²⁴. Кроме того, договор ипотечного залога может предусматривать, что страхование заложенного имущества не требуется, или же, напротив, возложить обязанность по страхованию заложенного имущества на залогодателя.

Основания прекращения ипотеки по российскому праву и ипотечного залога по английскому праву в целом схожи. Как для ипотеки по российскому праву, так и для ипотечного залога по английскому праву основным способом прекращения ипотечного правоотношения является исполнение обеспечиваемого обязательства. Следует заметить, что применительно к ипотечному залому с передачей вещно-правового титула к залогодержателю с прекращением ипотечного правоотношения правовой титул возвращается к залогодателю.

Наряду с исполнением обязательства, другим основанием прекращения основного обязательства, общим для ипотеки и ипотечного залога, является прощение долга по основному обязательству. По английскому праву прощение долга допускается только при условии предоставления встречного удовлетворения (*consideration*) или путем оформления договора за печатью²⁵. В соответствии же с российским правом в случае прощения долга обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора (статья 415 Гражданского кодекса РФ).

Другим общим для ипотеки и ипотечного залога основанием прекращения ипотечных правоотношений является продажа предмета залога с торгов. Следует заметить, что по российскому праву продажа предмета залога с публичных торгов (или невозможность его реализации, что также является основанием прекращения ипотеки) представляет собой второй, заключительный этап процедуры удовлетворения требований кредиторов. Первый этап – это обращение взыскания на предмет залога, которое может проводиться как по судебному решению, так и на основании нотариально удостоверенного соглашения

²³ Статья 31 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

²⁴ Cheshire, G. -The modern law of real property. -London, Butterworths and Co., 1944. P. 610.

²⁵ Halsbury's Laws of England.- Volume 32. Butterworths, London, 1980. P. 447.

сторон, заключенного после возникновения основания для обращения взыскания на предмет залога. Кроме того, в случаях, предусмотренных законом, залогодержатель вправе потребовать досрочного обращения взыскания на предмет залога.

Специфическими основаниями прекращения ипотечного правоотношения, присущими только английскому праву, является осуществление залогодателем права выкупа (возврата) заложенного имущества, а также лишение залогодателя права выкупа закладной (*foreclosure*).

В качестве самостоятельного основания прекращения ипотечного правоотношения английской доктриной отмечается перевод основного долга с одновременной уступкой ипотечного залога. Однако, по мнению автора настоящей статьи, в данном случае следует говорить о перемене лиц в обязательстве, нежели о самостоятельном основании прекращения ипотечного правоотношения, поскольку как основное обязательство, так и ипотечный залог продолжают существовать. Уступка прав по договору об ипотеке одновременно с переводом основного долга допускается и по российскому законодательству²⁶, и ее также следует рассматривать именно как перемену лиц в обязательстве.

Российское право предусматривает также, что залог (включая, разумеется, ипотеку) может быть досрочно прекращен по требованию залогодателя при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 статьи 343 Гражданского кодекса РФ (в случае грубого нарушения предусмотренных законом обязанностей, в результате которого возникла угроза утраты или повреждения заложенного имущества). Аналогичные случаи не рассматриваются английским правом в качестве оснований для прекращения ипотечного залога, однако залогодержатель наделяется правом обращения в суд с требованием вынести судебный запрет на осуществление действий, в результате которых уменьшается стоимость заложенного имущества²⁷. Залогодержатель может также предотвратить действия, в результате которых уменьшается стоимость предмета залога, путем вступления во владение заложенным имуществом.

Помимо рассмотренных выше случаев, гибель предмета залога также может стать основанием прекращения ипотеки. В соответствии с российским правом ипотека может быть прекращена в случае гибели заложенной вещи, если залогодатель не воспользовался правом, предусмотренным пунктом 2 статьи 345 ГК РФ (восстановить предмет

²⁶ Статья 47 Федерального закона РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

²⁷ Halsbury's Laws of England.- Volume 32. -Butterworths, London, 1980. P. 282.

залога или заменить его равноценным имуществом). Английское право также рассматривает подобные случаи в качестве оснований для прекращения ипотечного залога и предусматривает лишение залогодателя права выкупить по закладной²⁸. Разумеется, как по российскому, так и по английскому праву залогодержатель даже в случае гибели предмета залога сохраняет право требовать удовлетворения своих требований за счет стоимости иного имущества.

Остановимся более подробно на праве продажи, праве возврата (выкупа) по праву справедливости, а также лишении залогодержателя права выкупа по закладной по английскому праву.

Право возврата (*equity of redemption*) может быть осуществлено после того, как прошла дата, установленная в договоре для выкупа заложеного имущества. Однако в любом случае это право может быть реализовано только до того, как наступило одно из следующих событий: залогодержатель продал заложенное имущество, лишил залогодателя права выкупа заложенного имущества или приобрел вещно-правовой титул на заложенное имущество в соответствии с Законом об ограничении исковой давности (*Limitation Act*)²⁹.

В соответствии с Законом о собственности 1925 года (который ввел положения, аналогичные Закону о передаче прав 1881 года), любой залогодержатель, чей ипотечный залог был установлен по договору после 1881 года, имеет **право продажи**. Право продажи возникает после того, как проходит дата, установленная для выкупа заложенного имущества. В случае осуществления залогодержателем права продажи покупатель приобретет имущество свободным от права залогодержателя на возврат имущества по праву справедливости (*equity of redemption*). Однако в случае если продажа была осуществлена до того, как возникло право продажи, залогодатель получит право потребовать возмещения убытков от залогодержателя. При осуществлении права продажи залогодержателю требуется только действовать разумно. Он не обязан продавать по наивысшей цене, при условии, что он действует добросовестно. После продажи он становится доверительным собственником в отношении поступлений от продажи и после того, как возьмет себе причитающуюся сумму, остаток вырученных денег передаст следующему залогодателю, если таковой есть, или самому залогодателю.

²⁸— *Ibid.*

²⁹ Cheshire G. The modern law of real property. London, Butterworths and Co., 1944. P. 594.

Посредством **лишения права выкупа по закладной** (foreclosure) залогодержатель приобретает земельный участок свободным от права залогодателя на возврат по праву справедливости. Право залогодержателя лишить права выкупа по закладной возникает только после того, как прошла дата выкупа. Немедленно после того, как прошла дата выкупа, залогодержатель вправе подать иск в отдел Лорда Канцлера с целью лишить залогодателя права выкупа закладной. Если залогодатель не выплатит сумму основного долга и причитающихся процентов, Суд издаст «условный приказ о лишении права выкупа закладной». Смысл этого приказа состоит в том, что суд устанавливает дату и время (обычно через шесть месяцев) для уплаты долга, и если долг не будет уплачен к этому сроку, то приказ становится абсолютным, а залогодатель теряет право возврата по праву справедливости (equity of redemption). Кроме того, посредством этого приказа залогодержатель наделяется абсолютным правом собственности (fee simple), свободным от права залогодателя на возврат по праву справедливости (equity of redemption), а также прекращает срок ипотечного залога залогодержателя и всех последующих ипотечных залогов. Однако предыдущие ипотечные залоги не затрагиваются лишением права выкупа по закладной: они по-прежнему существуют, и результат осуществления права лишения права выкупа по закладной заключается в том, что залогодержатель, осуществляющий это право, обязан погасить предыдущие ипотечные залоги, если он хочет стать абсолютным собственником имущества.

Как отмечалось выше, ипотечные залоги могут быть установлены не только по общему праву, но и по праву справедливости. Ипотечные залоги по праву справедливости могут быть разделены на две группы: те, в которых устанавливается простое обременение в отношении имущества (т.е. без передачи вещно-правового титула на предмет ипотечного залога), и те, в которых залогодержатель будет вправе потребовать осуществления ипотечного залога по общему праву. В последнем случае средства судебной защиты залогодержателя во многом соответствуют тем, которые доступны залогодержателю по общему праву, а лицо, в пользу которого установлено простое обременение по праву справедливости, ограничено в наборе доступных ему средств судебной защиты.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что, несмотря на существенные различия в нормативном оформлении и правовых

механизмах, посредством которых реализуются ипотека по российскому праву и ипотечный залог по английскому праву, существует принципиальное сходство в функционировании ипотеки и ипотечного залога как способов обеспечения исполнения обязательств.

Как при ипотеке, так и при ипотечном залоге в целях обеспечения исполнения основного обязательства обособляется определенное имущество, стороны наделяются правами и обязанностями, основная цель которых – обеспечить сохранность предмета залога, а в случае неисполнения обязательства кредитор получает возможность удовлетворить свои требования за счет стоимости имущества преимущественно перед требованиями других кредиторов.

Необходимо отметить, однако, что в сравнении с ипотекой в российском праве ипотечный залог по английскому праву имеет более сложное правовое регулирование, что связано прежде всего с более сложным и во многом архаичным институтом вещных прав (property law) в английском праве.

Важным в характеристике ипотечного залога по современному английскому праву является то обстоятельство, что к залогодержателю переходит только ограниченный вещно-правовой титул на предмет ипотечного залога, к тому же наибольшее распространение получили формы ипотечного залога, которые вообще не предусматривают передачу какого-либо вещно-правового титула. Таким образом, можно сделать вывод об утрате ярко выраженного вещно-правового характера ипотечного залога по английскому праву. В этом смысле ипотечный залог оказывается схожим с ипотекой по российскому праву, о правовой природе которой – вещной, обязательственной или смешанной – споры в российской цивилистике продолжают уже очень давно.

Новый порядок взаимного исполнения актов арбитражных судов России и хозяйственных судов Белоруссии. Соглашение от 17 января 2001 г.: значение и проблемы

*Муранов А.И.**

17 января 2001 г. в Москве было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь¹ (далее – Соглашение). Россия ратифицировала Соглашение Федеральным законом от 11 июля 2002 г. № 90-ФЗ².

Согласно статье 5 Соглашения оно вступает в силу с даты последнего письменного уведомления о выполнении Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу. К сожалению, на момент написания настоящей статьи еще нельзя определить, ратифицировано ли оно Белоруссией и вступило ли оно в силу: по сложившейся в России практике незамедлительное официальное опубликование этих сведений не считается важным. Само Соглашение также еще не было опубликовано в России официально. Из этого косвенно следует, что в силу оно, скорее всего, еще не вступило, хотя в отечественной практике очень часто случается так, что между моментом вступления международного договора в силу и моментом его официального опубликования проходят месяцы и даже годы. В любом слу-

* Муранов Александр Игоревич – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России (www.muranov.ru).

¹ На момент написания настоящей статьи текст Соглашения в России еще не был опубликован официально. Этот текст приводится в данном номере журнала в разделе «Документы».

Необходимо отдельно отметить, что при написании настоящей статьи использовались тексты правовых актов и информация о них, содержащиеся в электронной справочной правовой системе «Гарант».

²Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2794. Текст Закона приводится в данном номере журнала в разделе «Документы».

чае отсутствие на сегодня официальной публикации Соглашения обуславливает его неприменимость в России³.

Но даже несмотря на все это⁴, подписание данного Соглашения и его ратификация Россией является примечательным событием для российского международного частного права и международного гражданского процесса. Оно также представляет собой весьма любопытный объект для научного анализа.

Этапы разработки и принятия Соглашения

Поскольку интеграция России и Белоруссии осуществляется уже достаточно давно, то юридическое осознание необходимости заключения международного договора, подобного Соглашению, также произошло не сегодня. Оно должно было появиться, по меньшей мере, вместе с заключением Договора об образовании Сообщества России и Белоруссии (Москва, 2 апреля 1996 г.)⁵, Договора о Союзе Беларуси и России (Москва, 2 апреля 1997 г.)⁶ и Устава Союза Беларуси и России (Москва, 23 мая 1997 г.)⁷. Более активная разработка Соглашения началась после вступления в силу Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании равных условий субъектам хозяйствования (Москва, 25 декабря 1998 г.)⁸ и Договора о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.)⁹. В преамбуле Соглашения прямо говорится о том, что оно заключено «в целях реализации» двух последних международных договоров. Представляется, что разработка Соглашения была направлена на реализацию части 1

³ Согласно пункту 3 статьи 15 Конституции РФ «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». См. также: Муранов А.И. История официального опубликования в Российской Федерации Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) в связи с проблемой применения в России ее международных договоров // Московский журнал международного права. – 2000. – № 3. – С. 454-484.

⁴ Тем более что вероятность вступления Соглашения в силу и его официального опубликования в России весьма велика. Единственное, что может помешать его вступлению в силу – нежелание Белоруссии его ратифицировать.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 47. – Ст. 5300.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3596.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3596.

⁸ «Российская газета» от 26 декабря 1998 г.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 7. – Ст. 786.

статьи 2 Соглашения о создании равных условий субъектам хозяйствования от 25 декабря 1998 г. (*«Стороны примут необходимые законодательные и иные меры по обеспечению равных прав, обязанностей и гарантий субъектам хозяйствования Сторон»*) и пункта 2 статьи 8 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (*«В Союзном государстве принимаются необходимые законодательные и иные меры по обеспечению равных прав, обязанностей и гарантий субъектам хозяйствования любых организационно-правовых форм, а также гражданам, обладающим статусом предпринимателя, в соответствии с законодательством государств-участников»*).

После завершения подготовки совместно с Республикой Беларусь проекта Соглашения МИД РФ направил Президенту РФ предложение о подписании Соглашения, согласованное с Министерством юстиции РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ. Распоряжением Президента РФ от 22 ноября 2000 г. № 523-рп¹⁰ это предложение было принято, проект Соглашения одобрен, а МИД РФ было поручено подписать Соглашение от имени России по достижении договоренности с Белорусской Стороной.

Постановлением от 18 февраля 2002 г. № 113¹¹ Правительство РФ одобрило подписанное Соглашение и представило его Президенту РФ для внесения на ратификацию в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

Письмом от 1 апреля 2002 г. № Пр-551¹² Президент РФ внес Соглашение на ратификацию в Государственную Думу.

Как уже говорилось выше, Федеральным законом от 11 июля 2002 г. № 90-ФЗ Соглашение было ратифицировано Россией без каких-либо заявлений или оговорок.

Значение Соглашения

Во-первых, Соглашение является первым международным договором современной России, который вводит исполнение иностранных судебных актов *de plano* (т.е. без установления какой-либо процедуры

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 48. – Ст. 4687. Текст распоряжения приводится в данном номере журнала в разделе «Документы».

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 8. – Ст. 853. Текст постановления приводится в данном номере журнала в разделе «Документы».

¹² Письмо официально опубликовано не было. Его текст приводится в данном номере журнала в разделе «Документы».

проверки в той или иной мере их содержания и обстоятельств их вынесения)¹³ и без необходимости получения *exequatur*'ы. Статья I Соглашения предусматривает: «Судебные акты компетентных судов Сторон не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства на основании исполнительных документов судов, принявших решения». Правда, говорить о судебных актах, вынесенных в Белоруссии, как иностранных необходимо с оглядкой на Договор о создании Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (Москва, 8 декабря 1999 г.): эти акты не следует считать настолько же иностранными для российского права, насколько иностранными являются для него, например, судебные акты, вынесенные в Италии. Тем не менее, далее все же мы будем исходить из того, что вынесенные в Белоруссии судебные акты считаются в России иностранными.

Но даже с учетом оговорки об иностранном характере вынесенных в Белоруссии судебных актов выраженный в Соглашении подход является примечательным и очень нечасто встречающимся исключением из общего правила, согласно которому иностранный судебный акт может быть приведен в исполнение только после осуществления специальной процедуры его рассмотрения в суде страны, где должно иметь место исполнение: «Редкие международные договоры допускают исполн. решений *de plano* ...»¹⁴. Основываясь на принципе суверенитета, право каждого государства исходит практически всегда из того, что любое решение какого-либо правоприменительного органа, вынесенное за границей, не обладает на территории такого государства принудительной силой и может быть исполнено только в порядке, предписанном последним. Как правило, в странах континентальной системы права такой порядок состоит в выдаче определенным компетентным органом государства, на территории которого будет исполняться решение, разрешения на исполнение данного решения (экзекватуры): «Принудительное исполнение иностранного судебного решения возможно лишь в силу соответствующего распоряжения компетентных

¹³ В Дигестах Юстиниана слова «*de plano*» имеют значение «не перед судом, вне суда». Кроме того, в латинском языке они также имеют следующее значение: легко, без труда.

¹⁴ Корецкий В.М. Территориальные пределы исполнительной силы судебных решений (по гражданским делам). По поводу циркуляра Верховного Суда РСФСР от 8.12.1923 г. за № 72 / Корецкий В.М. Избранные труды: В 2-х кн. Кн. 1. – Киев, 1989. – Кн. 1. – С. 67.

властей того государства, где испрашивается такое исполнение»¹⁵. При этом такое разрешение дается не автоматически, а при соблюдении соответствующих условий, устанавливаемых правом государства, на территории которого будет исполняться решение.

Вместе с тем следует отдельно отметить, что Соглашение не может рассматриваться как международный договор, который предусматривает исполнение иностранных судебных актов *de plano* вообще впервые в отечественном праве. На самом деле в практике последнего уже имелись случаи, когда иностранные судебные акты подлежали исполнению помимо процедуры проверки в той или иной мере их содержания и обстоятельств их вынесения.

Так, для России продолжают действовать статьи 18 и 19 Конвенции по вопросам гражданского процесса (Гаага, 1 марта 1954 г.)¹⁶, вступившей в силу еще для СССР 26 июля 1967 г.¹⁷ Данные статьи соответственно предусматривают: *«Судебные решения об уплате судебных издержек и расходов, вынесенные в одном Договаривающемся государстве против истца или третьей стороны, которые освобождены от обеспечения, залога или уплаты в силу первого и второго абзацев статьи 17 или законодательства государства, в котором начато судебное разбирательство, приводятся в исполнение бесплатно компетентными властями в каждом другом Договаривающемся государстве по просьбам, передаваемым в дипломатическом порядке»*.

Это же правило применяется и к судебным решениям о последующем взыскании судебных расходов.

Предыдущие постановления не препятствуют тому, чтобы два Договаривающихся государства договорились также разрешить обращаться с просьбами об исполнении судебных решений непосред-

¹⁵ Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права. Том 3. Международный гражданский процесс. – М., 1976. – С. 169. Нет никаких сомнений в том, что в России рассмотрение вопросов приведения в исполнение иностранных решений базируется на принципе экзекватурирования.

¹⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 12. См. также Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения в СССР Конвенции по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г.» (Ведомости Верховного совета СССР. – 1967. - № 47. – Ст. 632). Сама Конвенция в официальных периодических изданиях СССР не была опубликована.

¹⁷ Нота Министра иностранных дел СССР Министру иностранных дел Нидерландов о присоединении СССР к Конвенции по вопросам гражданского процесса опубликована в «Собрании постановлений Правительства СССР» (1967. – № 20. – Ст. 145).

ственно заинтересованным сторонам»; «Решения о взыскании судебных издержек и расходов объявляются подлежащими исполнению без заслушивания сторон, при условии, однако, что сторона, с которой производится взыскание, имеет право на последующее обжалование в соответствии с законодательством государства, где испрашивается исполнение.

Власти, компетентные рассматривать просьбу об исполнении, ограничиваются рассмотрением следующих вопросов:

1. Отвечает ли копия решения требованиям законодательства страны, где оно было вынесено, относительно аутентичности копии.

2. Вступило ли решение в законную силу в соответствии с указанным законодательством.

3. Изложены ли постановления решения на языке запрашиваемых властей или на языке, о котором достигнута договоренность между двумя заинтересованными государствами, или к документу приложен перевод на один из указанных языков, и при отсутствии соглашения, предусматривающего иной порядок, засвидетельствован ли он дипломатическим или консульским представителем запрашивающего государства или присяжным переводчиком запрашиваемого государства.

Для выполнения условий, предусмотренных в пунктах 1 и 2 второго абзаца, достаточно либо заявления компетентных властей запрашивающего государства, подтверждающего, что решение вступило в законную силу, или представление должным образом заверенных документов, свидетельствующих, что соответствующее решение вступило в законную силу. Компетентность указанных выше властей при отсутствии соглашения, предусматривающего иной порядок, удостоверяется высшим должностным лицом, возглавляющим органы юстиции запрашивающего государства. Упомянутые выше заявления и свидетельство должны быть составлены или переведены в соответствии с правилами, изложенными в пункте 3 второго абзаца.

Власти, компетентные рассматривать просьбу об исполнении судебного решения, производят оценку общей суммы затрат по засвидетельствованию, переводу и удостоверению в соответствии с пунктом 3 второго абзаца, при условии, что об этом одновременно просит сторона. Такие затраты будут рассматриваться в качестве издержек и расходов по ведению дела».

Конвенция по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г. заменила собой Конвенцию по вопросам гражданского процесса, под-

писанную в Гааге 17 июля 1905 г.¹⁸, статьи 18 и 19 которой содержали положения, аналогичные вышеприведенным. Последняя Конвенция была ратифицирована Российской Империей 24 апреля 1909 г. В свою очередь, Конвенция 1905 г. заменила собой Конвенцию, подписанную в Гааге 14 ноября 1896 г., которая также была ратифицирована Российской Империей в 1899 г.¹⁹ Соответственно, правило исполнения иностранных судебных актов *de plano*, закрепляемое международным договором, насчитывает в отечественном праве уже свыше 100 лет.

Однако Соглашение пошло дальше, нежели Конвенция по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г.: исполнение иностранных судебных актов *de plano* закреплено в ней в максимально «чистом виде»: в ней даже не упоминается о необходимости проверки этих актов с точки зрения правильности формы (как это имеет место в Конвенции 1954 г.).

Во-вторых, Соглашение является первым в практике отечественного права документом, статья 1 которого распространяет на исполнение иностранных судебных актов национальный режим: *«Судебные акты ... исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства ...»*. Целесообразно это или же нецелесообразно – уже другой вопрос.

Принцип национального режима применительно к иностранным субъектам в сфере материально-правового регулирования частноправовых отношений является одним из столпов международного частного права России, но он никогда не использовался ранее применительно к исполнению иностранных судебных актов.

Более того, распространение на исполнение иностранных (или вернее «квазииностранных») судебных актов национального режима не имело места даже и в первые годы существования СССР в начале 20-х годов XX века. Так, 8 декабря 1923 г. Верховным судом РСФСР был принят руководящий циркуляр № 72 «Об исполнении на территории РСФСР решений по гражданским делам, вынесенных судебными органами союзных республик (УССР, ЗСФСР, БССР)»²⁰. *«Указанный циркуляр не допускает приведения в исполнение решения судебных орга-*

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1909. – № 89. – Ст. 714; Мыш М.И. Об иностранцах в России. – СПб., 1911. – С. 357-363.

¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1899. – № 62.

²⁰ Т.е. Украинской Советской Социалистической Республики, Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики и все той же Белорусской Советской Социалистической Республики.

нов других советских республик на территории РСФСР без проверки (*de plano*). Нельзя поэтому обратиться непосредственно к судебному исполнителю с просьбой выполнить приказ, содержащийся в исполнительном листе».

«Исполнительный лист или судебный приказ, – гласит п. 1 Циркуляра, – представляется председателю того губернского суда, в пределах подсудности которого решение подлежит исполнению».

Председатель же, прежде чем сделать «надпись об исполнении» (*pareatis*), должен удостовериться, во-1-х, в том, что исполнительный лист (судебный приказ) выдан правомочным судебным органом в установленном порядке (п. 2 Циркуляра), и, во-2-х, в том, что нет противоречия или несогласованности исполняемого решения с законами РСФСР (п. 3 Циркуляра). Первое требование имеет общеревизионное значение, и проверка решения с этой стороны не может вызывать возражения (другой вопрос, кто и когда должен производить эту проверку). Второе же требование и нецелесообразно, и противоречит основным началам советского междуреспубликанского права²¹. Вполне понятно, что впоследствии такое положение вещей изменилось.

Отметим также, что Соглашение является первым документом, который позволяет приравнять в иностранном государстве судебные акты российских государственных арбитражных судов к судебным актам такого государства.

В-третьих, наличие и содержание Соглашения подтверждают то, что успешная интеграция государств без решения вопроса о взаимном признании и приведении в исполнение выносимых в них судебных актов невозможна, и что этот вопрос является крайне важным. Различная степень интеграции обуславливает различные подходы к ответу на него. Если исходить из содержания Соглашения (весьма неоднозначного), то можно прийти к выводу, что интеграция России и Белоруссии идет внешне успешно, но внутренние противоречия, невидимые для стороннего наблюдателя, очень сильны.

В-четвертых, вопрос о взаимном признании и приведении в исполнение судебных актов, выносимых в государствах, проходящих процесс интеграции, встает в практике отечественного права не впервые,

²¹ *Корецкий В.М.* Территориальные пределы исполнительной силы судебных решений (по гражданским делам). По поводу циркуляра Верховного суда РСФСР от 8.12.1923 г. за № 72 / *Корецкий В.М.* Избранные труды: В 2-х кн. – Киев, 1989. – Кн. 1. С. 68-69.

учитывая вышесказанное применительно к РСФСР. Однако представляется, что опыт первых попыток распространения на иностранные судебные акты национального режима в СССР в начале 20-х годов XX века был к сегодняшнему дню забыт.

В-пятых, Соглашение является очень весомым доводом против точки зрения, согласно которой заключенное в рамках Содружества Независимых Государств Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.)²² устанавливает не процедуру обращения в российский суд за экзекатурой, а, прежде всего, процедуру оспаривания иностранного решения в форме обращения лица, против которого оно вынесено, в российский суд с требованием признать такое решение не подлежащим исполнению, в то время как изначально оно признается имеющим силу в России: *«Порядок приведения в исполнение решения, вынесенного судом страны – участницы Киевского соглашения, при отсутствии возражений со стороны ответчика носит упрощенный характер. Это обусловлено тем, что судебное решение и выписанный на его основе исполнительный документ не нуждаются в какой-либо особой процедуре признания в стране-участнице. Ходатайство с приложенными к нему документами, указанными в Соглашении, подается стороной, которая испрашивает исполнение решения, непосредственно в исполнительные органы. ... Сторона, против которой вынесено иностранное решение, не лишена права его оспорить. Оспаривание иностранного решения производится по ходатайству стороны, которое подается в компетентный суд по месту, где испрашивается приведение в исполнение»*²³. *«Соглашение не устанавливает обязательного судебного производства по признанию иностранного судебного решения компетентным судом. Наоборот, статья 9 предусматривает судебное производство по отказу в приведении в исполнение решения и закрепляет перечень доказательств, которые должны быть представлены для такого отказа стороной, против которой направлено решение»*²⁴. Если считать такую точку зрения

²² Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 1992. – № 1. С. 114-118.

²³ Шебанова Н.А. Признание и исполнение иностранных решений // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 г. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам. С. 15-16.

²⁴ Неиштаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений

правильной, то как тогда объяснить смысл части 1 статьи 1 Соглашения, согласно которой *«Судебные акты компетентных судов Сторон не нуждаются в специальной процедуре признания [выделено авт.] и исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства на основании исполнительных документов судов, принявших решение»*²⁵?

В-шестых, значение Соглашения не следует и преувеличивать. Оно все же касается только судебных актов государственных арбитражных судов России (а не судов общей юрисдикции) и хозяйственных судов Белоруссии.

Более того, оно посвящено не любым актам государственных арбитражных судов России и хозяйственных судов Белоруссии, а только тем из них, которые выносятся этими судами в качестве компетентных судов по смыслу статьи 4 упомянутого выше Киевского соглашения 1992 г. Это прямо вытекает из части 2 статьи 1 Соглашения: *«Под компетентными судами понимаются арбитражные суды Российской Федерации и хозяйственные суды Республики Беларусь, которые вправе рассматривать споры в соответствии с правилами, установленными статьей 4 Соглашения 1992 года»*.

Между тем статья 4 Киевского соглашения 1992 г. предусматривает: *«1. Компетентный суд государства – участника Содружества Независимых Государств вправе рассматривать упомянутые в статье 1 настоящего Соглашения споры, если на территории данного государства – участника Содружества Независимых Государств:*

а) ответчик имел постоянное место жительства или место нахождения на день предъявления иска.

Если в деле участвуют несколько ответчиков, находящихся на территории разных государств – участников Содружества, спор рассматривается по месту нахождения любого ответчика по выбору истца;

б) осуществляется торговая, промышленная или иная хозяйственная деятельность предприятия /филиала/ ответчика;

в) исполнено или должно быть полностью или частично исполнено

судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам. С. 9.

²⁵ Другие доводы в пользу ошибочности указанной точки зрения см. в работе: Муранов А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2002. С. 27-29.

обязательство из договора, являющееся предметом спора;

г) имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда;

д) имеет постоянное место жительства или место нахождения истец по иску о защите деловой репутации;

е) находится контрагент-поставщик, подрядчик или оказывающий услуги /выполняющий работы/ и спор касается заключения, изменения и расторжения договоров.

2. Компетентные суды государств – участников Содружества Независимых Государств рассматривают дела и в других случаях, если об этом имеется письменное соглашение Сторон о передаче спора этому суду.

При наличии такого соглашения суд другого государства - участника Содружества прекращает производство дел по заявлению ответчика, если такое заявление сделано до принятия решения по делу».

Соответственно, судебный акт хозяйственного суда Белоруссии будет подлежать исполнению в России *de plano* только в том случае, если при рассмотрении спора хозяйственный суд Белоруссии рассматривал не любой спор, а только тот, в котором имели место обстоятельства, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 4 Киевского соглашения 1992 г.

В-седьмых, нераспространение Соглашения на все судебные акты государственных арбитражных судов России и хозяйственных судов Белоруссии, а также его нераспространение на акты судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что интеграция России и Белоруссии будет осуществляться последовательно и принцип национального режима постепенно может быть распространен и на иные выносимые в России и Белоруссии судебные акты.

В-восьмых, одно из обращающих на себя внимание качеств Соглашения состоит в том, что оно является весьма простым и кратким. Это, безусловно, породит массу проблем на практике (некоторые из них будут обозначены ниже), но это же может быть расценено как достоинство Соглашения, если сравнить его с Соглашением о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств-участников Содружества (Москва, 6 марта 1998 г.)²⁶. Последнее было подписано Россией, но не

²⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам.

было ей ратифицировано. На сегодняшний день Соглашение 1998 г. вступило в силу для Азербайджана, Казахстана и Таджикистана. Данное Соглашение 1998 г. представляет собой на редкость неудачную попытку введения регулирования упрощенного порядка исполнения в рамках СНГ решений государственных судов по хозяйственным спорам. Нельзя согласиться с мнением о том, что Соглашение 1998 г. нуждается в скорейшей ратификации: напротив, России, хотя она его и подписала, ни в коем случае не следует его ратифицировать во избежание появления в российском праве многочисленных неясностей, неточностей, противоречий и проблем (особенно для российских банков), из него проистекающих.

Соответственно, на фоне Соглашения 1998 г., неудачность которого во многом обусловлена избыточностью неясной и двусмысленной терминологии²⁷, краткость Соглашения кажется только плюсом.

Анализ положений Соглашения

Однако это может казаться плюсом исключительно при сравнении Соглашения с многословными, но слабыми правилами. С точки же зрения необходимости в адекватном регулировании неразвернутость положений Соглашения должна быть расценена только как серьезный минус. Содержательными в Соглашении являются только статья 1 (*«Судебные акты компетентных судов Сторон не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства на основании исполнительных документов судов, принявших решения»*).

Под компетентными судами понимаются арбитражные суды Российской Федерации и хозяйственные суды Республики Беларусь, которые вправе рассматривать споры в соответствии с правилами, установленными статьей 4 Соглашения 1992 года», статья 2 (*«Исполнительные документы, подписанные судьей и скрепленные гербовой печатью компетентного суда, представляются на русском языке и не требуют легализации»*) и статья 3 (*«Исполнительный документ на взыскание денежных средств направляется взыскателем непосредственно в банк или иную кредитную организацию, обслуживающую должника, если взыскатель располагает сведениями об имеющихся*

²⁷ Муранов А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов. – М.: Юрический Дом «Юстицинформ», 2002. С. 31, 117-122.

там счета должника и о наличии на них денежных средств. Банк или иная кредитная организация на основании исполнительного документа производит списание присужденной суммы со счета должника в таком же порядке, что и при получении указанных документов от организации, находящейся с таким банком или кредитной организацией на территории одного государства.

Если взыскатель такими сведениями не располагает или на счете должника недостаточно средств для погашения всей присужденной суммы долга, а также в иных случаях, исполнительный документ направляется взыскателем (или по его указанию банком либо иной кредитной организацией) судебному приставу-исполнителю (судебному исполнителю) для исполнения в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой необходимо произвести исполнение»).

Впрочем, нельзя забывать и о словах преамбулы Соглашения «*учитывая, что настоящее Соглашение распространяется только на хозяйствующие субъекты Российской Федерации и Республики Беларусь*». Начнем анализ именно с них, а затем последовательно рассмотрим указанные выше статьи Соглашения.

1. Приведенные слова преамбулы ставят очень серьезную проблему: говорится ли в Соглашении о соответствующих судебных актах, которые вынесены в отношении любых лиц, включая и тех, кто не является хозяйствующими субъектами России и Белоруссии, или же в нем говорится исключительно о соответствующих судебных актах, которые вынесены в отношении только хозяйствующих субъектов России и Белоруссии? В пользу первого варианта свидетельствуют статьи 1 и 2 Соглашения, в пользу второго – именно приведенные слова преамбулы.

Далее, если верен второй вариант, то применимо ли Соглашение только в тех ситуациях, когда и истцом, и ответчиком являются хозяйствующие субъекты России и Белоруссии, или же достаточно того, чтобы только истцом или же только ответчиком являлся один хозяйствующий субъект России или Белоруссии? Неясна и ситуация, когда и истцом, и ответчиком являются хозяйствующие субъекты только России или только Белоруссии.

Остается только удивляться тому, почему нельзя было урегулировать этот вопрос в Соглашении не так двусмысленно.

Применительно к преамбуле Соглашения отметим также, что в ней

вряд ли является уместной ссылка на то, что стороны Соглашения при его подписании основываются на Киевском Соглашении 1992 г. В последнем нет ничего, что позволяло бы говорить о том, что Соглашение на нем основывается.

2. Применительно к части 1 статьи 1 Соглашения (*«Судебные акты компетентных судов Сторон не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства на основании исполнительных документов судов, принявших решения»*) встает, прежде всего, вопрос о том, является ли целесообразным подобное допущение исполнения в России иностранных судебных актов, при котором эти акты не подвергаются проверке российских судов даже и с точки зрения необходимости соблюдения их формальной правильности. Думается, что такое допущение явилось скорее итогом политической воли, нежели результатом серьезного изучения вопроса о том, насколько качественно функционирует в Белоруссии система хозяйственных судов, и вопроса о том, не является ли такой порядок исполнения в современных российских условиях нецелесообразным.

Вряд ли при разработке Соглашения был принят во внимание и иностранный опыт. Между тем даже Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений по гражданским и коммерческим спорам (27 сентября 1968 г.)²⁸, действующая между странами Европейского Союза, где уровень интеграции очень высок, предусматривает необходимость обращения за исполнением решения в суд государства места исполнения (с приложением соответствующих документов), а также предусматривает возможность отклонения этим судом ходатайства об исполнении решения, хотя и по строго ограниченным основаниям.

Думается, что разработчики Соглашения напрасно отказались от процедуры хотя бы минимального судебного контроля над приведением решений в исполнение.

Далее, в Соглашении совершенно не учтена возможность возникновения ситуации применительно к исполнению решения хозяйственного суда Белоруссии, когда доподлинно известно, что российский должник был лишен возможности принять участие в процессе вследствие того, что ему не было своевременно и надлежащим образом вручено извещение о рассмотрении дела. Необходимость представления

²⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3.

доказательств такого извещения Соглашением вообще не предусмотрена.

Равным образом в нем не учтена также вполне возможная ситуация с исполнением решения хозяйственного суда Белоруссии в условиях, когда имеется вступившее в законную силу решение российского суда, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Наконец, при разработке Соглашения мог бы быть принят во внимание институт исключительной подсудности российским арбитражным судам споров с наличием иностранного элемента, который в АПК РФ 2002 г. занимает важное место (тем более что АПК РФ 2002 г. разрабатывался в тот же самый период, что и Соглашение).

2.1. С точки же зрения юридической техники, часть 1 статьи 1 Соглашения также обладает немалым недостатком. Сначала в ней упоминается об отсутствии необходимости в специальной процедуре признания актов, а затем вдруг говорится об их исполнении. Между тем различия между признанием и приведением в исполнение иностранных решений традиционно проводятся в отечественных законодательствах²⁹

²⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей» (Ведомости Верховного Совета СССР, – 1988, – № 26, – Ст. 427) предусматривает: «2. *Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, – по месту нахождения его имущества. ...*

4. Рассмотрение ходатайства о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда производится в открытом судебном заседании с извещением должника о времени и месте рассмотрения ходатайства.

Неявка без уважительной причины должника, относительно которого суду известно, что повестка ему была вручена, не является препятствием к рассмотрению ходатайства. Если должник обратился в суд с просьбой о переносе времени рассмотрения ходатайства и эта просьба признана судом уважительной, суд переносит время рассмотрения и извещает должника о новом времени рассмотрения ходатайства.

5. Выслушав объяснения должника и рассмотрев представленные документы, суд выносит определение о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда или об отказе в этом. ...

10. Решения иностранных судов, которые не подлежат принудительному исполнению, признаются без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения против этого.

и доктрине³⁰, ввиду чего игнорирование в Соглашении таких различий является, по меньшей мере, странным. В свете разграничения признания и приведения в исполнение иностранных решений абсурдным является смысл слов части 1 статьи 1 Соглашения о том, что решения признаются без какой-либо процедуры, но затем приводятся в исполнение: признание решения именно потому является признанием, что отсутствует необходимость в его исполнении.

Однако нельзя исключать того, что разработчики Соглашения под признанием иностранных решений понимали именно приведение их в исполнение. В таком случае только что отмеченный недостаток места иметь не будет. Однако он немедленно замещается другим серьезным недостатком: получается, что Соглашение посвящено только тем судебным актам, которые требуют исполнения, но умалчивает о тех актах, которые принудительно исполняться не должны, и не могут. Между тем такие акты встречаются в практике очень часто (например, акты о признании сделки недействительной). Кроме того, нельзя забывать и о судебных актах, которые отказывают в удовлетворении исковых заявлений, прочих заявлений и жалоб. Исполнительные листы на основании всех таких актов не выдаются. Однако в части 1 статьи 1 Соглашения говорится именно о необходимости наличия исполнительных листов. В итоге оказывается, что очень большое количество судебных актов оказывается не охватываемым Соглашением: оно распространяется только на те акты, на основании которых могут быть выданы исполнительные листы.

Такое игнорирование различий между признанием и приведением в исполнение иностранных решений является крайне серьезным мето-

Заинтересованное лицо может в течение месячного срока после того, как ему стало известно о поступлении решения иностранного суда, заявить в Верховный Суд союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховный Суд автономной республики, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту своего жительства (нахождения) возражения против признания этого решения.

Возражения заинтересованного лица против признания решения иностранного суда рассматриваются в открытом судебном заседании с извещением этого лица о времени и месте рассмотрения. ...» (подчеркнуто авт.).

³⁰ «Признание иностранного акта не требует какого-либо решения или распоряжения со стороны советского суда или советского административного органа: оно может выразиться в том, что советский орган власти будет основывать на иностранном акте признание соответствующих прав или обязанностей» (Луцк Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права. Том 3. Международный гражданский процесс. – М., 1976. – С. 191).

дологическим недостатком Соглашения. Весьма нелогично допускать исполнение одних судебных актов *de plano*, но не допускать *de plano* признание других судебных актов. Думается, что это не столько юри-дико-политическое упущение, сколько юри-дико-техническое.

Не вполне понятна и терминологическая неточность части 1 статьи 1 Соглашения: сначала в ней говорится о судебных актах, а затем используется слово «решения» применительно к выдаче исполнительных листов. Однако в России исполнительные листы могут выдаваться не только на основании решений, выносимых государственными арбитражными судами первой инстанции, но также и на основании постановлений вышестоящих инстанций.

3. Часть 2 статьи 1 Соглашения (*«Под компетентными судами понимаются арбитражные суды Российской Федерации и хозяйственные суды Республики Беларусь, которые вправе рассматривать споры в соответствии с правилами, установленными статьей 4 Соглашения 1992 года»*) с точки зрения юридической техники никакими недостатками не обладает. Вместе с тем, с юри-дико-политической точки зрения, обращает на себя внимание то, что эта норма предусматривает исполнение не любых судебных актов любых судов России и Белоруссии. Во-первых, это должны быть судебные акты государственных арбитражных судов России или хозяйственных судов Белоруссии. Во-вторых, в Соглашении речь идет не о любых судебных актах таких судов, а только некоторых, т.е. тех, которые вынесены упомянутыми судами в качестве компетентных судов по смыслу статьи 4 упомянутого выше Киевского соглашения 1992 г.

Думается, что такой подход следует признать правильным: допущение исполнения в России любых актов хозяйственных судов Белоруссии было бы преждевременным.

4. В отношении статьи 2 Соглашения (*«Исполнительные документы, подписанные судьей и скрепленные гербовой печатью компетентного суда, представляются на русском языке и не требуют легализации»*) отметим то, что неуказание в ней на отсутствие необходимости в проставлении апостиля вовсе не означает, что апостиль необходим (хотя и Россия, и Белоруссия являются участниками Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов (Гаага, 5 октября 1961 г.)³¹). Дело в том, что статья 3 этой Конвенции предусматривает: *«Единственной формальностью, которая мо-*

³¹ Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 6.

жет быть потребована для удостоверения подлинности подписи, качества, в котором выступало лицо, подписавшее документ, и, в надлежащем случае, подлинности печати или штампа, которыми скреплен этот документ, является проставление предусмотренного статьей 4 апостилиа компетентным органом государства, в котором этот документ был совершен.

Однако выполнение упомянутой в предшествующем абзаце функции не может быть потребовано, если законы, правила или обычаи, действующие в государстве, в котором представлен документ, либо договоренность между двумя или несколькими договаривающимися государствами, отменяют или упрощают данную процедуру или освобождают документ от легализации» (выделено авт.).

Применительно к статье 3 Соглашения какие-либо замечания с точки зрения юридической техники отсутствуют.

5. Если же рассматривать статьи 1, 2 и 3 Соглашения в совокупности, то они, безусловно, породят на практике большое количество проблем. Отказ в Соглашении от процедуры хотя бы минимального судебного контроля над приведением решений в исполнение и его неразвернутый характер ставят, в частности, следующие вопросы:

Как быть в ситуации, когда взыскатель представил исполнительные документы, выданные на основании решения, при вынесении которого хозяйственный суд Белоруссии не действовал в качестве компетентного суда по смыслу статьи 4 упомянутого выше Киевского соглашения 1992 г.? Имеет ли право российский банк или судебный пристав-исполнитель отказаться исполнять такие исполнительные документы?

Как быть с исполнительными документами, которые составлены хозяйственным судом Белоруссии с нарушением законодательства Белоруссии? Как следует устанавливать, составлены ли такие исполнительные документы с соблюдением законодательства Белоруссии?

Допустим ли возврат исполнительного листа российским судебным приставом-исполнителем в хозяйственный суд Белоруссии, и если да, то какова процедура возврата?

Может ли российский судебный пристав-исполнитель обратиться за разъяснением судебного акта к хозяйственному суду Белоруссии?

Как быть с исполнительными документами, которые выданы на основании решения суда первой инстанции, вступившего в силу из-за отсутствия подачи на него апелляционной жалобы, в случае, если такая жалоба подается, а срок на ее подачу восстанавливается?

Каковы сроки предъявления исполнительных документов взыскателем, ссылающимся на Соглашение, к исполнению? Если исходить из пункта 2 статьи 246 АПК РФ 2002 г., то этот срок составит три года. Между тем согласно пункту 1 статьи 14 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве»³², для исполнительных листов, выдаваемых на основании судебных актов российских государственных арбитражных судов, срок предъявления к исполнению составляет шесть месяцев. Столь явное различие применительно к актам, выносимым в отношении субъектов, для которых декларируется стремление создать равные условия, вряд ли является оправданным.

Между тем всех этих неясностей и неточностей в Соглашении можно было бы без труда избежать.

В итоге можно сделать вывод о том, что Соглашение обладает очень серьезными недостатками. Его принятие преследовало скорее политические цели и является своего рода декларацией. Учитывая вышеизложенное, оно и по содержанию является скорее декларативным. В письме Президента РФ от 1 апреля 2002 г. № Пр-551 в Государственную Думу, которым Соглашение было внесено на ратификацию, говорится, что «*Соглашение отвечает интересам Российской Федерации*». Однако в любом случае Соглашение по своему содержанию не отвечает долгосрочным интересам развития российского международного гражданского процесса: последнее в современных условиях не должно стремиться к тем упрощенным подходам, иллюстрацию использования которых являет собой Соглашение.

³² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3591.

Международно-правовое регулирование налогообложения доходов от использования имущества физических лиц

*Скачков Н.Г. **

Налоговые системы разных стран сложились и продолжают совершенствоваться под воздействием различных экономических, политических и социальных условий. Национальные фискальные приоритеты определяют порядок взимания налоговых поступлений и их организационно-правовые характеристики. Государство остается свободным как в установлении размеров налоговой ставки для того или иного вида налогов, так и в обосновании форм ее взаимосвязи с предметом налогообложения. Финансовый закон того или иного государства устанавливает и правила введения льготных налоговых режимов.

Создается впечатление, что налоговые системы различных государств могут быть в принципе лишены каких-либо общих, характерных черт. Однако, это отнюдь не так. Существует по крайней мере один институт, который придает всем налоговым системам органическое единство. Речь идет о категории «субъект налогообложения», которая включает в себя организации и физические лица. В любой стране мира последние выступают в качестве активных участников процесса налогообложения. Существует множество фактов, подтверждающих это утверждение.

Во-первых, неоспоримым является тезис о том, что сама деятельность индивидов создает те денежные средства, которые подлежат налогообложению. Для фискальных органов интерес представляют также и капитальные вложения физических лиц, а также доходы от сдачи в аренду принадлежащего им имущества.

Во-вторых, участие физических лиц в налоговой системе позволяет уточнить существующие стадии налоговых правоотношений. В рамках первой стадии реализуется прямая обязанность налогоплательщика по внесению в бюджетную систему государства или внебюджетный государственный (местный) фонд определенной денежной суммы в

* Скачков Никита Геннадьевич – к.ю.н., доцент кафедры международного права МГЮА.

соответствии с установленными ставками и в предусмотренные законом сроки. Здесь физическое лицо действует как субъект налогообложения. Если налог не был выплачен в установленном порядке, то физическое лицо уже следует рассматривать как носителя налога (потенциального налогоплательщика).

В-третьих, нельзя не отметить, что физические лица как компоненты налоговой системы предопределяют форму поступления налогов в бюджет. Если государство сочтет для себя предпочтительным взимать налоговый платеж как с субъектов налогообложения, так и с носителей налога, то оно будет вынуждено ввести систему надбавок на товары, на оплату услуг, потребляемых получателем первичных доходов. Эти мероприятия заставят государство использовать так называемую косвенную систему привлечения налогов в бюджет. Однако государство может сформировать базу налогообложения из первичных доходов субъектов налогообложения.

И, наконец, очевидно, что участие физических лиц в процессе налогообложения оказывает влияние и на классификацию налоговых платежей, оставляя государству право на введение личных и реальных налогов.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что физические лица выступают в качестве одного из связующих элементов механизма налогообложения в любом государстве. В таком случае их участие в структуре налогообложения объективно нуждается в эффективной и работоспособной системе правового регулирования. Наиболее предпочтительным способом формирования такой системы является создание общих, универсальных принципов и подходов к налогообложению доходов физических лиц. Единственную возможность реализации этого способа следует искать в последовательном заключении международных соглашений, которые помогают решать те или иные проблемы, связанные с налогообложением. Обратимся к международным налоговым соглашениям и рассмотрим, как они регулируют налогообложение доходов от использования имущества физических лиц.

Прежде всего, соглашения об устранении двойного налогообложения детально регламентируют порядок налогообложения прибыли, полученной в силу перехода к другому владельцу основных средств — недвижимого имущества. Очевидно, что при создании режима налогообложения доходов от различных форм реализации имущества со-

глашения по налоговым вопросам должны прежде всего установить, какое из двух государств – участников соглашения вправе облагать налогом денежные поступления от подобных операций.

Соглашения по проблемам налогообложения, конечно, могут наделить таким правом то государство, в пределах которого это имущество находится. Многие международные акты по налоговым вопросам нашли наиболее предпочтительной именно такую форму установления налоговой юрисдикции. Они утверждают, что государство – место нахождения имущества однозначно наделяется всеми полномочиями к налогообложению любого вида недвижимости, находящегося на его территории. Очевидную приверженность данному подходу продемонстрировали Конвенция между Правительствами Российской Федерации и Республики Мали об избежании двойного налогообложения и установлении правил оказания взаимной помощи в отношении налогов на доходы и имущество от 25 июня 1996 г. Аналогична по своему характеру, например, Конвенция между Правительствами Российской Федерации и Чешской Республики от 17 ноября 1995 г.¹.

Однако среди соглашений об избежании двойного налогообложения, вступивших в силу в 1999-2001 гг., возобладал иной принцип определения налоговой юрисдикции недвижимости, который лишь предполагает, что государство – место нахождения имущества обладает полномочиями к участию в налогообложении. Подобное допущение содержится в соглашениях между Правительствами Российской Федерации и Азербайджанской Республики от 4 сентября 1997 г. и между Правительствами Российской Федерации и Литовской Республики от 29 июня 1999 г. Как устанавливают эти документы, доходы, получаемые лицом с постоянным местом пребывания в одном договаривающемся государстве от отчуждения недвижимого имущества, находящегося в другом договаривающемся государстве, могут облагаться налогом в этом другом государстве².

Оценивая данный подход по существу, хотелось бы отметить, что предоставление государству одной лишь возможности взимать налоговые платежи с недвижимого имущества, находящегося на его терри-

¹ См.: Сборник межправительственных и межгосударственных соглашений, заключенных Российской Федерацией с другими странами по вопросам налогообложения. М., 1997. Вып. V. С. 54. См. там же. С. 68.

² См.: Межправительственные соглашения Российской Федерации по вопросам избежания двойного налогообложения. М., 2000. С. 232. См. Также: Иностранный капитал в России. 2000. № 2. С. 50.

тории, может вызвать к жизни утверждение об отсутствии какой-либо определенной позиции по рассматриваемому вопросу. Тем не менее, это не так. Соглашения по-прежнему прямо закрепляют право налогообложения указанного ранее вида дохода за договаривающимся государством.

Однако соглашения избегают жесткой формы обязательного взимания налога. Причину этому следует искать в различиях, которые, несомненно, возникают при обложении налогами доходов от коммерческого использования недвижимости. Так, более чем вероятно, что в подавляющем большинстве государств база налогообложения недвижимого имущества не может не включать в себя те денежные средства, которые составляют прирост его стоимости. Тогда государствам следует просто добавлять прирост стоимости имущества к совокупному доходу, полученному из других источников, и облагать его налогом как совокупный доход. Вполне возможно, однако, что в некоторых странах налоговые платежи взимаются со всего прироста стоимости имущества в течение налогового года. Фактически речь идет о специальных ставках налогообложения недвижимости. Вполне допустим и иной вариант – недвижимость просто освобождается от налогообложения.

Применяя условную формулу наделения государства правомочиями в сфере налогообложения, соглашение подтверждает, что один его участник может устанавливать форму налогообложения недвижимости, отличную от той, что существует в иной договаривающейся стране. Это позволит другому государству избежать необходимости внесения изменений в свое законодательство (например, в том случае, когда по внутреннему законодательству взимание налогов с доходов от отчуждения недвижимости не предусмотрено).

Установив режим налогообложения доходов от реализации недвижимого имущества, соглашения обращают свое внимание на доходы от реализации имущества движимого. Порядок налогообложения доходов от отчуждения движимого имущества объективно сложился довольно давно и во многом обязан Типовой модельной конвенции ОЭСР по налоговым вопросам 1977 г. Именно в этом документе был сформулирован тезис о том, что движимое имущество только тогда представляет интерес для налогообложения, когда оно всецело принадлежит постоянному деловому учреждению, подчиняющемуся налоговой юрисдикции иной страны. Право на участие в налогообложении дви-

жимого имущества принадлежит этому другому государству, а основанием для взимания налоговых платежей является наличие факта использования самого имущества³.

Простая конструкция налогообложения доходов от отчуждения движимого имущества по Модельному соглашению ОЭСР 1977 г. позволила разработчикам целого ряда соглашений по налоговым вопросам использовать рекомендации Типового акта ОЭСР в качестве наиболее приемлемого варианта. К числу таких документов относятся соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины об избежании двойного налогообложения от 8 февраля 1995 г. и между Российской Федерацией и Швейцарской Конфедерацией от 15 ноября 1995 г.⁴

Не подлежит сомнению, что данные соглашения не проводят различий между доходами, полученными от отчуждения движимого имущества постоянного представительства, и доходами, приобретенными от отчуждения движимого имущества предприятия, учредившего настоящее постоянное представительство. В связи с чем возникает следующий вопрос: возможна ли ситуация, когда соглашения воспринимают движимое имущество лишь как часть имущества предприятия, учредившего постоянную базу на территории иной страны? Исходя из опыта ряда соглашений, движимое имущество можно рассматривать и как часть имущества предприятия, создающего постоянное представительство. В частности, подобный подход характерен для Конвенции между Правительствами Российской Федерации и Республики Кипр об избежании двойного налогообложения от 5 декабря 1998 г. и для аналогичного соглашения между Правительствами Российской Федерации и Королевства Марокко от 4 сентября 1997 г.⁵

Разработчики соглашения между Правительствами России и Республики Кипр и подобного ему договора, заключенного Российской Федерацией с Королевством Марокко, очевидно, исходили из концепции, что движимое имущество представлено деловыми (производственными, коммерческими) активами, а доходы от их отчуждения должны облагаться налогами в той стране, которая по условиям соглашения

³ Model Double Taxation Convention on Income and on Capital. Paris. 1977. P. 35.

⁴ См.: Сборник межправительственных и межгосударственных соглашений, заключенных Российской Федерацией с другими странами, по вопросам налогообложения. М., 1996. Вып. IV. С. 26. См. там же. С. 6.

⁵ Сборник межправительственных соглашений Российской Федерации по вопросам избежания двойного налогообложения. М., 2000. С. 11. См. там же. С. 213.

имеет право на предъявление налоговых притязаний как к доходам от имущества, так и к собственнику такого имущества.

Как следует из соглашений, сам процесс отчуждения движимого имущества означает, очевидно, не только продажу этого имущества. Он может включать в себя и некий способ осуществления правомочий по распоряжению имуществом. Видимо, этим и обусловлено то обстоятельство, что в приведенных соглашениях столь явно наметилось стремление к учету в составе налогооблагаемых доходов также и той прибыли, что получена от отчуждения имущества предприятия-резидента, ведущего свои дела в иной стране.

Международно-правовые документы убедительно свидетельствуют в пользу эффективности рассматриваемого метода взимания налоговых платежей с движимого имущества. Более чем вероятно, что он и в дальнейшем будет использоваться в соглашениях по налоговым вопросам. Тем не менее, некоторые негативные аспекты данного метода все же просматриваются. Так, подавляющее большинство соглашений утверждает, что под движимым имуществом подразумеваются лишь те материальные вещи, которые находятся в распоряжении постоянного делового учреждения. Такая практика может привести к исключению из сферы действия налогового договора материальных объектов, которые хотя и относятся к категории движимого имущества, но не связаны с постоянным представительством.

Для того чтобы не допустить подобных ситуаций, разработчики налоговых соглашений вносят соответствующие коррективы в перечень движимых вещей. Тенденция к постоянному изменению списка материальных вещей – объектов налогообложения отчетливо проявляется в соглашениях, датированных 1999-2000 гг. Так, Соглашение между Правительствами Российской Федерации и Республики Индонезия об избежании двойного налогообложения от 12 марта 1999 г. предусматривает режим налогообложения доходов от отчуждения имущества индивидов, которые эмигрировали в другую страну и в силу этого перестали быть налоговыми резидентами одного из государств – участников соглашения⁶.

В то же время Соглашение об избежании двойного налогообложения между Правительствами Российской Федерации и Австралии (Австралийского Союза) от 7 сентября 2000 г. признает движимым имуществом акции от долевого участия физического лица в прибылях ком-

⁶ Собрание законодательства РФ. 2000. № 20, ст. 4741.

паний; для целей налогообложения не имеет значения, находится ли эта хозяйственная структура в прямом или опосредованном владении⁷.

Международно-правовой и внутригосударственной юридической практике хорошо известны случаи, когда та или иная материальная вещь объявляется движимым имуществом на том основании, что она способна перемещаться в пространстве. Естественно, такое признание возможно лишь по отношению к транспортным средствам. Рассмотрим, как различные соглашения по налоговым вопросам регламентируют процесс налогообложения прибыли от использования таких средств.

Международные нормотворческие акты создают довольно сложную, многокомпонентную систему налогообложения доходов от тех или иных форм эксплуатации транспортного оборудования. Первый ее элемент, как может показаться, не имеет особого отношения к физическим лицам. Речь идет о процедуре идентификации той или иной материальной вещи в качестве транспортного средства. В ходе данной процедуры многие соглашения исходили из общей логики понятия «транспортное средство» и видели в нем некий механизм, призванный осуществлять международные перевозки грузов и пассажиров в морской среде, по суше и в воздухе⁸.

Вместе с тем, для перевозки товаров или изделий используется также и специальное оборудование, скажем контейнер. Можно ли классифицировать контейнер как транспортное средство? Анализ документов дает утвердительный ответ на данный вопрос. Нормы, признающие контейнеры и трейлеры в качестве транспортных средств, содержатся в Конвенции об избежании двойного налогообложения, заключенной 26 ноября 1996 г. между Правительствами Российской Федерации и Французской Республики, в Соглашении между Правительствами Российской Федерации и Республики Индия об избежа-

⁷ Собрание законодательства РФ. 2000. № 49, ст. 4742.

⁸ См., напр., Соглашение между Правительствами Российской Федерации и Республики Польша об избежании двойного налогообложения доходов и имущества от 22 мая 1992 г. // Сборник межгосударственных и межправительственных соглашений, заключенных Российской Федерацией с другими странами, по вопросам налогообложения. М., 1996. Вып. II. С. 83. См. также Конвенцию между Правительствами Российской Федерации и Румынии об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество от 27 сентября 1993 г. // Сборник межгосударственных и межправительственных соглашений, заключенных Российской Федерацией с другими странами, по вопросам налогообложения. М., 1996. Вып. II. С. 160.

нии двойного налогообложения от 27 марта 1997 г. и в иных подобных актах⁹.

Вероятно, разработчики вышеприведенных соглашений рассматривали контейнер или трейлер в качестве транспортного средства лишь в случаях их использования по прямому назначению. Однако при достаточно формальном подходе контейнер, трейлер, иное аналогичное устройство может классифицироваться в качестве транспортного средства и при складировании имущества, подлежащего перевозке, или в иных вспомогательных операциях. Именно об этом казусе идет речь в Соглашении между Правительствами Российской Федерации и Королевства Нидерландов об избежании двойного налогообложения от 16 декабря 1996 г.¹⁰

Второй элемент системы налогообложения доходов от эксплуатации транспортных средств состоит в создании режима взимания налоговых платежей. Соглашения об устранении двойного налогообложения допускают, что право взимать такого рода налоги принадлежит тому государству, где постоянно проживает физическое лицо – приобретатель прибыли. Конвенции по налогообложению по-разному отвечают на вопрос, должен ли данный индивид быть собственником транспортного средства. Так, договоры, подобные Соглашению между Правительствами Российской Федерации и Республики Болгария об избежании двойного налогообложения от 8 июня 1993 г., утверждают, что прибыль от эксплуатации транспортного средства признается налогооблагаемой лишь в том случае, когда ее получает владелец такого средства¹¹.

В то же время аналогичное Соглашение между Правительствами Российской Федерации и Туркменистана от 14 января 1998 г. допускает ситуацию, когда приобретатель прибыли выступает лишь в качестве совладельца транспортного предприятия или просто обслуживает средства перевозки¹².

⁹ См. Сборник межправительственных и межгосударственных соглашений, заключенных Российской Федерацией с другими странами, по вопросам налогообложения. М., 1997. Вып. V. С. 112. См. там же. С. 129.

¹⁰ Сборник межправительственных соглашений Российской Федерации по вопросам избежания двойного налогообложения. М., 2000. С. 171.

¹¹ Сборник межправительственных и межгосударственных соглашений по налоговым вопросам, заключенных Российской Федерацией с другими странами. М., 1996. Вып. II. С. 103.

¹² Сборник межправительственных соглашений Российской Федерации по вопросам избежания двойного налогообложения. М., 2000. С. 90.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, соглашения по налоговым вопросам формулируют многоплановый режим налогообложения, который органично включает в себя множество норм налогового договора, но допускает их неоднозначное толкование. Так, например, регламентация налогообложения доходов от уступки имущества осуществляется посредством применения как специальных норм межправительственного соглашения, так и тех, которые регулируют взимание налоговых платежей от прямого использования этого имущества. Вероятно, разработчики соглашений предприняли данный шаг, стремясь избежать усложнения процедур налогообложения, увеличения спорных, конфликтных ситуаций.

Во-вторых, нельзя не согласиться с исследователем В.А. Кашиным в том, что налогообложению в первую очередь, подлежит регистрируемое отчуждаемое имущество физических лиц¹³.

Действительно, государство готово предпринять попытку привлечь к налогообложению такие виды имущества, как личные активы граждан (домашнее имущество, частные коллекции, счета в банках). Однако подобная налоговая политика чревата оттоком средств из национальных кредитных учреждений, отказом оформления страховки на имущество.

¹³ См.: Кашин В.А. Налоговые соглашения России. М., 1998. С. 256.

Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве

Ходыкин Р.М.*

В связи с принятием третьей части Гражданского кодекса РФ, раздел VI которого посвящен международному частному праву, представляется необходимым для единообразного понимания и применения его положений подвергнуть серьезному теоретическому анализу ряд его новелл. Одним из таких нововведений является критерий наиболее тесной связи, достаточно давно применяющийся во многих иностранных государствах.

Критерий наиболее тесной связи содержится в качестве генерального правила в п. 2 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – «ГК РФ») и применяется при невозможности определить применимое право на основании международных договоров Российской Федерации, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации. В качестве общего правила в ст. 1211 ГК РФ также указывается, что «при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан».

Близко к критерию наиболее тесной связи стоит так называемый «импрессионистский» подход, изначально выработанный английской судебной практикой и в значительной степени воспринятый во многих других странах общего права, – состоящий в применении закона, свойственного данному конкретному договору (*proper law of the contract*). Основой «импрессионистского» подхода является то, что он не следует четким коллизионным критериям, а определяет применимое право для каждого конкретного дела в гибкой манере¹. Причем, независимо от того, какой теории придерживаются английские юристы – теории «намерения сторон» или теории «локализации договора» они употребляли термин «наиболее тесная связь»². Уэстлейк считает, что этот объективный критерий решения проблемы активно использу-

* Ходыкин Роман Михайлович – аспирант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

¹ Castel J.-G. Introduction to Conflict of Laws, Butterworth, 1968. P. 11.

² См.: Чешир Дж., Норт П. Международное частное право / Под ред. и со вступительной статьей д.ю.н. М.М. Богуславского. – М., 1982. С. 246.

ется английскими судами, и «право, определяющее внутреннюю действительность и юридические последствия договора, выбирается в Англии по соображениям существа дела, и предпочтение отдается той стране, с которой сделка имеет наиболее реальную связь, а не закону места заключения сделки как таковому»³. Право, свойственное договору, схоже с континентальным *lex causae* – с той лишь разницей, что определяется в более гибкой манере, с учетом всех обстоятельств дела, а не только жесткого коллизионного критерия, такого, например, как место заключения договора.

Однако, для науки международного частного права интересным представляется вопрос о правовой природе критерия «наиболее тесной связи», а именно: является ли он обычной коллизионной привязкой, либо это коллизионный принцип, который действует сам по себе, без необходимости закрепления в коллизионных нормах? Выяснение правовой природы данного критерия имеет важное теоретическое и практическое значение. В международном частном праве принцип, как научная категория, имеет более широкое и универсальное применение, нежели коллизионная норма. Принцип является основным началом, который должен учитываться при создании коллизионных норм, в то время, как коллизионная норма является лишь частным случаем воплощения такого принципа. Кроме того, принцип является генеральным основополагающим началом, которому все коллизионные нормы должны соответствовать.

В литературе высказывались различные взгляды на правовую природу критерия «наиболее тесной связи».

Так, С.Н. Лебедев указывает: «по сути дела конструкция «свойственного договору закона», будучи адресована исключительно судье, служит закреплением его полной дискреционной власти, а не выражением коллизионной нормы в собственном смысле слова»⁴. Е.В. Кабатова также указывает, что «если сравнить структуру обычной коллизионной нормы с привязкой «тесная связь», то мы вынуждены будем признать, что «тесная связь» очень мало на нее похожа»⁵.

³ Westlake J.A. Treatise on Private International Law, 7-th ed., 1925. S. 219.

⁴ Лебедев С.Н. К пересмотру Гаагской конвенции 1955 года // Правовые аспекты осуществления внешнеэкономических связей. Сборник научных трудов / Под ред. С.Н. Лебедева, В.А. Кабатова, Р.Л. Нарышкиной. – М., 1985. С. 65.

⁵ Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве // Международное частное право. Современная практика. Сборник статей под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М., 2000. С. 9.

Напротив, О.Н. Садиков рассматривает критерий наиболее тесной связи как привязку коллизионной нормы⁶. Аналогичной точки зрения придерживаются И.Л. Кичигина⁷ и В.П. Звеков⁸.

Для определения правовой природы критерия «наиболее тесной связи» необходимо подвергнуть его анализу с точки зрения структуры коллизионной нормы и порядка ее действия.

Традиционно указывалось, что коллизионная норма имеет двухзвенную структуру – объем и привязку. Высказывались также мнения, что коллизионная норма имеет трехзвенную структуру. Так Г.К. Дмитриева считает, что объем коллизионной нормы, по сути, является гипотезой, и, кроме того, коллизионная норма имеет санкцию⁹. Кроме того, О.Н.Садиков полагает, что коллизионная норма, помимо объема и привязки, имеет третий элемент – гипотезу¹⁰. Однако, в силу небольшого объема настоящей работы автор не будет рассматривать вопрос о наличии в коллизионной норме гипотезы и санкции, к тому же, для целей исследования это не имеет решающего значения.

Под объемом коллизионной нормы следует понимать указание на отношения гражданско-правового характера, к которым эта норма применяется¹¹. В вышеприведенном тексте п. 1 ст. 1211 ГК РФ объемом коллизионной нормы является указание на договорные отношения. Собственно, с точки зрения соотнесения критерия «наиболее тесной связи» с объемом коллизионной нормы никаких проблем не возникает. Сложности возникают, когда мы пытаемся выяснить, является ли критерий «право страны, с которой договор наиболее тесно связан», привязкой коллизионной нормы или нет. Под привязкой коллизионной нормы традиционно понимается указание на правовую систему (национальное законодательство), подлежащее применению к данно-

⁶ См.: Садиков О.Н. Коллизионные нормы в современном международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1982, – М., 1983. С. 218.

⁷ См.: Кичигина И.Л. Коллизионный и материально-правовой метод регулирования в международном частном праве. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. – М., 1987. С. 124.

⁸ См.: Звеков В.П. Международное частное право. Курс лекций. – М., 2000. С. 123-125.

⁹ См.: Международное частное право. Учебник / Под ред. проф. Дмитриевой Г.К. – М., 2001. С. 98-100.

¹⁰ См. Международное частное право: современные проблемы. – М.: ТЕИС, 1994. С. 154-155.

¹¹ См. например, Международное частное право: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. Марышевой Н.И. – М., 2000. С. 57.

му виду отношений¹². Право позволяет формулировать коллизионную привязку в двух формах. Возможно, указание в качестве применимого права на право конкретной страны, как правило, право страны суда – это односторонние коллизионные нормы. Примером односторонней коллизионной нормы может служить п. 3 ст. 1197 ГК РФ – «признание в Российской Федерации физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным подчиняется российскому праву». Но возможно и указание общего признака, на основании которого определяется применимое право¹³ – это двусторонние коллизионные нормы. Привязка такой коллизионной нормы определяет критерий, иначе именуемый формулой прикрепления, на основании которого устанавливается компетентный закон. Толкуя вышеприведенное определение буквально, можно сделать вывод, что слова «право страны, с которой договор наиболее тесно связан», можно рассматривать как признак (критерий), на основании которого определяется применимое право. Другое дело, что этот признак сформулирован не так конкретно, как, например, в случае с традиционными привязками, такими как: *lex rei sitae*, *lex loci contractus*. В связи с этим, представляется спорным вывод, о невозможности признания критерия «наиболее тесной связи» коллизионной привязкой, потому что «...привязка коллизионной нормы всегда указывает на конкретную правовую систему, подлежащую применению»¹⁴. На такую конкретную правовую систему может указывать лишь привязка односторонней коллизионной нормы, которая прямо и однозначно предписывает нормы какого государства подлежат применению. Привязка же двусторонней коллизионной нормы не указывает на конкретную правовую систему, а лишь представляет собой критерий определения правовой системы, подлежащей применению. Другое дело, что традиционные коллизионные привязки сформулированы с большей степенью определенности, нежели нормы, поддерживающие критерий «наиболее тесной связи».

Еще одно возражение, высказываемое в литературе против признания критерия наиболее тесной связи привязкой коллизионной нормы состоит в том, что «...процесс нахождения и, что самое важное, ре-

¹² См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. – М.: Юридическая литература, 1973. С. 174; Кичигина И.Л. Указ. соч. С. 117; Международное частное право: современные проблемы. – М.: ТЕИС, 1994. С. 145

¹³ См.: Международное частное право: современные проблемы. – М.: ТЕИС, 1994. С. 151.

¹⁴ Кабатова Е.В. Указ. соч. С. 9.

зультат нахождения применимого права весьма отличен от действия обычной коллизионной нормы. Это дает нам основание говорить о том, что нахождение тесной связи – не результат применения коллизионной нормы, а результат применения общего принципа, уже широко используемого в современном МЧП для определения применимого права»¹⁵. Безусловно, такая постановка вопроса отличается от ранее высказанных в отечественной науке международного частного права, однако, указанный тезис требует дополнительного обоснования, без которого он не может быть положен в основу разделения коллизионного принципа и коллизионной нормы. Процесс нахождения применимого права представляет собой соотнесение фактических обстоятельств дела с определенной правовой нормой. М. Вольф писал: «Всякое судебное решение представляет собой силлогизм, в котором большой посылкой служит юридическая норма... малой посылкой является фактический состав дела»¹⁶. Судья, определяя применимое право, истолковывает понятия коллизионной нормы и, в соответствии с толкованием, определяет право, подлежащее применению. Квалификация понятий в различных странах производится по-разному, что, в конечном итоге, может привести к различным результатам. Но из этого не делается вывод, что привязка коллизионной нормы сформулирована расплывчато и, следовательно, таковой вообще не является. Судья, в случае применения привязки «наиболее тесной связи», руководствуется определенными критериями в ее определении, однако и, применяя традиционную коллизионную норму, судья также руководствуется определенными критериями в толковании понятий её коллизионной привязки! С первого взгляда процесс нахождения применимого права, действительно, может показаться отличным от процесса применения обычных коллизионных норм. Но, при более внимательном анализе можно прийти к выводу, что процесс применения коллизионной привязки *lex loci contractus* или «наиболее тесной связи» одинаковы. Судья и в том, и в ином случае применяет право определенной страны, на основании критериев, заложенных в коллизионной привязке и в соответствии с принятой судом квалификацией. Кроме этого, необходимо учитывать, что в отечественной науке МЧП господствует мнение о том, что коллизионная норма не просто отсылает к иностр-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вольф М. Международное частное право / Под ред. и с предисловием проф. Л.А. Лунца. – М., 1948. С. 240.

ранной норме, а вместе с такой нормой создает правило поведения для участников гражданского оборота¹⁷, т.е. в данном случае речь идет о регулятивной функции коллизионной нормы. Таким образом, результат определения применимого права будет тоже одинаков – регулирование конкретного правоотношения совместно применяемыми коллизионной и материально-правовой нормами. Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что процесс и результат нахождения применимого права в соответствии с коллизионной привязкой «наиболее тесной связи» существенно не отличаются от аналогичных действий в отношении традиционных «жестких» коллизионных привязок.

Поэтому сегодня нельзя говорить, что критерий «наиболее тесной связи» не является привязкой коллизионной нормы.

Однако, следует признать, что критерий «наиболее тесной связи» является одновременно и генеральным принципом формирования содержания коллизионных норм. Действительно, чем должен руководствоваться законодатель, устанавливая коллизионную норму *lex rei sitae* или, скажем, *lex venditoris*? Он должен устанавливать такую коллизионную норму, которая наиболее тесно связано с правоотношением. Еще в отечественной дореволюционной литературе профессор, барон Б.Э. Нольде писал: «в каждой коллизионной норме имеется известное задание и ключ к решению проблемы; этот ключ заключается в том, что устанавливается обязательная связь известных правоотношений с какой-либо (а иногда и несколькими) материальной гражданской нормой. Жизненный нерв нормы именно в формуле определяющей эту связь»¹⁸. Таким образом наличие «наиболее тесной связи» с правоотношением необходимо и безусловно и, в этом случае, коллизионная норма является законченной.

Л. Раапе пишет: «Коллизионная норма обязательно указывает на ту или иную связь, которая существует между государством, к материальной норме которого отсылает коллизионная норма, с одной стороны, и с (мыслимым) фактическим составом, который лежит в основании данной материальной нормы, – с другой. Эта связь, очевидно, служит причиной, почему коллизионная норма дает именно этому

¹⁷ Эта точка зрения была сформулирована в работах И.С. Перетерского и В.М. Корейского и в дальнейшем развита Л.А. Лунцем. Она является преобладающей в современной отечественной науке международного частного права.

¹⁸ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Под ред. проф. В.Э. Грабаря. С дополнениями редактора и автора раздела частного международного права, составленными проф., бар. Б.Э. Нольде. – Юрьев, 1909. С. 471.

государству преимущество перед другими государствами, к которым в отдельном случае фактический состав также может иметь то или иное отношение. Связь, о которой говорится в коллизионной норме, представляется законодателю самой важной, более важной, чем все другие связи. Именно она служит связующим звеном, точкой или основанием привязки»¹⁹. Учитывать наиболее тесную связь необходимо, что и делается в отечественной литературе для обоснования целесообразности или нецелесообразности применения того или иного коллизионного критерия²⁰.

Между тем, в разное время наблюдались различные отступления от принципа «наиболее тесной связи», часто законодатель устанавливал коллизионную норму для простоты применения, предсказуемости результата или желания подчинить отношения сторон праву своей страны, что не всегда приводило к позитивным последствиям. И в этих случаях в литературе высказывались критические замечания в отношении таких норм, как раз со ссылкой на отсутствие связи привязки коллизионной нормы с фактическими отношениями. Признание критерия «наиболее тесной связи» принципом формирования содержания коллизионной нормы должно всячески поощряться.

Следовательно, можно прийти к выводу, что критерий «наиболее тесная связь» имеет двоякую природу – с одной стороны, он может использоваться как привязка двухсторонней коллизионной нормы, а с другой – является принципом формирования содержания коллизионных норм. Демаркационной линией в разграничении наиболее тесной связи как принципа и как коллизионной нормы, является цель использования этого критерия. Если он используется для непосредственного применения судом или иным правоприменительным органом, и в нем указывается, что применяется право, наиболее тесно связанной с договором, то, очевидно, мы имеем дело с привязкой коллизионной нормы. В том же случае, когда имеется в виду создание новой коллизионной нормы, на основе принципа наиболее тесной связи с правоотношением, – перед нами принцип формирования содержания коллизионных норм.

Теперь следует обратиться к инструментарию, который применяется судьей для определения «наиболее тесной связи». Это особенно важ-

¹⁹ Raane Л. Международное частное право / Под ред. и с предисловием Л.А. Лунца. – М., Издательство иностранной литературы, 1960. С. 44-45.

²⁰ См. например: Международное частное право: современные проблемы. – М.: ТЕИС, 1994. С. 147-148, 151-153, 391.

но сейчас, так как критерий «наиболее тесной связи» отсутствовал в ранее действовавшем законодательстве, и представляется необходимым произвести их анализ для единообразного применения положений шестого раздела ГК РФ.

Критерий «наиболее тесной связи» как основополагающее начало нашел отражение в Римской конвенции стран ЕС о праве, применимом к договорным обязательствам от 19 июня 1980 г.²¹ (далее по тексту – «Римская конвенция 1980 года»). Эта конвенция стала попыткой сближения концептуальных подходов стран «общего права» и стран континентальной Европы. В странах континентальной Европы широкое распространение получила концепция «решающего исполнения». Считается, что впервые эта концепция была предложена Шнитцером²². Однако, необходимо отметить, что еще в русской дореволюционной литературе профессором Б.Э. Нольде высказывалось весьма похожее мнение, что основное обязательство договора, составляющее его главное содержание, должно служить признаком, определяющим принадлежность договора к той или иной гражданской сфере, причем, указывалось, что в этом случае договор имеет наиболее реальную связь с этой страной. Концепция решающего исполнения рассматривалась как разновидность привязки *lex loci solutionis* – закона места исполнения обязательства²³. Отличие концепции Шнитцера состоит в том, что он привязывает отношения к праву того государства, где находится сторона, осуществляющая решающее исполнение, в то время как Б.Э. Нольде предлагал привязывать отношения к праву страны где такое исполнение осуществляется. В официальном комментарии к Римской конвенции 1980 года, профессор Миланского университета Марио Джулиано указывает, что в рабочей группе также обсуждалась возможность принять привязку к месту самого исполнения, но в решении группа приняла решение о привязке статута договора к праву стороны договора, осуществляющей решающее исполнение²⁴.

²¹ Convention on the law applicable to contractual obligations (Rome, 19.06.1980) // Текст конвенции на английском языке содержится в БД «Консультант Плюс: Международное право».

²² Schnitzer A. Handbuch des internationalen Privatrechts. Basel, 1957. Bd. 1.

²³ См.: Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Под ред. проф. В.Э. Грабаря. С дополнениями редактора и автора раздела частного международного права, составленными проф., бар. Б.Э. Нольде. – Юрьев, 1909. С. 517.

²⁴ Guilianno M. Lagarde P. Report on the Convention on the law applicable to contractual obligations // Official Journal of the European Communities. Vol. 23. 1980, October. P. 282/21

Суть концепции «решающего (или характерного) исполнения» состоит в том, что договор считается теснее связан с правом и, следовательно, должен регулироваться правом стороны, осуществляющей решающее исполнение для договора, например, с правом страны продавца – в договоре купли-продажи, с правом страны подрядчика – в договоре подряда. Так, п. 1 ст. 4 Конвенции гласит, что, если стороны не выбрали применимое право, то контракт должен регулироваться правом той страны, с которой он наиболее тесно связан. Если какая то часть контракта имеет более тесную связь с другой страной, то эта часть может, в виде исключения, регулироваться правом этой другой страны. В п. 2 ст. 4 Конвенции презюмируется, что договор наиболее тесно связан со страной, в которой сторона, которая осуществляет исполнение, являющееся характерным для договора, во время заключения договора имеет свое обычное местожительства, или в случае, если это юридическое лицо – свой центральный управляющий орган. Пункт 5 этой же статьи формулирует защитную оговорку, что пункт 2 статьи не должен применяться, если с учетом всех обстоятельств договор наиболее тесно связан с другой страной. Таким образом, ст. 4 Римской конвенции стран ЕС 1980 года о праве, применимом к договорным обязательствам, представляет собой конвергенцию двух концепций – концепции «наиболее тесной связи» и концепции «характерного исполнения».

Эта конструкция была воспринята швейцарским Федеральным законом о международном частном праве 1987 года, который на сегодня, как указывается в литературе, является самой лучшей кодификацией по вопросам международного частного права не только в Европе, но и во всем мире²⁵. В пункте (1) ст. 117 швейцарского закона о международном частном праве устанавливается, что к договору применяется право государства, с которым он имеет наиболее тесную связь. В пунктах (2) и (3) указанное положение конкретизируется тем, что договор считается имеющим наиболее тесную связь с государством стороны, обязанной совершить представление, определяющее существо обязательства. Под представлением, определяющим существо обязательства, в частности, понимается: предоставление отчуждателя – в договорах об отчуждении имущества, предоставление услугодате-

²⁵ См.: Международное частное право: иностранное законодательство / Предисл. *Маковского А.Л.*; сост. и научн. ред. *Жильцов А.Н., Муранов А.И.* – М.: Статут, 2000. С. 628.

ля – в договорах поручения, подряда, других договорах об оказании услуг, и т.д.

В Австрии, до принятия изменений в Федеральный закон о международном частном праве 1978 года, договор считался подчиненным праву страны того из контрагентов, чье основное обязательство состоит не в уплате денежной суммы (§ 36). В настоящее время, в соответствии с § 35, применяются положения Римской конвенции 1980 года, а обязательства, не подпадающие под сферу действия этой конвенции, регулируются правом, которое стороны установили прямо выраженным или подразумеваемым образом. К несомненной заслуге австрийской кодификации следует отнести то, что в ней впервые был прямо закреплен критерий «наиболее тесной связи»²⁶.

Коллизионные нормы, использующие критерий решающего исполнения, содержались и в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года (далее по тексту – «ОГЗ»). Статья 166 ОГЗ предусматривала, что при отсутствии соглашения сторон о применимом праве применяется право стороны, являющейся продавцом – в договоре купли-продажи, наймодателем – в договоре имущественного найма, и т.п.

В ст. 1211 ГК РФ фактически воспринята модель, содержащаяся в п. 1 ст. 4 Римской конвенции 1980 года. В отличие от ст. 166 ранее действовавших ОГЗ, ст. 1211 ГК РФ устанавливает генеральную норму, в соответствии с которой договор регулируется правом, наиболее тесно с ним связанным. В п. 2 устанавливается презумпция: договор считается наиболее тесно связанным с правом стороны, осуществляющей решающее исполнение для договора. А в п. 2-5 устанавливается изъятие, о том, что если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела вытекает, что договор более тесно связан с другой страной, то применяется право этой страны.

Анализируя ст. 1211 ГК РФ или ст. 4 Римской конвенции 1980 года, можно прийти к выводам, что их положения являются коллизионными нормами, за исключением п. 1 ст. 1211 ГК РФ и п. 1 ст. 4 Римской конвенции 1980 года. Так, в пункте 1 ст. 1211 ГК РФ формулируется генеральный коллизионный принцип, что договор регулируется правом страны, с которой он наиболее тесно связан. Этот наш вывод несколько не противоречит высказанным ранее замечаниям. Дело в том, что п. 1 ст. 1211, как и п. 1 ст. 4 Римской конвенции 1980 года никогда

²⁶ Там же. С. 156-157.

не применяется на практике – судья применяет либо презумпцию решающего исполнения, установленную в п. 2, либо, если из всех обстоятельств дела следует, что договор более тесно связан с другой страной, то право этой страны в соответствии с изъятиями, сделанными законодателем в п. 2-5. Следовательно, по цели использования критерия «наиболее тесной связи» мы не можем п. 1 ст. 1211 ГК РФ признать коллизионной нормой.

Пункт 2 ст. 1211 ГК РФ или п. 2 ст. 4 Римской конвенции представляет собой коллизионную норму, т.к. она подлежит непосредственному применению судьей при рассмотрении дела с иностранным элементом.

Следует указать, что в английской литературе ранее критиковалось определение наиболее тесной связи лишь по одному критерию (например, решающему исполнению). При этом указывалось: «Ни один взятый сам по себе факт не решает дела. Сомнительно даже, полезна ли традиционная попытка рассматривать в качестве презумпции доказательства регулирующего права такие факты, как место заключения договора, место исполнения договора, местонахождение недвижимости, составляющей предмет договора, или же флаг судна в случае договора фрахтования. В судебном разбирательстве презумпции слишком часто уводят на ложный путь. Они могут отвлекать внимание от необходимости анализировать каждое отдельное обстоятельство»²⁷. Но, так или иначе, презумпция в пользу решающего исполнения, как наиболее тесно связанного с договором, установлена в Римской конвенции 1980 года, швейцарском законе о МЧП, а теперь и в ГК РФ.

Какие же факты могут свидетельствовать о том, что договор, несмотря на указание на решающее исполнение, более тесно связан с другой страной, как это предусматривается п. 5 ст. 4 Римской конвенции 1980 года, п. 2-5 ст. 1211 ГК РФ? В связи с тем, что критерий «наиболее тесной связи» первоначально разрабатывался в странах «общего права», необходимо обратиться к работам англо-американских юристов.

«В решении по делу *Rex v. International Trustee* лорд Аткин указывает на четыре типичных факта, которые могут привести к «первоначальному выводу» о применимом праве, и все они могут быть опровергнуты контрсоображениями: место совершения договора, место исполнения договорных обязательств, местонахождение недвижимо-

²⁷ Чешир Дж., Норт П. Указ соч. С. 265.

го имущества, составляющего предмет договора, и флаг, под которым судно плавает»²⁸. М. Вольф указывает обстоятельства, которые необходимо учитывать, когда делаются попытки установить подлежащее применению право: место постоянного пребывания; domicilio; местонахождение предприятия; гражданство (национальность); подчинение праву суда, имеющего юрисдикцию по делу в силу соглашения сторон (право договорной юрисдикции); право, способствующее действительности договора²⁹. Анализируя указанный перечень, необходимо отметить, что английские суды часто отыскивали совершенно второстепенные элементы договора, лишь бы подчинить отношения сторон английскому праву.

В США Свод правил о конфликте законов 1971 года (иногда именуется «Свод законов по международному частному праву»³⁰) воспринял учение «о выборе факторов» Уиллиса В.М. Риза. Как раз У. Риз ввел категорию «наиболее существенной связи» или «группируемых контактов», цель которой – помочь судье сориентироваться какие разноместные нормы и законодательства следует избрать для разрешения спора³¹. В § 6 свода содержатся принципы, которые должны помогать суду определять наиболее тесную связь:

1. Суд в соответствии с конституционными ограничениями следует законному установлению своего штата в отношении выбора права.

2. Если такое законное установление отсутствует, то при определении применимого права учитываются следующие факторы:

- а) требования междоштатной и международной систем;
- б) политика, выраженная в нормах права местонахождения суда;
- в) политика штатов, имеющих интерес и интересы этих штатов в разрешении вопроса определенным образом;
- г) защита обоснованных и правомерных ожиданий сторон;
- д) основные принципы, лежащие в основе конкретной области права;
- е) определенность, предсказуемость и единообразие результатов;
- ж) легкость определения и применения выбранного права.

Учение У. Риза подверглось значительной критике. В качестве недостатков указывалось, что эта концепция сильнее ориентирована на вопросы межштатных коллизий, и не все ее положения будут рабо-

²⁸ Вольф М. Международное частное право / Под ред. и с предисловием проф. Л.А. Лунца. – М., 1948. С. 459.

²⁹ Там же. С. 465-469.

³⁰ См.: Международное частное право: Современные проблемы. – М.: ТЕИС, 1994. С. 390.

³¹ Reese W., Cheatham W. Choice of applicable law // Columbia Law Review. 1952. P. 959.

тать, если их перенести на европейскую почву³². Ю.Э. Монастырский полагает: «Факторы единообразия и государственной политики почти всегда являются противоположными, потому что основаны на двух различных методиках отыскания применимого права»³³. Кроме того, названные критерии очень часто приводят к применению *lex fori* (закона страны суда), что также не всегда желательно сказывается на развитии международного частного права.

Если проанализировать вышеприведенный § 6 Свода, то, по нашему мнению, эти правовые предписания не являются коллизионными нормами. Пункт первый представляет собой не коллизионную норму, а общий принцип правоприменения, который закрепляет широко распространенное правило о том, что суд применяет свои коллизионные нормы по принципу *lex fori*.

Прежде, чем рассматривать второй пункт § 6 необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в англо-американском праве нормами права в собственном смысле слова считаются только правила судебной практики, сформулированные в связи с конкретными делами³⁴. Следовательно, судебное разбирательство представляет собой как бы один из этапов создания правовой нормы. Еще одним доказательством этого служит сам текст п. 2 § 6, который начинается словами «если такое законное установление отсутствует...» С учетом этого обстоятельства, второй пункт следует рассматривать как содержащий принципы формирования содержания коллизионных норм – коль скоро суд создает новую коллизионную норму, а не применяет непосредственно правовое предписание. Таким образом, принципы, предложенные в п. 2 § 6 Свода, имеют большее значение для отечественного законодателя и науки, нежели для суда или арбитража. Кроме того, направленность на разрешение межштатных коллизий не позволяет их заимствовать в полном объеме для российской правоприменительной практики.

Для выбора критерия, которым следует руководствоваться при определении свойственного договору права, что можно отнести и к определению наиболее тесной связи, представляется правильным учи-

³² См.: Международное частное право: современные проблемы. – М.: ТЕИС, 1994. С. 393.

³³ Монастырский Ю.Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н., М., 1999. С. 86.

³⁴ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер с фр. и вступ. ст. Туманова В.А. – М.: Прогресс, 1988. С. 356-357.

тивать предложения Дж. Чешира и П. Норта: «Связь со страной или правовой системой должны быть у сделки (transaction), которую имеет ввиду договор. Другими словами, налицо должна быть связь с самим существом договорного обязательства, с тем, что подлежит совершению по договору, а не с юридико-техническими формальностями договора»³⁵.

Подводя итог, мы полагаем, что критериями, которые, несмотря на решающее исполнение, указывают на применение права страны более тесно связанной с договором, могут являться: субъекты (стороны); предмет сделки; местонахождение предмета сделки; флаг, под которым судно плавает; защита оправданных ожиданий сторон; единообразие результатов. Приводя эти факторы мы не претендовали дать исчерпывающий их перечень, а лишь сделали попытку помочь российскому правоприменителю в применении ст. 1211 ГК РФ. Между тем, подробное рассмотрение критериев определения более тесной связи должно быть предметом самостоятельного исследования.

³⁵ Чешир Дж., Норт П. Указ соч. С. 264.

Устранение конкуренции юрисдикций государств: внутригосударственные и международно-правовые подходы

*Черниченко О.С.**

Проблемы, порождаемые конкуренцией юрисдикций государств, могут быть устранены либо их решением (если в этом возникает необходимость), либо устранением самой конкуренции юрисдикций. Поскольку нет общепризнанных норм международного права, позволяющих устранить конкуренцию юрисдикций государств, она во многих случаях неизбежно порождает и будет порождать проблемы в сфере межгосударственных отношений. Наилучшим средством предотвратить появление указанных проблем является, конечно, четкое разграничение юрисдикций государств. Для этого есть только один путь – заключение международных договоров, предусматривающих такое разграничение. Способствовать решению данных проблем могут и договоры, устанавливающие приоритеты юрисдикций в случае их конкуренции.

Договорное разграничение юрисдикций государств не следует смешивать с их международно-правовыми ограничениями. Разумеется, эти ограничения в какой-то степени способствуют устранению конкуренции юрисдикций. Но практика показывает, что существующая во многих случаях нечеткость подобных ограничений (особенно если они вытекают из обычных норм международного права) не позволяет достаточно эффективно бороться с конкуренцией юрисдикций государств. И договорные нормы, предусматривающие ограничения юрисдикций государств, далеко не всегда дают возможность успешно решать эту задачу. Вероятно, не совсем даже правильно говорить о *борьбе* с конкуренцией юрисдикций государств. Она, конечно, порождает неудобства в сфере межгосударственных отношений, однако вряд ли ее можно отнести к правовым аномалиям. Пока есть государственный суверенитет и юрисдикция государства как его проявление, столкновения юрисдикций государств неминуемы.

* Черниченко Ольга Станиславовна – главный юрисконсульт АО «СУАЛ – холдинг», соискатель Дипломатической академии.

Если какое-либо государство, претендуя на установление и осуществление своей юрисдикции, выходит за пределы международно-правовых ограничений, стараясь воспользоваться нечеткостью соответствующих норм, то возникает вопрос не о необходимости разграничения юрисдикций и устранении их конкуренции, а о ликвидации совершаемого этим государством международного правонарушения. К сожалению, если речь идет о государстве, обладающем мощным экономическим и военным потенциалом, воздействовать на него, чтобы правонарушение было прекращено, практически невозможно. В качестве примера можно привести законодательство США, устанавливающее юрисдикцию «длинной руки». Согласно этому законодательству юрисдикция США была распространена на акты, совершенные иностранными государствами за границей в области коммерческой деятельности, имеющие прямой эффект в США. В западной юридической литературе была дана отрицательная оценка стремлению США придать экстратерриториальный характер своему законодательству, относящемуся к указанной деятельности. Отмечалось, в частности, что эффект (последствия) может быть основан не на существенном элементе правонарушения, но представлять собой случайные или мало-значительные последствия¹. Приходится признать, что критика позиции США в данном вопросе со стороны партнеров, а также в доктрине не привела к ее изменению. США довольно последовательно придерживались и придерживаются этой позиции. Обращали на себя внимание попытки США блокировать иностранные активы, находящиеся у корпораций, являющихся дочерними по отношению к американским и действующих на территории третьего государства. Так, в 1978 г. США попытались заблокировать иранские активы, размещенные в лондонском отделении американского банка, но британский суд им в этом отказал².

Попыткам неоправданного расширения юрисдикции могут быть противопоставлены либо законодательные меры, либо решения судов того государства, чьи права в результате такого расширения нарушаются. Едва ли их можно рассматривать как внутrigосударственные средства, направленные на разграничение юрисдикций государств или устранение их конкуренции, поскольку возникающая в этом случае конкуренция не является «нормальной». Скорее их следует отнести к

¹ Oppenheim's International Law. Nith edition. Vol. I. London, 1992. P. 474 – 475.

² Ibid. P. 467.

мерам, преследующим цель пресечь международное правонарушение или во всяком случае воспрепятствовать наступлению последствий такого правонарушения. Оценка одним государством того, насколько другое неправомочно расширило свою юрисдикцию, будет, естественно, субъективной. И все же есть определенные правовые ориентиры, позволяющие эту субъективность корректировать. Какими бы нечеткими ни казались международно-правовые ограничения юрисдикции государств, они в какой-то мере играют роль «корректоров» субъективности.

Возникает, однако, вопрос о том, в состоянии ли государства односторонне справиться с конкуренцией их юрисдикций, которая явно не выходит за рамки международного права. По-видимому, ответ должен быть отрицательным. Государство может добровольно ограничивать свою юрисдикцию в тех случаях, когда оно не должно это делать согласно обязывающим его нормам международного права. Оно вправе в предусмотренных международным правом случаях идти на экстраординарное расширение своей юрисдикции. Но оно не вправе и не в состоянии указывать другому государству, в каких пределах ему устанавливать и осуществлять свою юрисдикцию. Если юрисдикции двух и более государств перекрывают друг друга, хотя ни одно из них при этом не нарушает международного права, то в одностороннем порядке каждое из них может ограничить лишь собственную юрисдикцию, чтобы избежать конкуренции юрисдикций. Можно с уверенностью утверждать, что никакое государство не пойдет на добровольное ограничение своей юрисдикции единственно с целью устранить конкуренцию с юрисдикцией другого государства или государств. Это возможно только теоретически.

Вместе с тем, государства, будучи не в состоянии устранить в одностороннем порядке конкуренцию их юрисдикций, в состоянии в определенных ситуациях добиться *фактического* приоритета своей юрисдикции над конкурирующими с ней юрисдикциями других государств. Самый простой пример такого фактического приоритета – осуществление уголовной юрисдикции в отношении лица, находящегося на территории данного государства, когда и другое государство или другие государства добиваются осуществления своей уголовной юрисдикции над этим же лицом. Совершенно ясно, что другие государства физически не смогут осуществить в подобной ситуации свою юрисдикцию. Нельзя говорить о том, что в таких случаях территориальная юрис-

дикция имеет *юридическое* превосходство по отношению к юрисдикциям остальных государств, претендующих на ее осуществление. Территориальная юрисдикция имеет фактическое преимущество. Надо отметить, что фактическое преимущество юрисдикции какого-либо государства проявляется при конкуренции исполнительных юрисдикций, т.е. при возникновении вопроса об *осуществлении* конкурирующих юрисдикций. Следует также иметь в виду, что фактическое преимущество юрисдикции одного государства по отношению к конкурирующим с ней юрисдикциям других государств не устраняет саму их конкуренцию. Оно лишь в какой-то степени способствует решению проблем, ею порождаемых, либо ослабляет их остроту, либо приводит к тому, что их решение откладывается (нередко на неопределенный срок). Политические соображения в таких случаях могут значительно осложнить дело.

В советской печати в 1970 г. широко освещался захват на территории СССР Бразинскасами (отцом и сыном) советского гражданского самолета, который они угнали в Турцию, убив во время захвата бортпроводницу Н. Курченко. Советский Союз безуспешно добивался выдачи преступников: в то время СССР и Турцию не связывали договоры, предусматривающие экстрадицию в подобных ситуациях. В конечном счете они были привлечены в Турции к уголовной ответственности за незаконное пересечение государственной границы, но убийство осталось безнаказанным. Спустя некоторое время они беспрепятственно переселились в США. Фактическое преимущество турецкой юрисдикции в данном случае позволило преступникам избежать сурового наказания. Откровенно несправедливая, предвзятая позиция турецких властей явно диктовалась политическими мотивами, хотя формально они не нарушали международного права³.

История знает случаи, когда фактическое преимущество юрисдикции, осуществляемой каким-либо государством, не вызывало возражений со стороны других государств, юрисдикции которых с ней конкурировали. Ч. Фенвик приводит пример такой ситуации, относящейся к XIX в. Американский гражданин был осужден британским судом за убийство, совершенное на борту британского торгового судна, находящегося во французских водах. Суд отметил, что на него распространяется юрисдикция США как на американского гражданина и юрис-

³ О деле Бразинскасов см., в частности: Международное воздушное право. Книга 1. М.: Наука, 1980. С. 180; Международное уголовное право. М.: Наука, 1995. С. 158.

дикция Франции, поскольку убийство было совершено в пределах французской территории, но признал, что он подчинен британской юрисдикции⁴.

В 1934 г. старший помощник американского судна «Эксейндж» был убит на его борту главным инженером М. Ла Моттом во время нахождения судна в Мессине (Италия). Государственный департамент США сообщил посольству США в Италии, что возникла конкуренция юрисдикций. Посольство получило указания выяснить, желает ли итальянское правительство передать Ла Мотта США для рассмотрения его дела американским судом. В свою очередь оно проинформировало Государственный департамент о том, что, по мнению министерства иностранных дел Италии, на Ла Мотта распространяется итальянская юрисдикция, так как преступление было совершено на борту торгового судна, находящегося в итальянских водах. В результате дело Ла Мотта рассматривалось в итальянском суде⁵. В данном случае можно говорить не только о фактическом преимуществе итальянской юрисдикции, но и об урегулировании проблем, связанных с конкуренцией юрисдикций, путем переговоров, т.е. уже международно-правовыми средствами.

Еще более явный пример такого урегулирования относится к 1921 г. В Марселе на борту бразильского судна член экипажа, бразильский гражданин убил другого члена экипажа, тоже бразильского гражданина. Уголовное дело в отношении лица, совершившего убийство, было возбуждено во Франции, но по просьбе бразильского консула обвиняемый был передан бразильским властям и затем осужден судом Бразилии⁶. Здесь отчетливо видно соглашение *ad hoc*, устраняющее конкуренцию юрисдикций.

В первом из рассмотренных выше случаев фактическое преимущество, не вызвавшее возражений со стороны других заинтересованных государств, получила британская квазитерриториальная юрисдикция, которая конкурировала с французской территориальной и американской, основанной на личном активном принципе (критерии). В двух остальных случаях решался вопрос об устранении конкуренции территориальной и квазитерриториальной юрисдикций.

Путем достижения соглашений *ad hoc* могут решаться такого рода вопросы, если возникает конкуренция юрисдикций, основанных и на

⁴ Fenwick Ch.G. International Law. New York, 1948. P. 316.

⁵ Hachworth G.H. Digest of International Law. Vol. II. Washington, 1941. P. 216 – 217.

⁶ Ibid. P.216.

других принципах (критериях). Интерес в связи с этим представляет дело Нийонтезе, рассматривавшееся швейцарским судом в 2001 г. Нийонтезе, бывший майор правительственных вооруженных сил Руанды, обвинялся в том, что участвовал в осуществлении геноцида в отношении тутси и истреблении умеренных хуту с апреля по июль 1994 г. После поражения правительственных вооруженных сил он вместе с семьей бежал в Швейцарию. Один из его соотечественников сообщил о совершенных им преступлениях швейцарским властям, и он был привлечен к уголовной ответственности. Международный уголовный трибунал по Руанде его дело к рассмотрению не принял. Поэтому оно рассматривалось в Швейцарии, законодательство которой, соответствующее ее международным обязательствам, предусматривает возможность осуществления универсальной юрисдикции в отношении преступлений, в совершении которых обвинялся Нийонтезе. Руанда обратилась к Швейцарии с просьбой о его выдаче, исходя из договора о правовой помощи по уголовным делам, заключенного между ней и Швейцарией, но Швейцария ответила отказом. Договор содержит положение, согласно которому экстрадиция не должна осуществляться, если не будут даны гарантии, что обвиняемому не грозит смертная казнь или нарушение его физической неприкосновенности, а по законодательству Руанды Нийонтезе грозила смертная казнь. Однако в конечном счете правительство Руанды выразило поддержку действиям швейцарских властей. После сравнительно непродолжительного судебного разбирательства Нийонтезе был приговорен судом второй инстанции к четырнадцати годам лишения свободы⁷.

В данном случае возникла конкуренция юрисдикции Руанды, основанной на территориальном принципе (критерии), так как преступления, в которых обвинялся Нийонтезе, были совершены на ее территории, и юрисдикции Швейцарии, основанной на универсальном принципе (критерии), предусмотренном имеющими отношение к делу Нийонтезе международными договорами. В юридической литературе отмечалось, что это первый случай применения универсальной юрисдикции национальным судом на основании Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительного протокола II к ним 1977 г.⁸ Можно было бы добавить, что в настоящее время многие положения Женевских конвенций рассматриваются и как обычные нор-

⁷ The American Journal of International Law. 2002. Vol.96. No1. P. 231 – 235.

⁸ Ibid.

мы международного права⁹. Важно также подчеркнуть, что упомянутый выше договор между Швейцарией и Руандой не устранял конкуренции их юрисдикций. Для ее устранения потребовалось согласие Руанды на осуществление в деле Нийонтезе швейцарской юрисдикции, т.е. практически достижение между заинтересованными сторонами соглашения *ad hoc*.

Возлагать на такие соглашения, явно выраженные или подразумеваемые, большие надежды как на самое удачное средство, позволяющее устранить конкуренцию юрисдикций государств, было бы, очевидно, слишком оптимистично. Во-первых, их достижение не всегда возможно. Во-вторых, в ряде случаев в них нет необходимости, поскольку заинтересованные государства нередко мирятся с тем, что юрисдикция кого-либо из них имеет фактическое преимущество. В-третьих, случаи конкуренции юрисдикций государств встречаются так часто, что государства, даже стремящиеся решать эту проблему путем достижения соглашений *ad hoc*, просто не в состоянии будут справиться с поставленной задачей.

Заключение международных договоров, разграничивающих юрисдикции государств или отдающих приоритет одной из них, в значительной степени помогает справиться с порождаемыми их конкуренциями проблемами. Можно ли, однако, говорить о том, что эти договоры получили широкое распространение, или о том, что намечается тенденция к установлению общего режима разграничения либо приоритетов юрисдикций государств? По-видимому, следует отметить лишь то, что количество таких договоров возрастает.

В западной доктрине проблеме устранения конкуренции юрисдикций практически никакого внимания не уделялось. И это несмотря на то, что юрисдикции государств посвящено много исследований. Как правило, ограничивались анализом конкретных дел или, в лучшем случае, договоров, но попыток посмотреть на эту проблему в общем плане не предпринималось. Возможно, считали, что они преждевременны. Обычно все сводилось к нескольким общим фразам, причем время от времени в таких работах можно встретить высказывания о том, что государства имеют юрисдикцию в соответствии с международным правом¹⁰. Легко истолковать эту формулировку таким образом, что

⁹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 53–54; Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1997. С. 114–116.

¹⁰ Nguen Quoc Dihn. Droit international public. 6e edition. Paris, 1999. P.498. Напомним,

государства получают свою юрисдикцию «из рук» международного права. Можно сослаться и на более раннее высказывание в том же духе: «Равенство государств лежит в основе одной важной юридической теории: *разделения, распределения и регулирования компетенций*» (имеются в виду юрисдикции государств)¹¹. Возражение вызывает выражение «распределение юрисдикций». Международное право не наделяет государства юрисдикцией и не распределяет юрисдикции между ними. Оно их разделяет (разграничивает) либо ограничивает.

Договоры, предусматривающие разграничение юрисдикций государств либо устанавливающие их приоритеты, не создают общего режима. До этого еще очень далеко, хотя кое в чем здесь можно обнаружить единообразный подход и выявить некоторые тенденции. Вместе с тем каждый из них решает данную проблему применительно к вопросам, которым он посвящен. Общий режим мог бы возникнуть в данной области в результате совпадения положений большого количества международных многосторонних договоров, но ни такого количества соответствующих договоров, ни достаточного совпадения их положений пока не существует.

Заметна тенденция приблизительно одинаково решать юрисдикционные вопросы в договорах, относящихся к сотрудничеству по уголовным делам. Была даже осуществлена в 1935 г. неофициальная кодификация в этой области, получившая известность как Гарвардские проекты конвенции о юрисдикции в отношении преступлений и конвенции об экстрадиции. Ее можно рассматривать как попытку разработать общий режим в сфере установления и осуществления уголовной юрисдикции государств. Проекты так и не стали действующими международными договорами. Однако нельзя преуменьшать их значение. Они обобщили сложившуюся к моменту их разработки практику и оказали несомненное влияние на ряд договоров, заключенных позднее. Они представляют интерес и в настоящее время, поскольку решение многих юрисдикционных вопросов, в том числе связанных с разграничением уголовных юрисдикций государств, не претерпело с тех пор кардинальных изменений.

В проекте конвенции о юрисдикции государств в отношении преступлений прямо о разграничении их юрисдикций не говорится. В нем

что во французском языке для обозначения юрисдикции чаще всего употребляется слово «compétence».

¹¹ Reuter P. Droit international public. Paris, 1963. P. 97.

можно усмотреть лишь намеки на возможные приоритеты юрисдикций (если судить по тому, как располагаются статьи, посвященные юрисдикции, основанной на том или ином юрисдикционном принципе)¹². На первом месте стоит, естественно, территориальная юрисдикция (ст. 3 проекта), которая часто имеет фактическое преимущество, причем предусматривается, что она распространяется на преступления, полностью или частично совершенные на территории данного государства. Далее следуют положения, относящиеся к квазитерриториальной юрисдикции, т.е. к преступлениям, совершенным на борту государственного или частного морского судна или летательного аппарата, хотя термин «квазитерриториальная юрисдикция» в проекте не употребляется (статьи 5 и 6 проекта). Затем идут статьи, посвященные применению личного активного принципа, – в отношении преступлений, совершенных гражданами государства и некоторыми другими лицами. После этого располагаются положения, основанные на охранительном принципе, предусматривающие юрисдикцию в отношении действий, совершенных иностранцами за пределами территории соответствующего государства против его безопасности, территориальной целостности или политической независимости (ст. 7 проекта), либо представляющих собой подделку его денежных знаков, печатей, паспортов и т.д. (ст. 8). В конце проекта содержатся положения, предусматривающие универсальную юрисдикцию – в отношении пиратства (ст. 9) и других преступлений, а также основанную на охранительном и личном пассивном принципах (ст. 10). Формулировка последнего положения носит ограничительный характер: юрисдикция, основанная на охранительном и личном пассивном принципах, согласно проекту возможна в том случае, если преступление совершено в месте, не подчиненном власти какого-либо государства и «...нанесло ущерб государству, принимающему на себя юрисдикцию, либо одному из его граждан, либо корпорации или юридическому лицу, имеющим его национальность¹³». Необычным с современной точки зрения в проекте является то, что в нем говорится *о преступлениях*, совершенных корпорациями или юридическими лицами (п. b ст. 5 проекта). Посадить на скамью подсудимых корпорацию или иное юридическое лицо физически невозможно. Речь может идти об уголовной ответственности только их руководителей или служащих.

¹² Supplement to «The American Journal of International Law». 1935. Vol. 29. P. 439–442.

¹³ Ibid. P. 441.

Несмотря на то, что в самом проекте, как уже было сказано, прямо не указывается на приоритеты юрисдикций, в комментариях к нему вырисовывается по крайней мере тенденция отдавать предпочтение территориальной юрисдикции. Из пяти принципов, нашедших отражение в проекте, первый (территориальный), говорится в комментариях, «...рассматривается как имеющий первостепенную важность и фундаментальный характер»¹⁴. Далее внимание обращается не столько на приоритеты юрисдикций, сколько на масштабы признания юрисдикционных принципов. Так, отмечается, что второй принцип – личный активный «...является общепризнанным, хотя есть разительные расхождения относительно степени его использования в различных национальных системах»¹⁵. Третий принцип (охранительный) рассматривается как вызывающий некоторые опасения и «...как основа дополнительной компетенции»¹⁶. Приводить дальнейшие рассуждения на эту тему, по-видимому, нецелесообразно.

В проекте конвенции об экстрадиции гораздо более четко обозначены именно приоритеты уголовных юрисдикций государств. Статья 8 проекта предусматривает, что при получении государством запроса от двух или более других государств о выдаче одного и того же лица за совершение одного и того же действия предпочтение должно отдаваться тому государству, на территории которого это действие было совершено. Если оно было совершено на территории более чем одного государства, то лицо выдается государству, которое первым направило запрос¹⁷.

Приходится констатировать, что упомянутые правила, относящиеся к конкуренции юрисдикций, которые содержатся в Гарвардском проекте конвенций об экстрадиции, отсутствуют в договорах, заключенных в более поздний период. Создается впечатление, что государства считают для себя более приемлемым в этих вопросах сохранять конкуренцию юрисдикций, а не соглашаться на признание преимущества какой-либо из них. Иными словами, правила о приоритете уголовных юрисдикций при решении вопроса о выдаче не находят особой поддержки государств. Между прочим, встречающиеся в договорах об экстрадиции многочисленные положения, предусматривающие

¹⁴ Ibid. P. 445.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 22–23.

¹⁷ Ibid. P. 22.

отказ в выдаче, не устраняют конкуренции юрисдикций. Если каждое из договаривающихся государств соглашается, например, с тем, что не подлежит выдаче лицо, совершившее преступление, в связи с которым направлена просьба о выдаче, на территории запрашиваемой стороны¹⁸, то это не означает его отказ в принципе от своей юрисдикции в данных случаях. Это можно рассматривать как признание в очень небольшом объеме приоритета территориальной юрисдикции партнера, что не свидетельствует о желании идти слишком далеко по пути такого признания.

В двусторонних договорах России о правовой помощи, которые содержат положения об экстрадиции, какие-либо правила о приоритете юрисдикций в случае конкуренции запросов о выдаче не предусматриваются. Казалось бы, в такие договоры можно было бы включить правила, содержащиеся в Гарвардском проекте (с учетом двустороннего характера договоров). Не лишена логики была бы, допустим, следующая формулировка: если несколько государств, с которыми данная договаривающаяся сторона имеет договоры, содержащие положения об экстрадиции, обращаются с запросом об экстрадиции, то предпочтение отдается тому государству, где было совершено преступление, или тому государству, чей запрос поступил раньше.

В действительности двусторонние договоры по указанным вопросам, в которых участвует Россия, проблему не решают. Типичным для таких договоров является положение, содержащееся в договоре между СССР и Грецией от 21 мая 1981 г.:

«Если несколько государств просят о выдаче какого-либо лица, запрашиваемая Договаривающаяся Сторона принимает решение о том, какой из этих просьб отдать предпочтение»¹⁹.

Формулировки этих положений имеют различные модификации, но их существо одно и то же. В договоре между Россией и КНР о выдаче от 26 июня 1995 г. соответствующее положение сформулировано более широко (ст. 14):

¹⁸ Такие положения содержатся, например, в договорах между СССР и КНДР от 16 декабря 1957 г., между СССР и Румынией от 3 апреля 1958 г., между СССР и Венгрией от 15 июля 1957 г., между Россией и Литвой от 21 июля 1992 г., между Россией и Азербайджаном от 22 декабря 1992 г., между Россией и Ираном от 5 марта 1996 г. и других (см.: Международно-правовые аспекты экстрадиции. Сборник документов. М.: Юриздат, 2000. С. 14, 27, 37, 103, 198, 144).

¹⁹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXVIII. – М.: Международные отношения, 1984. С. 150.

«Если одна из Договаривающихся Сторон получила просьбы о выдаче одного и того же лица от другой Договаривающейся Стороны и от какого-либо третьего государства, она имеет право по собственному усмотрению определить, какому из этих государств выдать данное лицо»²⁰.

Можно было бы считать, что подход к коллизии запросов о выдаче, получивший отражение в двусторонних договорах России с другими странами, характеризует особенности российской договорной практики. Но, во-первых, Россия не решает этот вопрос в одностороннем порядке, и, во-вторых, ее партнерами являются государства, расположенные в различных районах мира, которые при его решении явно занимают единообразную позицию. В пользу того, что наблюдается тенденция не включать в договоры, содержащие положения об экстрадиции, в случае конкурирующих запросов о выдаче правила о приоритете того или иного вида юрисдикции, говорит и ст. 17 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 г. (многостороннего договора), в которой Россия участвует с 1999 г.:

«Если выдача запрашивается одновременно более чем одним государством за одно и то же правонарушение или за различные правонарушения, запрашиваемая Сторона принимает свое решение с учетом всех обстоятельств и особенно относительно тяжести и места совершения преступления, соответствующих дат запросов и возможности последующей выдачи другому государству»²¹.

Указание на место совершения правонарушения и даты запросов дает основание думать, что в Конвенции косвенно признается возможность предпочтения территориальной юрисдикции или юрисдикции государства, первым направившего запрос. Однако сомнительным было бы утверждение, что ст. 17 закрепляет правило о приоритете юрисдикций, так как в конечном счете решение вопроса оставляется на усмотрение запрашиваемого государства. Та же тенденция прослеживается и в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., заключенной в рамках СНГ. В ст. 65 Конвенции предусматривается:

«Если требования о выдаче поступят от нескольких государств, запрашиваемая Договаривающаяся Сторона самостоятельно решает, какое из этих требований должно быть удовлетворено»²².

²⁰ Бюллетень международных договоров. 1999. №6. С. 44.

²¹ Бюллетень международных договоров. 2000. №9. С. 24.

²² Бюллетень международных договоров. 1995. №2. С. 23.

Одна из наиболее точных в юридическом отношении формулировок такого рода содержится в ст. 13 договора о выдаче между Россией и Индией от 21 декабря 1998 г.:

«Если выдача одного и того же лица запрашивается за то же или другие правонарушения Договаривающейся Стороной и третьим государством, с которым запрашиваемая Сторона имеет договоренность о выдаче, то запрашиваемая Сторона принимает решение о том, какому государству это лицо будет выдано, не будучи при этом обязанной отдать предпочтение Договаривающейся Стороне»²³.

К сожалению, в отечественной юридической литературе вопрос о приоритетах или разграничении уголовных юрисдикций государств в случае их конкуренции остается без освещения. Даже в такой солидной коллективной работе, как «Международное уголовное право», опубликованной издательством «Наука» в 1995 г., в главе IV раздела III «Выдача преступников» об этой проблеме прямо не говорится. Высказывается лишь мнение о том, что при выдаче решающим надо считать принцип гражданства, т.е. личный активный принцип²⁴.

Сопоставляя положения многосторонних международных договоров, посвященных борьбе с определенными преступлениями, относящиеся к юрисдикции, можно прийти к выводу, что лишь в некоторых из них затрагивается вопрос о приоритете уголовных юрисдикций при возникновении их конкуренции. В основном же очередность расположения таких положений позволяет только выявить, какой вид юрисдикции (имеется в виду принципы, на которых она основана) рассматривается в качестве имеющего первостепенное значение.

Ряд этих положений сформулирован очень подробно. Цитировать их, по-видимому, хотя бы в силу указанной причины нецелесообразно. Полезно, тем не менее, дать их обобщенную характеристику, выбрав договоры, в которых вопросы юрисдикции участников получили наиболее выпуклое отражение. С этой точки зрения представляют интерес Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г. (Токийская конвенция); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. (Гаагская конвенция); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г. (Монреальская конвенция); Кон-

²³ Международно-правовые аспекты экстрадиции. Сборник документов. С. 179.

²⁴ См. указ. соч. С. 162.

венция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г.; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.; Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. Этот перечень можно было бы дополнить, но в качестве примера достаточно провести сравнение ст. 3–5 Токийской конвенции, ст. 4 Гаагской конвенции, ст. 5 Монреальской конвенции, ст. 3 Конвенции 1973 г., ст. 5 Конвенции 1979 г. и ст. 4 Конвенции 1988 г.²⁵

Как правило, на первом месте в этих статьях стоит территориальная и квазитерриториальная юрисдикция. В Токийской конвенции приоритет отдается квазитерриториальной юрисдикции – юрисдикции государства регистрации воздушного судна. Вместе с тем в ст. 4 Токийской конвенции предусматривается, что участвующее в ней государство, которое не является государством регистрации воздушного судна, не может чинить препятствий воздушному судну, находящемуся в полете, в целях осуществления своей уголовной юрисдикции в отношении преступления, совершенного на борту, за исключением, в частности, следующих случаев: а) преступление имеет последствия на территории такого государства; б) преступление совершено гражданином или в отношении гражданина такого государства либо лицом, постоянно проживающим в таком государстве; с) преступление направлено против безопасности такого государства. Ясно, что приоритет в этих случаях может быть отдан юрисдикции государства, не являющегося государством регистрации воздушного судна, если его юрисдикция основана либо на территориальном принципе, либо на активном или пассивном личном принципе, либо на охранительном принципе, но приоритеты этих юрисдикций по отношению друг к другу не устанавливаются.

²⁵ См. соответственно: Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М.: Международные отношения, 1990. С. 219–220; Сборник действующих международных договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVII. М.: Международные отношения, 1974. С. 293; там же. Вып. XXIX. 1975. С. 92; там же. Вып. XXXIII. 1979. С. 91; Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., Международные отношения, 1989. С. 101; Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М.: Международные отношения, 1994. С. 138.

В большинстве рассматриваемых договоров упоминание прежде всего территориальной юрисдикции (или квазитерриториальной), а затем юрисдикции, основанной на личном принципе, в лучшем случае говорит о том, какая из юрисдикций может иметь фактическое преимущество, с какой из них в первую очередь следовало бы считаться, но никак не о приоритетах в буквальном смысле слова.

В договорах, относящихся к гражданской и административной юрисдикции, гораздо более заметна тенденция не к распределению приоритетов между конкурирующими юрисдикциями, а к их разграничению или предотвращению их конкуренции. Возможно, объяснение следует видеть в том, что конкуренция этих юрисдикций, особенно гражданских, порождает больше сложностей, чем конкуренция уголовных юрисдикций. Если государства в ряде случаев могут спокойно отнестись к фактическому преимуществу уголовной юрисдикции других государств, вытекающему из того или иного договора при его реализации в конкретных ситуациях, то когда речь идет о гражданской юрисдикции, а иногда и об административной (например, в связи с налогообложением), при их конкуренции государства могут столкнуться с неразрешимыми и острыми проблемами, которые исключают спокойное к ним отношение. Так, вопросы, касающиеся денежных средств или имущества, почти всегда воспринимаются как имеющие важное значение.

Следует помнить, что распределение приоритетов между юрисдикциями государств не устраняет их конкуренции. В известном смысле распределение приоритетов между юрисдикциями может в действительности сыграть роль мины замедленного действия. Конечно, различные оговорки могут свести эту роль к минимуму. Но поскольку сохраняется конкуренция юрисдикций, сохраняется и возможность возникновения, пусть в небольших пределах, какой-либо проблемы, связанной с такой конкуренцией. Например, не во всех разделах договоров России о правовой помощи, посвященных выдаче, предусматривается обязанность государства, отказавшего в выдаче какого-либо лица на том основании, что оно является гражданином этого государства, привлечь данное лицо к уголовной ответственности в соответствии со своим законодательством, т.е. отсутствует правило «или выдай или суди» («aut dedere aut judicare»). Это же правило в ряде случаев не предусматривается, когда допускается отказ в выдаче на том основании, что преступление совершено на территории запрашивае-

мого государства. В результате преступление может остаться безнаказанным, даже если формально существует конкуренция юрисдикций.

Разграничение юрисдикций иногда довольно четко проводится и в договорах, регулирующих сотрудничество как по уголовным, так и по гражданским делам. В договоре между Россией и Польшей о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г. закреплено правило, отражающее стремление к такому разграничению (ст. 18):

«Если в соответствии с положениями настоящего Договора компетентными в каком-либо вопросе являются учреждения юстиции обеих Договаривающихся Сторон, и заявление о возбуждении дела было подано в учреждение юстиции одной из Сторон, соответствующее учреждение юстиции другой Стороны перестает быть компетентным»²⁶.

Это правило действительно позволяет во многих случаях устранить конкуренцию юрисдикций государств.

Можно ли провести четкое различие между устанавливаемыми международным правом ограничениями юрисдикций государств и их разграничением? Ранее уже отмечалось, что их ограничения и их разграничение – не одно и то же, хотя и ограничения, и разграничение юрисдикций способствуют устранению их конкуренции.

Разница с этой точки зрения не столь уже велика. Типичным примером ограничения юрисдикции государства являются дипломатические иммунитеты и привилегии. Другой пример относится к разграничению уголовных юрисдикций. Он интересен своей уникальностью, так как является одним из первых шагов к разграничению юрисдикций государств в космосе. Поэтому соответствующие положения стоит процитировать. В ст. 22 многостороннего соглашения относительно сотрудничества по международным космическим станциям гражданского назначения от 29 января 1998 г. предусматривается следующее:

«1. Канада, государства Европейского партнера²⁷, Япония, Россия и Соединенные Штаты могут осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении членов персонала внутри или на любом орбитальном элементе, которые являются их гражданами.

2. В случае неправомерного действия на орбите, которое:

а) затрагивает жизнь или безопасность гражданина другого Госу-

²⁶ Бюллетень международных договоров. 2000. №5. С. 61.

²⁷ К государствам Европейского партнера относятся члены Европейского космического агентства.

дарства-партнера; б) совершено внутри или на орбитальном элементе другого Государства-партнера или причиняет ущерб орбитальному элементу другого Государства-партнера, Государство-партнер, гражданин которого предположительно совершил неправомерное действие, по просьбе любого Государства-партнера, чьи интересы затронуты предполагаемым неправомерным действием, консультируется с этим государством относительно процессуальных интересов обоих государств. По завершении таких консультаций Государство-партнер, чьи интересы затронуты предполагаемым неправомерным действием, может осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении лица, предположительно совершившего неправомерное действие, при условии, что в течение девяноста дней со дня начала таких консультаций или в течение периода времени, который может быть взаимно согласован, Государство-партнер, чей гражданин предположительно совершил неправомерное действие:

- 1) соглашается на такое осуществление уголовной юрисдикции либо
- 2) не представило заверений в том, что оно передаст дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования»²⁸.

Полностью соглашение не устраняет возможности конкуренции юрисдикций, но оно преследует цель в максимальной степени добиться этого результата. Г.П. Жуков высказал мнение, что в данном случае юрисдикция «...установлена исключительно по персональному принципу...», (т.е. личному)²⁹. Нужно было бы обратить внимание на то, что в соответствии с соглашением уголовная юрисдикция основывается как на личном активном принципе (п. 1. ст. 22), так и на личном пассивном принципе, а также и на охранительном принципе (п. 2), поскольку допускается осуществление уголовной юрисдикции государством, чей гражданин пострадал или чьему орбитальному элементу нанесен ущерб.

Приведенные примеры, казалось бы, подтверждают, что различие между ограничениями юрисдикций государств, устанавливаемыми международным правом, и их разграничением иллюзорно. Такой вывод, однако, был бы поспешным. Если посмотреть на то и другое, имея в виду цели ограничений юрисдикций, с одной стороны, и их разграничения, с другой, то разница между ними станет понятной. Цель ог-

²⁸ Бюллетень международных договоров. 2001. №8. С. 21–22.

²⁹ Жуков Г.П. Проблемы осуществления юрисдикции государств на международной космической станции. // Российский ежегодник международного права. 2001. СПб., «Россия – Нева», 2001. С. 327.

раничений – установить своего рода международно-правовой барьер на пути возможного расширения юрисдикции. Ограничения адресованы каждому государству в отдельности. Они могут быть недостаточно четкими. Они могут быть адресованы только некоторым государствам согласно заключенному между ними договору. Наконец, они могут допускать самое широкое расширение юрисдикции государств (предусматривать в каких-то случаях универсальную юрисдикцию). В принципе же они указывают конкретному государству, до каких пределов оно в той или иной ситуации может расширить свою юрисдикцию. Такие пределы устанавливаются путем целенаправленного или стихийного согласования волеизъявлений государств, но цель ограничений от этого не меняется.

Цель разграничения юрисдикций другая. Их разграничение осуществляется для того, чтобы ликвидировать совмещение юрисдикций государств (устранить ситуации, когда они перекрывают друг друга, или предотвратить их совмещение). Потребность в разграничении юрисдикций возникает в том случае, если какие-либо государства на равных основаниях могут претендовать на установление и осуществление своей юрисдикции в отношении определенных лиц, объектов, пространства, видов деятельности, не выходя за пределы, определяемые международным правом. Международно-правовые ограничения в подобных ситуациях не препятствуют тому, что юрисдикции государств перекрывают друг друга. Для того, чтобы этому воспрепятствовать, ограничений недостаточно. Требуется именно разграничение юрисдикций. Впрочем, не исключено, что нормы международного права могут, предотвращая более или менее успешно конкуренцию юрисдикций государств путем их разграничения, одновременно выполнять и другую задачу – устанавливать их взаимные ограничения. Например, ограничения свободы открытого моря в исключительной экономической зоне играют также роль разграничителя юрисдикций прибрежных государств и государств, суда которых осуществляют плавание в его исключительной экономической зоне. Грань между ограничениями юрисдикций и их разграничением в этих случаях, которые встречаются нередко, практически становится неуловимой. Но это не является основанием для того, чтобы смешивать ограничения и разграничение. Следует помнить о различных целях, которые они преследуют. Может быть, такой взгляд носит слишком теоретический характер, однако он оправдан хотя бы в доктринальном плане.

При рассмотрении договорных положений, разграничивающих административную юрисдикцию, относительное единообразие наблюдается в подходах к решению вопроса о ликвидации двойного налогообложения. Во всех договорах, посвященных проблеме двойного налогообложения, предусматривается общее правило: налогообложению подлежат имущество и доходы только в одном из договаривающихся государств (как правило, по этим вопросам заключаются двусторонние договоры). Но в деталях такие договоры могут значительно друг от друга отличаться. Вместе с тем в международно-правовой литературе отмечалось, что отрицается существование каких-либо норм международного обычного права, относящихся к фискальной юрисдикции³⁰.

Общие подходы к разграничению юрисдикций можно обнаружить и в договорной практике в области сотрудничества по некоторым другим вопросам, связанным с административной юрисдикцией, особенно по консульским вопросам (прежде всего в отношении регистрации актов гражданского состояния и осуществления нотариальных функций). Роль международных обычаев в этой области хорошо известна. Подробно рассматривать указанные вопросы нецелесообразно, так как им свойственна большая специфика и они должны быть предметом самостоятельного исследования³¹.

Что касается конкуренции гражданских юрисдикций государств, то здесь трудно выявить какие-либо общие подходы, так как предметная сфера гражданской юрисдикции отличается многообразием. Часто государства вообще избегают устранять конкуренцию юрисдикций в данной сфере договорным путем. Вряд ли концепция юрисдикции «длинной руки», взятая на вооружение законодательством США, может стимулировать договорное разграничение гражданской юрисдикции США и какого-либо еще государства. Не способствовала этому и подвергшаяся в свое время критике позиция французских судов, осуществлявших гражданскую юрисдикцию только в силу того обстоятельства, что истец был французским гражданином, хотя ответчик не являлся постоянно проживающим во Франции иностранцем³².

³⁰ Mann F.A. *Studies of International Law*. Oxford, 1973. P. 95.

³¹ В какой-то степени представление об этом дает курс лекций Смирнова Ю.М. «Консульское право: практика применения» (М.: изд-во НИМП, 2001), хотя он в основном концентрирует внимание на российском законодательстве по консульским вопросам.

³² Mann F.A. *Op.cit.* P. 67.

Договорное разграничение гражданских юрисдикций встречается в российской практике – в договорах о правовой помощи. В тех разделах этих договоров, которые относятся к сотрудничеству по гражданским делам, содержатся коллизионные нормы, неизбежно влекущие за собой и разграничение юрисдикций. В самом деле, определяя, какое законодательство подлежит применению (или чье право), такие нормы тем самым разграничивают и юрисдикцию государств. Изучение особенностей коллизионных норм – область науки международного частного права. Однако нормы договоров о правовой помощи относятся к международному публичному праву, и поэтому уместным будет сделать несколько общих замечаний о том, как они разграничивают гражданские юрисдикции.

В одних случаях разграничение проводится в сфере материального права. Например, в договоре о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Россией и Польшей от 16 сентября 1996 г., более подробном, чем ранее действовавший, предусматривается, что обязательства по договорам определяются законодательством, которое будет избрано сторонами. Если стороны его не избрали, то «...применяется законодательство Договаривающейся Стороны, на территории которой проживает, учреждена или имеет местонахождение сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора»³³.

В других случаях разграничение затрагивает только процессуальную сферу. Это характерно для уже упоминавшейся конвенции о правовой помощи между членами СНГ от 22 января 1993 г. В ней, в частности, говорится:

«В случае возбуждения производства по делу между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям в судах двух Договаривающихся Сторон, компетентных в соответствии с настоящей конвенцией, суд, возбудивший дело позднее, прекращает производство»³⁴.

Приведенные выше положения нельзя считать образцами на все случаи жизни, но какую-то тенденцию, диктуемую элементарной юридической логикой, они отражают.

Не повторяя выводов, сделанных в ходе рассмотрения подходов к проблеме устранения конкуренции юрисдикций государств, следовало бы высказать в связи с этим некоторые соображения.

³³ Бюллетень международных договоров. 2002. № 5. С. 67.

³⁴ Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. С. 10.

Во-первых, разграничение юрисдикций государств означает проведение «водораздела» прежде всего между законодательными (предписательными) юрисдикциями государств, т.е. между установлением их юрисдикции.

Во-вторых, есть области, где проблема разграничения юрисдикций только начинает привлекать внимание, хотя с каждым днем она становится все острее (например, в сфере «виртуальной реальности»). Ее решение зависит от пути научно-технического прогресса, и предугадать, каков будет результат, трудно.

В-третьих, преждевременно говорить о том, что образуются нормы международного права общего характера, разграничивающие юрисдикции государств.

В-четвертых, решать проблему разграничения юрисдикций государств в целом рано или поздно придется. Очевидно, в настоящее время самое реалистичное – обеспечивать подходы к такому решению, заключая договоры не общего характера, а по конкретным вопросам. Тенденция к увеличению количества таких договоров уже проявилась.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Еще раз о соотношении международного публичного и международного частного права

**(Ануфриева Л.П. Соотношение международного
публичного и международного частного права: правовые
категории. – Москва: Издательство «Спарк», 2002. – 415 с.)**

Колосов Ю.М.*

Означенная в названии книги проблема не нова. Активные дискуссии ведутся более полувека. Одни юристы считают, что вопрос решен, другие – что вопрос остается открытым. Действительное положение вещей и постаралась рассмотреть Л.П. Ануфриева.

Автор исходит из той посылки, что теория международного частного права остается неразработанной и расплывчатой (с. 5). Соответственно, считает автор, «речь должна идти о создании такой системы научных категорий, которая обеспечивает целостность и единство теории международного публичного и теории международного частного права соответственно как специальных наук» (с. 10)

В работе сделан вывод, что конструирование понятийных рядов, слагаемых из системообразующих категорий в международном публичном праве (МПП) и международном частном праве (МЧП), непременно должно охватывать следующие правовые абстракции: функции и задачи, объект правового регулирования, субъекты права, методы правового регулирования, принципы и нормы (с. 19). К основным (опорным) категориям в МПП отнесены принципы международного права, а в МЧП – коллизионные нормы.

* Колосов Юрий Михайлович – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой международного права МГИМО (У) МИД России.

Третий раздел монографии посвящен рассмотрению понятийных рядов в категориальном аппарате МПП и МЧП. Фундаментальной категорией структурного понятийного ряда автор считает «систему права» (с. 108)

К этому понятийному ряду автор относит систему и подсистему права, отрасль и подотрасль права, правовой институт и норму права.

На наш взгляд, деление совокупности международно – правовых норм на отрасли довольно условно и призвано лишь облегчить изучение международного права и его классификацию в различных сборниках договоров и иных актов. В самом деле, к какой отрасли следует отнести право на свободу полетов над открытым морем – к морскому праву (эта норма отражена в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) или воздушному праву? Запрещение испытаний ядерного оружия в трех средах (в воздухе, в космосе и под водой) можно отнести и к воздушному праву, и к космическому, и к морскому, и к праву разоружения, и к ядерному праву.

Источник права отнесен автором к опорной категории другого структурного понятийного ряда, а именно – закон, международный договор, обычай, прецедент. Представляется, что Л.П. Ануфриева могла бы добавить в этот ряд и правотворческие решения международных организаций, которые упоминает в своем учебнике И.И. Лукашук (на него ссылается и автор на с. 188).

Рассматривая правовую категорию «правоотношение», автор справедливо отмечает отсутствие в учебниках по международному праву и в специальных монографических работах отечественных авторов исследования этого понятия (за исключением книги В.М. Шуршалова, изданной в 1971 г.) – с. 253 и сл.

В этой связи заслуживают внимания рассуждения автора о природе коллизионных норм в МЧП и о необходимости углубленного исследования этой проблемы. Л.П. Ануфриева утверждает, в частности, что в «надлежащем понимании содержания понятия «правопорядок»... центральное место занимают правоотношения» (с. 260). Думается, что такой подход может вызвать дискуссию, в том числе и на страницах нашего журнала.

Далее, в гл. 5 автор переходит к рассмотрению функциональных понятийных рядов в международном публичном и международном частном праве. К ним в монографии отнесены понятия осуществление права, имплементация права, действие права, правоприменение, при-

менение иностранного права. К сожалению в этом разделе монографии не рассматривается проект статей Комиссии международного права о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Между тем, в этом проекте содержатся положения, касающиеся применения судами иностранного права.

Поскольку согласно преобладающей сегодня точке зрения международное частное право считается отраслью национального права, логично, что четвертый раздел монографии посвящен соотношению и взаимодействию международного и внутригосударственного права.

Автор отмечает возрастание взаимосвязи международного и внутригосударственного права в современном мире (с. 323). В монографии убедительно показано, что эти две правовые системы находятся в постоянном взаимодействии. Как естественное продолжение темы соотношения международного и внутригосударственного права, в последней главе рассматривается взаимодействие международного публичного и международного частного права.

Монография Л.П. Ануфриевой настолько насыщена анализом взглядов ученых, представляющих науки международного публичного, международного частного и внутригосударственного права, что сколько — нибудь детальное сопоставление оценок автором этих взглядов не представляется возможным. Разумеется, исследование такого масштаба предназначено не для студентов. Теоретическое значение данного труда не оставляет сомнений, и многие юристы будут еще долго осваивать логику автора и использовать ее в дальнейших дискуссиях по вопросу о соотношении международного публичного и международного частного права.

ХРОНИКА

Монтеррейская международная конференция по финансированию развития

*Мишаков А.А.**

«Если нам не удастся мобилизовать значительно больший объем ресурсов – как из государственного, так и рыночного секторов, – наши планы по искоренению нищеты и ускорению развития останутся всего лишь планами».

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан
Май 2001 года

18-22 марта 2002 года Организация Объединенных Наций провела конференцию, которая была впервые организована на уровне саммита, для рассмотрения ключевых финансовых и смежных вопросов, касающихся глобального развития.

В декабре 1999 года Генеральная Ассамблея приняла ключевую резолюцию A/RES/54/196, в которой были определены главные цели мероприятия по финансированию развития: рассмотрение национальных, международных и системных вопросов, связанных с финансированием развития, на основе целостного подхода, учитывающего воздействие глобализации и взаимозависимости; и определение средств для обеспечения наличия достаточных финансовых средств для реализации целей, поставленных крупными конференциями и встречами на высшем уровне Организации Объединенных Наций в период 90-х годов.

В сентябре 2000 года на Саммите тысячелетия руководители стран приняли решение «приложить все усилия для обеспечения успешного

* Мишаков Алексей Анатольевич – атташе посольства России в Мексике.

проведения» этого мероприятия. В своем докладе Подготовительному комитету, опубликованном в январе 2001 года (А/АС.257/12), Генеральный секретарь выдвинул всесторонние рекомендации в области политики финансирования.

Беспрецедентным аспектом процесса финансирования развития является активное участие Всемирного банка, Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации в процессе, инициированном и возглавляемом Организацией Объединенных Наций. В подготовке и проведении Конференции также приняли участие Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, Программа развития Организации Объединенных Наций, ряд региональных комиссий и другие учреждения системы Организации Объединенных Наций, а также представители гражданского общества и деловых кругов.

Программа мероприятий по финансированию развития

С учетом условий мобилизации и использования ресурсов в целях развития для обсуждения и принятия решений было определено шесть ключевых областей.

Мобилизация внутренних финансовых ресурсов. Основная часть финансовых средств на цели развития той или иной страны мобилизуется самой страной. Для эффективной мобилизации и использования государственных и частных средств в целях содействия социально-экономическому развитию необходимы действенные правовые учреждения, налоговые системы, государственное управление и финансовая инфраструктура.

Мобилизация прямых иностранных инвестиций и других частных средств. В дополнение к внутренним ресурсам большинству развивающихся стран необходимо задействовать иностранный капитал для удовлетворения ключевых инвестиционных потребностей. Это означает более широкое привлечение частных финансовых средств из-за рубежа, таких как прямые иностранные инвестиции, портфельные инвестиции и банковские займы. Главной задачей в этой области является увеличение объема и масштабов использования этих средств при одновременном ограничении неустойчивости потоков таких средств.

Международная торговля. Торговые поступления являются одним из крупных источников содействия экономическому росту и искоре-

нению нищеты, особенно в том случае, когда они заставляют хозяйственных субъектов использовать производственный потенциал наиболее эффективным образом. Вместе с тем дальнейший быстрый рост торговли не может быть гарантирован, и многие развивающиеся страны, открыв свою экономику, смогли получить весьма скудные выгоды.

Официальная помощь в целях развития. Несмотря на то, что в области официальной помощи в целях развития наблюдается долгосрочная тенденция к сокращению, такая помощь по-прежнему имеет большое значение для развития многих стран с низким уровнем дохода. Дополнительная помощь также требуется для того, чтобы страны мира смогли реализовать на практике установленные на Саммите тысячелетия цели искоренения нищеты и обеспечения развития человека.

Облегчение бремени задолженности. В рамках инициативы в отношении бедных стран с крупной задолженностью был списан значительный объем задолженности, однако тяжелое долговое бремя по-прежнему сдерживает усилия многих развивающихся стран по обеспечению их развития. Наряду с поиском решений нынешних долговых проблем многое делается для того, чтобы не дать развивающимся странам вновь оказаться в долговой яме.

Международные валютная, финансовая и торговая системы. Масштабы и возрастающая частота финансовых потрясений и глубоких нарушений в функционировании глобальной экономики со времени основания бреттонвудской системы полвека назад привели к необходимости реорганизации международной финансовой системы. Некоторые изменения уже внесены, но многое еще предстоит сделать. Одна из задач заключается в поиске путей расширения участия развивающихся стран в международных экономических процессах. Другая связана с повышением согласованности действий ключевых учреждений в области международных финансов, денег, торговли и развития. В этой связи Организация Объединенных Наций должна иметь возможность играть более эффективную роль на международной экономической арене.

Процесс

Подготовительный комитет по финансированию развития был учрежден в начале 2000 года. Для содействия процессу консультаций было проведено пять региональных совещаний: в Джакарте (Индонезия); Аддис-Абебе (Эфиопия); Боготе (Колумбия); Бейруте (Ливан) и Жене-

ве (Швейцария). Кроме того, в конце 2000 года было проведено два раунда публичных слушаний, на которых были представлены соответствующие мнения правительственных организаций и представителей частного сектора, включая старших должностных лиц банков, компаний, занимающихся управлением инвестициями, многонациональных корпораций и средних и мелких предприятий из развитых и развивающихся стран. Результаты этих заседаний наряду с выводами ряда межучрежденческих рабочих групп способствовали подготовке рекомендаций, содержащихся в программном докладе Генерального секретаря, опубликованном в январе 2001 года.

Правительства рассмотрели основную повестку дня Конференции на двух сессиях Подготовительного комитета в феврале и мае 2001 года.

В дополнение к предыдущей документации Подготовительному комитету был также представлен важный доклад Группы высокого уровня по финансированию развития, назначенной Генеральным секретарем и возглавляемой бывшим президентом Мексики Эрнесто Седильо. Этот доклад был опубликован в июне 2001 года. Кроме того, Подготовительный комитет также просил крупных институциональных и неинституциональных участников продолжить рассмотрение конкретных инициатив в поддержку процесса подготовки мероприятия по финансированию развития.

18 марта на открытии этапа заседаний на высшем уровне с заявлениями выступили Председатель Генеральной Ассамблеи, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций и руководители Международного валютного фонда, Всемирного банка и Всемирной торговой организации.

На пленарных заседаниях 21-22 марта выступили свыше 50 глав государств и правительств. Участники этапа заседаний на высшем уровне заслушали также заявления организаторов форума по вопросам гражданского общества, форума международных предпринимателей и форума парламентариев. Правительства стран – членов Европейского союза – и Соединенных Штатов Америки выступили с крупными новыми заявлениями по вопросу об уровнях ОПР.

Монтеррейский консенсус был принят путем аккламации на этапе заседаний на высшем уровне Международной конференции по финансированию развития 22 марта 2002 г.

В течение трех дней свыше 800 человек участвовали во впервые проводившихся четырехсторонних «круглых столах» по глобальным

макроэкономическим вопросам. В этих «круглых столах» участвовали правительственные делегации (48), участвующие организации (8), представители гражданского общества (7) и представители предпринимательского сектора (7).

Во вторник был проведен «круглый стол» на уровне министров по теме «Партнерство в финансировании развития», в среду – «круглый стол» на уровне министров по теме «Согласованность в интересах развития» и в четверг – «круглый стол» на высшем уровне по теме «Финансирование развития: взгляд вперед». Подготовленные сопредседателями резюме были включены в заключительный доклад Конференции.

В течение недели, когда проводилась Конференция, было организовано свыше 55 сопутствующих мероприятий.

В дополнение к официальным мероприятиям и форумам правительство Мексики организовало в среду вечером заседание министров финансов, в четверг вечером ужин для глав делегаций, в пятницу днем выездное мероприятие для глав государств и правительств, а в пятницу вечером – прием на открытом воздухе для всех участников Конференции. Было проведено четыре независимых форума по финансированию развития.

Форум по вопросам гражданского общества работал с четверга по субботу, 14-16 марта 2002 г. Форум парламентариев состоялся в субботу, 16 марта 2002 г., в мексиканском сенате в Мехико, форум местных органов власти был проведен под председательством мэра Монтеррея, а форум международных предпринимателей состоялся в понедельник, 18 марта 2002 г.

Хорст Келер, представляющий Международный валютный фонд, Джеймс Д. Вулфенсон, представляющий Всемирный банк, и Майкл - Мур, представляющий Всемирную торговую организацию, сопредседествовали на «круглых столах» на уровне глав государств и выступили со специальными вступительными заявлениями на этапе заседаний на высшем уровне.

На Конференции были приняты следующие рекомендации.

Конференция рекомендует Генеральной Ассамблее укреплять и шире использовать Ассамблею и Экономический и Социальный Совет, а также соответствующие межправительственные руководящие органы других заинтересованных учреждений в целях принятия последующих мер и укрепления координации по итогам Конференции. Участ-

ники Конференции признали существующую связь между финансированием развития и достижением согласованных на международном уровне целей и целевых показателей в области развития, в том числе содержащихся в Декларации тысячелетия. В главе, посвященной дальнейшему участию, содержалось, например, предложение о необходимости продолжения взаимных контактов между представителями Экономического и Социального Совета и директорами исполнительных советов Всемирного банка и Международного валютного фонда и представителями соответствующего межправительственного органа Всемирной торговой организации.

Организации Объединенных Наций, Всемирному банку и Международному валютному фонду совместно с Всемирной торговой организацией необходимо рассмотреть вопросы согласованности, координации и сотрудничества в рамках последующей деятельности по итогам Конференции. В ходе такого совещания следует предусмотреть проведение межправительственного этапа для рассмотрения повестки дня, согласованной участвующими организациями, а также диалога с гражданским обществом и частным сектором. В рамках нынешнего диалога высокого уровня по вопросу об укреплении международного сотрудничества и в целях развития на основе партнерства, проводимого каждые два года Генеральной Ассамблеей, следует рассмотреть доклады по вопросам финансирования развития, представляемые Экономическим и Социальным Советом и другими органами, а также другие вопросы, касающиеся финансирования развития. Процесс ведения диалога следует реорганизовать таким образом, чтобы он мог выполнять функции межправительственной координации общей последующей деятельности по итогам Конференции и связанных с ней вопросов. В рамках диалога высокого уровня будет предусмотрен диалог по вопросам политики с участием соответствующих заинтересованных сторон по теме выполнения решений Конференции, включая тему повышения согласованности и последовательности функционирования международных валютной, финансовой и торговой систем в интересах развития.

Правительствам следует продолжать повышать согласованность внутренней политики путем обеспечения непрерывного участия их министров по вопросам развития, финансов, торговли и иностранных дел, а также их центральных банков.

Научно-консультативная встреча с разработчиками принципов транснационального гражданского процесса

*Ходыкин Р.М.**

4 июня 2002 г. в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России состоялась научно-консультативная встреча российских ученых с разработчиками Принципов и правил транснационального гражданского процесса (Principles and Rules of Transnational Civil Procedure). Представленный документ был разработан Американским институтом права (The American law institute) совместно с Международным институтом унификации частного права – УНИДРУА (UNIDROIT). На заседание были приглаше-

Фото – И.В. Лилесва

Слева направо: профессор С.Н. Лебедев, профессор Джеффри Хазард, профессор Мишель Таруффо, профессор Антонио Джели.

* Ходыкин Роман Михайлович – аспирант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России.

ны известные российские процессуалисты и специалисты в области международного частного права. Заседание проходило на английском языке с синхронным переводом.

Заседание открыл профессор С.Н. Лебедев (заведующий кафедрой международного частного и гражданского права МГИМО, председатель Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ, член Президиума Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ), представивший на встрече авторов документа: Джеффри Хазарда (профессора Университета Пенсильвании, США), Мишеля Таруффо (профессора УНИДРУА, Италия) и Антонио Джиди (профессора университета Пенсильвании, Бразилия).

От российской стороны присутствовали В.М. Жуйков (д.ю.н., профессор, Заместитель Председателя Верховного суда РФ), Т.Е. Абова (д.ю.н., профессор, зав. сектором гражданского права и процесса Института государства и права РАН, арбитр Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ), В.А. Кабатов (д.ю.н., профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО, арбитр МКАС) А.А. Костин (профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО, заместитель председателя МКАС), Л.В. Туманова (д.ю.н., профессор, декан юридического факультета Тверского государственного университета), Т.Н. Нешатаева (д.ю.н., профессор, Высший Арбитражный суд РФ), Н.Г. Елисеев (к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО), а также преподаватели юридических вузов, адвокаты, аспиранты.

Проект уже обсуждался при участии ученых из разных стран, во многих городах мира, включая Рим, Фрайбург, Барселону, Ванкувер, Сан-Франциско, Вашингтон и Филадельфию, Париж и др.¹ Теперь этот список пополнила и Москва.

Обсуждавшийся документ представляет собой попытку унификации (сближения законодательств) в такой сложной сфере как процессуальное право. Сложность унификации состоит в том, что практически все правовые системы мира относят процессуальное право к области публичного права и, следовательно, не допускают в этой области постановки коллизионного вопроса и применения иностранного законодательства. Напротив суды каждого государства применяют соб-

¹ По результатам встреч опубликован ряд книг, например: *Uniform Law Review / Revue de droit uniforme*. 2001-4; *Principles and Rules of Transnational civil Procedure. Discussion Draft No 3 (with comments)*. 2002.

ственное процессуальное право по принципу *lex fori*. Прямым следствием этого были вопросы участников встречи о том, в какой форме планируется принять документ, – будет ли это обязательная для стран конвенция или рекомендательный акт, который будет применяться по соглашению сторон, как, например, действуют Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). Однако, однозначного ответа на этот вопрос пока нет. После обсуждений в разных странах работа над проектом будет продолжена.

Участники высказали много ценных замечаний, не оставленных без внимания разработчиками, высоко оценившими результативность встречи. В свою очередь российские ученые поблагодарили разработчиков за интересную дискуссию по международному гражданскому процессуальному праву. Остается надеяться, что опыт мировой унификации будет претворен в жизнь.

КТО ЕСТЬ КТО В НАШЕЙ НАУКЕ

БАЛАН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

(Республика Молдова, г. Кишинэу)
доктор юридических наук, доцент

Родился в 1969 году в селе Кырпешть, Кагульского уезда, Республика Молдова. В 1986 г. окончил сельскую среднюю школу, в которой с сентября 1986 г. по ноябрь 1987 г. работал в качестве учителя. После службы в советской армии в 1990 году поступил на юридический факультет Бухарестской Академии полиции «Александру Иоан Куза» (Румыния), которую окончил с отличием в 1994 году.

После окончания факультета в августе 1994 года работал в качестве преподавателя на кафедре публичного права Национальной Академии полиции «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова. Впоследствии занимал должности старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой публичного права, декана факультета права Академии полиции «Штефан чел Маре» МВД РМ. В настоящее время занимает должность директора Военного Лицея МВД РМ.

В 1995 году стал аспирантом госуниверситета «Бабеш-Болияй» в Клуж-Напока (Румыния). Тема докторской диссертации – «Международный терроризм». В октябре 1998 года защитил диссертацию, и была

присвоена ученая степень доктора наук, специализация «Международное публичное право».

Читает курс по международному публичному праву и спецкурс по международному гуманитарному праву в Академии МВД РМ «Штефан чел Маре».

Имеет свыше 30 опубликованных научных работ. Среди них две монографии: «Терроризм – международное преступление» и является соавтором монографии «Терроризм и антитерроризм», а также является соавтором первого учебника по международному публичному праву в Республике Молдова.

В настоящее время работает над составлением курса по международному гуманитарному праву на молдавском языке.

Является членом Редакционного совета «Московского журнала международного права».

ДОКУМЕНТЫ

Примечание к документу

Конвенция открыта для подписания с 21.05.1997 по 20.05.2000.

Конвенция не вступила в силу на 15.02.2000.

Россия подписала Конвенцию (Постановление Правительства РФ от 15.11.1997 № 1429).

Текст документа

КОНВЕНЦИЯ О ПРАВЕ НЕСУДОХОДНЫХ ВИДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДОТОКОВ (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года)

Стороны настоящей Конвенции,
сознавая важность международных водотоков и несудоходных видов их использования во многих регионах мира,

учитывая пункт 1 «а» статьи 13 Устава Организации Объединенных Наций, в котором предусматривается, что Генеральная Ассамблея организует исследования и делает рекомендации в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации,

считая, что успешная кодификация и прогрессивное развитие норм международного права, регулирующих несудоходные виды использования международных водотоков, будут способствовать поощрению и осуществлению целей и принципов, изложенных в статьях 1 и 2 Устава Организации Объединенных Наций,

принимая во внимание проблемы, затрагивающие многие международные водотоки вследствие, среди прочего, повышения уровня потребления и загрязнения,

выражая убежденность в том, что рамочная конвенция обеспечит использование, освоение, сохранение, управление и защиту международных водотоков и содействие их оптимальному и устойчивому использованию для нынешнего и будущих поколений,

подтверждая важность международного сотрудничества и добрососедских отношений в этой области,

учитывая особое положение и потребности развивающихся стран, ссылаясь на принципы и рекомендации, принятые на состоявшейся в 1992 году Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию и содержащиеся в Рио-де-Жанейрской декларации и Повестке дня на XXI век,

ссылаясь также на существующие двусторонние и многосторонние соглашения, касающиеся несудоходных видов использования международных водотоков,

учитывая ценный вклад международных организаций, как правительственных, так и неправительственных, в кодификацию и прогрессивное развитие международного права в этой области,

высоко оценивая работу, проделанную Комиссией международного права по теме несудоходных видов использования международных водотоков,

принимая во внимание Резолюцию 49/52 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1994 года, договорились о следующем:

Часть I. ВВЕДЕНИЕ

Статья 1

Сфера применения настоящей Конвенции

1. Настоящая Конвенция применяется к использованию международных водотоков и их вод в иных, чем судоходство, целях и к мерам защиты, сохранения и управления при таком использовании этих водотоков и их вод.

2. Использование международных водотоков для судоходства не входит в сферу применения настоящей Конвенции, за исключением тех случаев, когда другие виды использования затрагивают судоходство или затрагиваются судоходством.

Статья 2

Употребление терминов

Для целей настоящей Конвенции:

а) «водоток» означает систему поверхностных и грунтовых вод, составляющих в силу своей физической взаимосвязи единое целое и обычно имеющих общее окончание;

b) «международный водоток» означает водоток, части которого находятся в различных государствах;

c) «государство водотока» означает государство - участника настоящей Конвенции, на территории которого находится часть международного водотока, или сторону, являющуюся региональной организацией экономической интеграции, на территории одного или более государств - членов которой находится часть международного водотока;

d) «региональная организация экономической интеграции» означает организацию, образуемую суверенными государствами конкретного региона, которой ее государства - члены передали компетенцию в отношении вопросов, регулируемых настоящей Конвенцией, и которая была должным образом уполномочена в соответствии с ее внутренними процедурами подписать, ратифицировать, принять, утвердить Конвенцию или присоединиться к ней.

Статья 3

Соглашения о водотоке

1. В отсутствие соглашения об ином ничто в настоящей Конвенции не затрагивает права и обязательства государства водотока, вытекающие из действующих соглашений, участником которых оно является на дату присоединения к настоящей Конвенции.

2. Независимо от положений пункта 1, участники соглашений, упомянутые в пункте 1, могут, при необходимости, рассматривать возможность согласования таких соглашений с основными принципами настоящей Конвенции.

3. Государства водотока могут заключить одно или несколько соглашений, именуемых ниже соглашениями о водотоке, о применении и приспособлении положений настоящей Конвенции к характеристикам и видам использования данного международного водотока или его части.

4. Если соглашение о водотоке заключается между двумя или несколькими государствами водотока, в нем должны указываться воды, к которым оно применяется. Такое соглашение может заключаться в отношении всего международного водотока либо какой-либо его части или конкретного проекта, программы или вида использования, за исключением случаев, когда это соглашение неблагоприятно затрагивает в значительной степени использование вод этого водотока одним или несколькими государствами водотока без их прямого согласия.

5. Если государство водотока считает, что требуется приспособление и применение положений настоящей Конвенции вследствие характеристик и видов использования данного международного водотока, государства водотока организуют консультации, имея в виду проведение переговоров в духе доброй воли с целью заключения соглашения или соглашений о водотоке.

6. Когда применительно к конкретному международному водотоку некоторые, но не все государства водотока являются участниками какого-либо соглашения, ничто в таком соглашении не затрагивает права и обязательства по настоящей Конвенции государств водотока, которые не являются участниками такого соглашения.

Статья 4

Стороны соглашений о водотоке

1. Всякое государство водотока имеет право участвовать в переговорах о заключении и стать стороной любого соглашения о водотоке, которое применяется к этому международному водотоку в целом, а также участвовать в любых соответствующих консультациях.

2. Государство водотока, чье использование международного водотока может быть в значительной степени затронуто осуществлением предполагаемого соглашения о водотоке, которое применяется лишь к части водотока или конкретному проекту, программе или виду использования, имеет право участвовать в консультациях в отношении такого соглашения и, при необходимости, в проводимых в духе доброй воли переговорах о заключении такого соглашения с целью стать его стороной в той мере, в какой использование этим государством затрагивается таким образом.

Часть II. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Статья 5

Справедливое и разумное использование и участие

1. Государства водотока используют в пределах своей соответствующей территории международный водоток справедливым и разумным образом. В частности, международный водоток используется и осваивается государствами водотока с целью достижения его оптимального и устойчивого использования и получения связанных с этим выгод, с

учетом интересов соответствующих государств водотока, при надлежащей защите водотока.

2. Государства водотока участвуют в использовании, освоении и защите международного водотока справедливым и разумным образом. Такое участие включает как право использовать водоток, так и обязанность сотрудничать в его защите и освоении, как это предусмотрено в настоящей Конвенции.

Статья 6

Факторы, относящиеся к справедливому и разумному использованию

1. Использование международного водотока справедливым и разумным образом по смыслу статьи 5 требует учета всех соответствующих факторов и обстоятельств, включая:

а) географические, гидрографические, гидрологические, климатические, экологические и другие факторы природного характера;

б) социально-экономические потребности соответствующих государств водотока;

в) зависимость населения от водотока в каждом государстве водотока;

г) воздействие одного или нескольких видов использования водотока в одном государстве водотока на другие государства водотока;

д) существующие и потенциальные виды использования водотока;

е) сохранение, защиту, освоение и экономичность использования водных ресурсов водотока и затраты на принятие мер в этих целях;

ж) наличие альтернатив данному запланированному или существующему виду использования, имеющих сопоставимую ценность.

2. При применении статьи 5 или пункта 1 настоящей статьи соответствующие государства водотока, в случае возникновения необходимости, вступают в консультации в духе сотрудничества.

3. Значение, которое должно быть придано каждому фактору, подлежит определению в зависимости от его важности по сравнению с другими соответствующими факторами. При определении того, что является разумным и справедливым использованием, все соответствующие факторы должны рассматриваться совместно и заключение должно выноситься на основе всех факторов.

Статья 7

Обязательство не наносить значительный ущерб

1. Государства водотока при использовании международного водотока на своей территории принимают все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба другим государствам водотока.

2. В том случае, когда другому государству водотока все же наносится значительный ущерб, государство, которое своим использованием наносит такой ущерб, в отсутствие соглашения о таком использовании, принимает все надлежащие меры, с должным учетом положений статей 5 и 6, в консультации с потерпевшим государством, для ликвидации или уменьшения такого ущерба и, при необходимости, для обсуждения вопроса о компенсации.

Статья 8

Общее обязательство сотрудничать

1. Государства водотока сотрудничают на основе суверенного равенства, территориальной целостности, взаимной выгоды и добросовестности в целях достижения оптимального использования и надлежащей защиты международного водотока.

2. При определении способов такого сотрудничества государства водотока могут рассмотреть вопрос о том, чтобы создавать – в зависимости от того, что они считают необходимым, – совместные механизмы или комиссии для облегчения сотрудничества в отношении соответствующих мер и процедур, принимая при этом во внимание опыт сотрудничества, накопленный в рамках имеющихся в различных регионах совместных механизмов и комиссий.

Статья 9

Регулярный обмен данными и информацией

1. В соответствии со статьей 8 государства водотока на регулярной основе обмениваются легкодоступными данными и информацией о состоянии водотока, в частности данными и информацией гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера, и данными и информацией, касающимися качества воды, а также соответствующими прогнозами.

2. Если у государства водотока запрашиваются другим государством водотока данные или информация, которые не являются легкодоступ-

ными, то оно прилагает все усилия для выполнения такой просьбы, однако может обуславливать ее выполнение оплатой запрашивающим государством разумных издержек, связанных со сбором и, при необходимости, обработкой таких данных или информации.

3. Государства водотока прилагают все усилия для сбора и, при необходимости, обработки данных и информации таким образом, чтобы это облегчало их использование другими государствами водотока, которым они предоставляются.

Статья 10

Взаимосвязь между различными видами использования

1. В отсутствие иного соглашения или обычая никакой вид использования международного водотока не пользуется неотъемлемым приоритетом перед другими видами использования.

2. В случае возникновения противоречия между видами использования международного водотока оно должно разрешаться с учетом статей 5 - 7 с уделением особого внимания требованиям удовлетворения насущных человеческих нужд.

Часть III. ПЛАНИРУЕМЫЕ МЕРЫ

Статья 11

Информация, касающаяся планируемых мер

Государства водотока обмениваются информацией и консультируются друг с другом и, при необходимости, вступают в переговоры о возможных последствиях планируемых мер для состояния международного водотока.

Статья 12

Уведомление, касающееся планируемых мер, чреватых возможными неблагоприятными последствиями

Прежде чем осуществить или санкционировать осуществление планируемых мер, которые могут иметь значительные неблагоприятные последствия для других государств водотока, государство водотока своевременно направляет этим государствам уведомление об этом. Такое уведомление сопровождается имеющимися техническими данными и информацией, включая результаты любой экологической экс-

пертизы, с тем чтобы уведомляемые государства могли оценить возможные последствия планируемых мер.

Статья 13

Срок представления ответа на уведомление

Если не достигнуто договоренности об ином:

а) государство водотока, направляющее уведомление согласно статье 12, предоставляет уведомляемым государствам срок в шесть месяцев для изучения и оценки возможных последствий планируемых мер и сообщения ему о своих выводах;

б) по просьбе уведомляемого государства, для которого оценка планируемых мер представляет особые трудности, этот срок продлевается на шесть месяцев.

Статья 14

Обязательства уведомляющего государства в течение срока представления ответа

В течение срока, указанного в статье 13, уведомляющее государство:

а) сотрудничает с уведомляемыми государствами, предоставляя им, по их просьбе, любые дополнительные данные и информацию, которые имеются в наличии и необходимы для правильной оценки; и

б) не осуществляет планируемые меры и не санкционирует их осуществление без согласия уведомляемых государств.

Статья 15

Ответ на уведомление

В течение срока, установленного согласно статье 13, уведомляемые государства как можно скорее сообщают о своих выводах уведомляющему государству. Если уведомляемое государство сочтет, что осуществление планируемых мер будет несовместимым с положениями статей 5 или 7, оно прилагает к своему выводу документированное объяснение, в котором излагаются основания для данного вывода.

Статья 16

Отсутствие ответа на уведомление

1. Если в течение срока, установленного согласно статье 13, уведомляющее государство не получает сообщения согласно статье 15, оно

может с соблюдением своих обязательств по статьям 5 и 7 приступить к осуществлению планируемых мер в соответствии с этим уведомлением и любыми другими данными и информацией, предоставленными уведомляемым государствам.

2. В счет любого требования о компенсации, поступающего от уведомляемого государства, которое не представило ответа в течение срока, установленного согласно статье 13, могут быть зачтены расходы, понесенные уведомляющим государством в связи с действиями, предпринятыми после истечения срока представления ответа, которые не были бы предприняты, если бы уведомляемое государство в течение этого срока возразило.

Статья 17

Консультации и переговоры, касающиеся планируемых мер

1. Если согласно статье 15 поступает сообщение о том, что осуществление планируемых мер будет несовместимым с положениями статей 5 или 7, уведомляющее государство и государство, направившее сообщение, вступают в консультации и, при необходимости, в переговоры с целью достичь справедливого урегулирования ситуации.

2. Консультации и переговоры проводятся на основе того, что каждое государство должно добросовестно и в разумной степени учитывать права и законные интересы другого государства.

3. В ходе консультаций и переговоров уведомляющее государство воздерживается от осуществления или санкционирования осуществления планируемых мер, если уведомляемое государство просит об этом при направлении им сообщения, в течение срока в шесть месяцев, если не достигнута иная договоренность.

Статья 18

Процедуры в случае отсутствия уведомления

1. Если какое-либо государство водотока имеет разумные основания полагать, что другое государство водотока планирует такие меры, которые могут иметь для него значительные неблагоприятные последствия, то первое государство может потребовать от второго государства применения положений статьи 12. Такое требование сопровождается документированным объяснением, в котором излагаются его основания.

2. В случае, если государство, планирующее эти меры, тем не менее считает, что оно не обязано направлять уведомление согласно статье 12, оно сообщает об этом другому государству, представляя ему документированное объяснение, в котором излагаются основания для такого вывода. Если этот вывод не удовлетворяет другое государство, эти два государства незамедлительно вступают, по просьбе данного другого государства, в консультации и переговоры в порядке, указанном в пунктах 1 и 2 статьи 17.

3. В ходе этих консультаций и переговоров планирующее эти меры государство, если другое государство просит об этом при направлении им просьбы о вступлении в консультации и переговоры, воздерживается от осуществления или санкционирования осуществления этих мер в течение шести месяцев, если не достигнута иная договоренность.

Статья 19

Неотложное осуществление планируемых мер

1. В случае если осуществление планируемых мер носит крайне неотложный характер по соображениям охраны здоровья населения, общественной безопасности или с учетом других в равной степени важных интересов, планирующее эти меры государство может, при условии соблюдения статей 5 и 7, незамедлительно приступить к осуществлению этих мер, несмотря на положения статьи 14 и пункта 3 статьи 17.

2. В таком случае другим государствам водотока, указанным в статье 12, безотлагательно направляется официальное заявление о неотложном характере этих мер вместе с соответствующими данными и информацией.

3. Планирующее эти меры государство, по просьбе любого из государств, указанных в пункте 2, оперативно вступает с ним в консультации и переговоры в порядке, указанном в пунктах 1 и 2 статьи 17.

Часть IV. ЗАЩИТА, СОХРАНЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ

Статья 20

Защита и сохранение экосистем

Государства водотока индивидуально и, при необходимости, совместно обеспечивают защиту и сохранение экосистемы международных водотоков.

Статья 21

Предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения

1. Для целей настоящей статьи «загрязнение международного водотока» означает любое пагубное изменение состава или качества вод международного водотока, которое прямо или косвенно является результатом деятельности человека.

2. Государства водотока индивидуально и, при необходимости, совместно предотвращают, сокращают и сохраняют под контролем загрязнение международного водотока, которое может нанести значительный ущерб другим государствам водотока или их окружающей среде, включая ущерб здоровью или безопасности населения, использованию вод в каких-либо полезных целях или живым ресурсам водотока. Государства водотока предпринимают шаги по согласованию своей политики в этой связи.

3. Государства водотока, по просьбе любого из них, проводят консультации в целях согласования взаимоприемлемых мер и методов предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения международного водотока, таких, как:

- а) установление совместных целевых показателей и критериев качества воды;
- б) выработка средств и способов борьбы с загрязнением из точечных и неточечных источников;
- с) составление перечней веществ, привнесение которых в воды международного водотока подлежит запрещению, ограничению, расследованию или наблюдению.

Статья 22

Привнесение чуждых или новых видов организмов

Государства водотока принимают все необходимые меры с целью предотвратить привнесение в международный водоток чуждых или новых видов организмов, которые могут оказать на экосистему водотока пагубное воздействие, наносящее значительный ущерб другим государствам водотока.

Статья 23

Защита и сохранение морской среды

Государства водотока индивидуально и, при необходимости, в сотрудничестве с другими государствами принимают в отношении международного водотока все меры, которые необходимы для защиты и сохранения морской среды, включая эстуарии, с учетом общепризнанных международных норм и стандартов.

Статья 24

Управление

1. Государства водотока по просьбе любого из них вступают в консультации относительно управления международным водотоком, которое может включать в себя учреждение совместного механизма управления.

2. Для целей настоящей статьи «управление» подразумевает, в частности:

а) планирование устойчивого освоения международного водотока и обеспечение осуществления любых принятых планов; и

б) иное содействие рациональному и оптимальному использованию и защите водотока и контролю за ним.

Статья 25

Регулирование

1. В надлежащих случаях государства водотока сотрудничают в том, чтобы реагировать на потребности или возможности регулирования стока вод международного водотока.

2. Если не достигнуто договоренности об ином, государства водотока участвуют на справедливой основе в строительстве и содержании таких объектов для регулирования, какие они могут договориться возвести, или возмещении расходов на это.

3. Для целей настоящей статьи «регулирование» означает использование гидротехнических объектов или осуществление любых других долговременных мероприятий по изменению, варьированию стока вод международного водотока или иному управлению стоком вод международного водотока.

Статья 26

Сооружения

1. Государства водотока в пределах своей соответствующей территории делают все от них зависящее для сохранения и защиты сооружений, установок и других объектов, относящихся к международному водотоку.

2. Государства водотока, по просьбе любого из них, имеющего разумные основания полагать, что оно может испытать значительные неблагоприятные воздействия, вступают в консультации в отношении:

а) безопасной эксплуатации и безопасного содержания сооружений, установок или других объектов, относящихся к международному водотоку; и

б) защиты сооружений, установок или других объектов от умышленных или небрежных действий либо сил природы.

Часть V. ВРЕДОНОСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ

Статья 27

Предотвращение и смягчение вредоносных явлений

Государства водотока индивидуально и, при необходимости, совместно принимают все соответствующие меры для того, чтобы предотвращать или смягчать связанные с международным водотоком явления, которые могут нанести вред другим государствам водотока, будь то в результате действий сил природы или деятельности человека, таких, как наводнение или ледовая обстановка, передающиеся через воду заболевания, заиливание, эрозия, вторжение соленой воды, засуха или опустынивание.

Статья 28

Чрезвычайные ситуации

1. Для целей настоящей статьи «чрезвычайная ситуация» означает ситуацию, которая наносит серьезный ущерб или создает непосредственную угрозу нанесения серьезного ущерба государствам водотока или другим государствам и которая является неожиданным результатом действия сил природы, таких, как наводнения, вскрытие льда, оползни или землетрясения, либо деятельности человека, например, промышленных аварий.

2. Государство водотока безотлагательно и самыми оперативными из имеющихся средств уведомляет другие потенциально затрагиваемые государства и компетентные международные организации о любой чрезвычайной ситуации, которая возникла на его территории.

3. Государство водотока, на территории которого возникла чрезвычайная ситуация, в сотрудничестве с потенциально затрагиваемыми государствами и, при необходимости, с компетентными международными организациями немедленно принимает все осуществимые меры, необходимость которых диктуется обстоятельствами, в целях предотвращения, смягчения и ликвидации вредных последствий чрезвычайной ситуации.

4. Когда это необходимо, государства водотока совместно разрабатывают планы чрезвычайных мер на случай чрезвычайных ситуаций, действуя при этом в сотрудничестве, при необходимости, с другими потенциально затрагиваемыми государствами и компетентными международными организациями.

Часть VI. ПРОЧИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 29

Международные водотоки и сооружения в период вооруженного конфликта

Международные водотоки и относящиеся к ним сооружения, установки и другие объекты пользуются защитой, предоставляемой согласно принципам и нормам международного права, применимым в международных и внутренних вооруженных конфликтах, и не используются в нарушение этих принципов и норм.

Статья 30

Косвенные процедуры

В тех случаях, когда имеются серьезные препятствия для прямых контактов между государствами водотока, соответствующие государства осуществляют свои обязательства по сотрудничеству, предусмотренные в настоящей Конвенции, включая обмен данными и информацией, представление уведомлений, сообщений, консультации и переговоры, посредством любой принятой ими косвенной процедуры.

Статья 31

Данные и информация, имеющие жизненно важное значение для национальной обороны или безопасности

Ничто в настоящей Конвенции не обязывает государство водотока предоставлять данные или информацию, имеющие жизненно важное значение для его национальной обороны или безопасности. Тем не менее это государство добросовестно сотрудничает с другими государствами водотока в целях предоставления им возможно более полной в данных обстоятельствах информации.

Статья 32

Недискриминация

Если заинтересованные государства водотока не достигли иной договоренности относительно защиты интересов физических или юридических лиц, которые понесли значительный трансграничный ущерб в результате деятельности, связанной с международным водотоком, или подвергаются серьезной угрозе такого ущерба, государство водотока не допускает дискриминации по признаку гражданства или места жительства или места, где такой ущерб был причинен, при предоставлении таким лицам в соответствии с его правовой системой доступа к судебным или другим процедурам либо права требовать компенсации или иного возмещения за значительный ущерб, причиненный такой деятельностью, осуществляемой на его территории.

Статья 33

Урегулирование споров

1. В случае возникновения спора между двумя или более сторонами в связи с толкованием или применением настоящей Конвенции соответствующие стороны, в отсутствие применимого соглашения между ними, стремятся урегулировать спор мирными средствами согласно изложенным ниже положениям.

2. Если соответствующие стороны не могут достичь соглашения путем переговоров, начатых по инициативе одной из них, они могут на совместной основе обратиться к третьей стороне с просьбой о предоставлении добрых услуг или обеспечении посредничества или примирения, или же, в зависимости от обстоятельств, воспользоваться любыми совместными учреждениями водотока, которые могли быть

созданы ими, или согласиться передать спор на рассмотрение арбитражного органа или Международного Суда.

3. С учетом положений пункта 10 в том случае, если по истечении шести месяцев начиная с даты просьбы о переговорах, упоминаемых в пункте 2, соответствующие стороны оказались не в состоянии обеспечить урегулирование спора между ними путем переговоров или применения любых других средств, о которых говорится в пункте 2, по просьбе любой из сторон в споре, если стороны не договорились об ином, спор становится предметом беспристрастного установления фактов в соответствии с пунктами 4 и 9.

4. Создается Комиссия по установлению фактов, в состав которой входят по одному члену, назначаемому каждой соответствующей Стороной, а также член, не являющийся гражданином любой из соответствующих сторон и выбираемый назначенными членами, который выполняет функции председателя.

5. Если члены, назначенные сторонами, не могут прийти к согласию в отношении кандидатуры председателя в течение трех месяцев начиная с даты просьбы о создании Комиссии, любая соответствующая Сторона может просить Генерального секретаря Организации Объединенных Наций назначить председателя, который не должен являться гражданином какой-либо из сторон в споре или какого-либо прибрежного государства соответствующего водотока. Если одна из сторон не назначает члена в течение трех месяцев после первоначальной просьбы согласно пункту 3, любая другая соответствующая Сторона может просить Генерального секретаря Организации Объединенных Наций назначить лицо, не являющееся гражданином какой-либо из сторон в споре или какого-либо прибрежного государства соответствующего водотока. Назначенное таким образом лицо представляет собой Комиссию в составе одного члена.

6. Комиссия определяет свою собственную процедуру.

7. Соответствующие стороны обязаны предоставлять комиссии такую информацию, какая может ей потребоваться, и, по ее просьбе, разрешать Комиссии иметь доступ на их соответствующую территорию и осуществлять инспекцию любых объектов, установок, оборудования, сооружений или естественных образований, имеющих отношение к цели ее расследования.

8. Комиссия принимает свой доклад большинством голосов, если она не состоит из одного члена, и представляет этот доклад соответ-

ствующим сторонам с изложением своих выводов и их обоснований, а также таких рекомендаций, которые она считает уместными в целях справедливого урегулирования спора; соответствующие стороны рассматривают такие рекомендации в духе добросовестности.

9. Расходы Комиссии распределяются поровну между соответствующими государствами.

10. При ратификации, принятии или утверждении настоящей Конвенции или присоединении к ней, а также на любом последующем этапе Сторона, которая не является организацией региональной экономической интеграции, может в соответствующей форме представить депозитарию заявление о том, что в связи с любым спором, не урегулированным в соответствии с положениями пункта 2, она применяет в качестве обязательной меры *ipso facto* и без необходимости дополнительного соглашения применительно к любой Стороне, принимающей дополнительное обязательство:

а) передачу спора в Международный Суд; и / или

б) арбитражное разбирательство спора арбитражным органом, созданным и функционирующим в соответствии с процедурой, изложенной в Приложении к настоящей Конвенции, если стороны в споре не договорились об ином.

Сторона, которая является организацией региональной экономической интеграции, может сделать заявление с аналогичными последствиями применительно к арбитражу в соответствии с подпунктом «б».

Часть VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 34

Подписание

Настоящая Конвенция открыта для подписания всеми государствами и региональными организациями экономической интеграции с 21 мая 1997 года по 20 мая 2000 года в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Статья 35

Ратификация, принятие, утверждение или присоединение

1. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, принятию, утверждению или присоединению государствами и региональными организациями экономической интеграции. Ратификационные грамоты и до-

кументы о принятии, утверждении или присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

2. Любая региональная организация экономической интеграции, которая становится Стороной настоящей Конвенции в случае, когда ни одно из ее государств – членов не является Стороной, принимает на себя все обязательства по Конвенции. В случае таких организаций, одно или более государств – членов которых являются Стороной настоящей Конвенции, эта организация и ее государства – члены решают вопрос о своих соответствующих обязанностях, касающихся выполнения их обязательств по Конвенции. В таких случаях эта организация и государства – члены не правомочны одновременно осуществлять права по настоящей Конвенции.

3. В своих ратификационных грамотах, документах о принятии, утверждении или присоединении региональные организации экономической интеграции заявляют о сфере своей компетенции в отношении вопросов, регулируемых настоящей Конвенцией. Эти организации также информируют Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о любых существенных изменениях в сфере их компетенции.

Статья 36

Вступление в силу

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций тридцать пятой ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении.

2. Для каждого государства или региональной организации экономической интеграции, которые ратифицируют, принимают или утверждают Конвенцию или присоединяются к ней после сдачи на хранение тридцать пятой ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении, Конвенция вступает в силу на девяностый день после сдачи на хранение этим государством или региональной организацией экономической интеграции своей ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении.

3. Для целей пунктов 1 и 2 любой документ, сданный на хранение региональной организацией экономической интеграции, не засчитывается в число документов, сданных на хранение государствами.

Статья 37

Аутентичные тексты

Подлинник настоящей Конвенции, тексты которой на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся полномочные представители, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в Нью-Йорке двадцать первого мая тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

(Подписи)

Приложение

АРБИТРАЖ

Статья 1

Если стороны спора не договорились об ином, арбитражное разбирательство в соответствии со статьей 33 Конвенции осуществляется согласно статьям 2–14 настоящего Приложения.

Статья 2

Сторона - истец уведомляет сторону - ответчика о том, что она передает спор на арбитражное разбирательство в соответствии со статьей 33 Конвенции. Уведомление содержит изложение предмета арбитражного разбирательства и включает, в частности, статьи Конвенции, относительно толкования или применения которых возник спор. Если стороны не договорились о предмете спора, то предмет определяется арбитражным судом.

Статья 3

1. При споре между двумя сторонами арбитражный суд состоит из трех членов. Каждая из сторон спора назначает одного арбитра, и два назначенных таким образом арбитра по взаимному согласию назначают третьего арбитра, выполняющего функции председателя суда. Пос-

ледний не может быть гражданином одной из сторон спора или любого прибрежного государства соответствующего водотока, не может иметь своим обычным местом жительства территорию одной из этих сторон или такого прибрежного государства водотока или в каком-либо ином качестве иметь отношение к этому делу.

2. При споре между более чем двумя сторонами те стороны, которые имеют общий интерес в споре, по взаимному согласию вместе назначают одного члена суда.

3. Любая вакансия заполняется согласно процедуре, предусмотренной для первоначального назначения.

Статья 4

1. Если по истечении двух месяцев после назначения второго арбитра не назначен председатель арбитражного суда, то, по просьбе сторон, Председатель Международного Суда назначает его в течение следующих двух месяцев.

2. Если одна из сторон спора не назначает арбитра в течение двух месяцев после получения просьбы, другая сторона вправе информировать об этом Председателя Международного Суда, который производит назначение в течение следующих двух месяцев.

Статья 5

Арбитражный суд выносит свои решения в соответствии с положениями настоящей Конвенции и нормами международного права.

Статья 6

Если стороны спора не договорились об ином, арбитражный суд определяет свои собственные правила процедуры.

Статья 7

Арбитражный суд может, по просьбе одной из сторон, рекомендовать необходимые временные меры защиты.

Статья 8

1. Стороны спора содействуют работе арбитражного суда и, в частности, используют все имеющиеся в их распоряжении возможности:

а) представляют ему все относящиеся к делу документы, информацию и материалы; и

б) в случае необходимости дают ему возможность вызвать свидетелей или экспертов и ознакомиться с их показаниями.

2. Стороны и арбитры обязаны обеспечивать конфиденциальность любой информации, которую они получают в конфиденциальном порядке в ходе разбирательства арбитражного суда.

Статья 9

Если арбитражный суд не примет иного решения, исходя из конкретных обстоятельств дела, судебные издержки распределяются между сторонами спора поровну. Суд регистрирует все свои издержки и представляет сторонам окончательный отчет об этих издержках.

Статья 10

Любая Договаривающаяся Сторона, имеющая в предмете спора интерес правового характера, который может быть затронут решением по делу, имеет право с согласия суда участвовать в слушании дела.

Статья 11

Суд может заслушивать встречные иски, вытекающие непосредственно из предмета спора, и принимать по ним решения.

Статья 12

Решения арбитражного суда по процедурным вопросам и вопросам существа принимаются большинством голосов его членов.

Статья 13

Если одна из сторон спора не является в арбитражный суд или не может выступить с защитой по своему делу, другая сторона может просить суд продолжить слушание и вынести свое окончательное решение. Отсутствие одной стороны или невозможность ее выступить с защитой по своему делу не является препятствием для разбирательства. До вынесения своего окончательного решения арбитражный суд должен убедиться в том, что иск является фактически и юридически обоснованным.

Статья 14

1. Суд выносит окончательное решение в течение пяти месяцев после даты своего окончательного учреждения, если только он не сочтет необходимым продлить этот срок еще на один период, не превышающий пяти месяцев.

2. Окончательное решение арбитражного суда ограничивается предметом спора и сопровождается объяснением мотивов, на которых оно основывается. Оно содержит имена членов, которые участвовали в его принятии, и дату принятия окончательного решения. Любой член суда может приложить особое мнение или мнение, расходящееся с окончательным решением.

3. Постановление является обязательным для сторон спора. Оно не подлежит обжалованию, если только стороны спора не договорились заранее о процедуре обжалования.

4. Любые разногласия, которые могут возникнуть между сторонами спора относительно толкования или порядка выполнения окончательного решения суда, могут быть переданы любой из Сторон на рассмотрение арбитражного суда, который вынес это решение.

Право несудоходных видов использования международных водотоков

*Саваськов П.В.**

21 мая 1997 г. Генеральная Ассамблея ООН на своей пятьдесят первой сессии резолюцией A/RES/51/229 приняла Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков.

Необходимость принятия такой конвенции обуславливалось тем значением международных водотоков, которое они стали приобретать особенно во второй половине прошедшего столетия для осуществления различных несудоходных целей: гидроэнергетических, промышленных, хозяйственно-бытовых, рыболовных и др. Деятельность государства по использованию международного водотока в тех или иных целях не могла не затрагивать права и интересы других государств. В связи с этим, начиная с 20-х годов XX столетия, когда в 1923 г. в Женеве была заключена Конвенция об устройстве гидротехнических сооружений, затрагивающих интересы нескольких государств, было заключено относительно большое число региональных (с ограниченным числом участников) и двусторонних договоров, направленных на регулирование возникающих в связи с использованием международных водотоков вопросов. Можно сказать, что к 90-м годам XX века международное сообщество накопило достаточный опыт сотрудничества государств в области использования международных водотоков. Однако универсального механизма, который устанавливал бы общие принципы и нормы сотрудничества государств по использованию международных водотоков в несудоходных целях, не было. В связи с этим Генеральная Ассамблея поручила Комиссии международного права подготовить проект договора. Такой проект был подготовлен. Он получил одобрение Шестого комитета ООН и, как упоминалось выше, был принят Генеральной Ассамблеей ООН.

* Саваськов Павел Васильевич - к.ю.н., профессор МГИМО (У) МИД России.

Эта конвенция, как следует из ее преамбулы, является результатом кодификации и прогрессивного развития международного права. Иными словами, ряд ее положений, несмотря на то, что эта конвенция не вступила в силу, действуют в качестве обычных норм общего международного права.

Объектом конвенции являются международные отношения, касающиеся использования международных водотоков и их вод в любых целях, за исключением судоходства, а также мер защиты, сохранения и управления при использовании водотоков и их вод.

Международные водотоки, как установлено в ст. 2 конвенции, - это водотоки, части которого находятся в различных государствах. В свою очередь, под водотоком понимается «система поверхностных и грунтовых вод, составляющих в силу своей физической взаимосвязи единое целое и обычно имеющих общее окончание» (ст. 2). Таким образом, международные водотоки включают реки, озера, иные водоемы, а также подземные воды, которые расположены на территориях двух или более государств.

По своему характеру конвенция является рамочной: она содержит общие положения и принципы, которыми должны руководствоваться государства как при осуществлении деятельности в одностороннем порядке по использованию международных водотоков, так и при осуществлении сотрудничества с другими государствами при таком использовании. В конвенции отсутствуют какие-либо технические нормы и стандарты, а также иные специальные правила, касающиеся различных видов использования международных водотоков. Они устанавливаются государствами при заключении двусторонних и иных договоров, регулирующих их деятельность по использованию таких водотоков.

К указанным общим положениям и принципам относятся следующие.

Любое государство, на территории которого расположена часть международного водотока, может участвовать в переговорах о заключении договора об использовании этого водотока и участвовать в консультациях. Более того, государство может стать участником любого договора, которое касается использования всего международного водотока (ст. 4 конвенции). Иными словами, конвенция устанавливает принцип, в соответствии с которым договор об использовании международного водотока является в целом открытым для любого государства водотока, даже если оно не участвовало в переговорах по заклю-

чению такого договора и в договоре нет специальных положений о возможности его присоединения в будущем. Какого-либо согласия на участие этого государства не требуется со стороны других государств, заключивших договор.

Государство, осуществляя свою деятельность, обязано руководствоваться принципом справедливого и разумного использования международного водотока, что подразумевает, в частности, необходимость соблюдения интересов других государств и учета таких факторов, как географические, гидрологические, экологические особенности водотока, социально-экономические потребности государств, зависимость населения от водотока, сохранение и защиту водных ресурсов водотока (ст. 5-6).

Конвенция предусматривает и такой принцип, как обязательство государства принимать на своей территории все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба другим государствам, на территории которых находится международный водоток (ст. 7).

Как известно, общее международное право закрепляет и такой принцип, как обязанность государств сотрудничать друг с другом как в поддержании международного мира и безопасности, так и в других областях, например, в экономической, социальной, культурной и технической. Рассматриваемая конвенция также предусматривает, что государства, осуществляя свою деятельность по использованию международного водотока обязаны сотрудничать друг с другом на основе принципов суверенного равенства, взаимной выгоды и добросовестности. Сами государства, участники конвенции, будут определять, формы и способы указанного сотрудничества, например, следует ли создавать какие-нибудь совместные механизмы или комиссии, которые могли бы способствовать осуществлению надлежащего сотрудничества (ст. 8).

Государства водотока в силу статьи 9 осуществляют на регулярной основе обмен легкодоступными данными и информацией о состоянии водотока (например, гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера или же о качестве воды).

В соответствии с конвенцией ни один вид использования международного водотока не пользуется приоритетом. Более того, если возникает противоречие между различными видами использования, то оно должно разрешаться с особым учетом необходимости удовлетворения насущных человеческих потребностей.

Ряд статей конвенции посвящен взаимоотношениям государств при планировании мероприятий относительно использования международного водотока. В этом случае государствам следует обмениваться не только информацией и проводить консультации, но и вступать в переговоры о возможных последствиях планируемых мероприятий для состояния международного водотока.

Если планируемые мероприятия могут вызвать значительные неблагоприятные последствия для международного водотока, то государство, прежде чем осуществлять такие мероприятия, должно направить соответствующее уведомление. Если заинтересованные стороны не договорятся об ином, то уведомляемым государствам предоставляется срок в шесть месяцев для изучения и оценки возможных последствий планируемых мероприятий и подготовки ответа. Если определение такой оценки встречает трудности, то указанный срок может быть продлен еще на шесть месяцев. В течение этого периода уведомляющее государство не осуществляет планируемые мероприятия без согласия уведомляемых государств. Если же уведомляющее государство не получит в течение указанного периода ответа, то оно может приступить к осуществлению планируемых мероприятий.

Если же государство, планирующее проведения каких-либо мероприятий, которые могут иметь значительные неблагоприятные последствия для водотока, не направило уведомления об этих мероприятиях другому государству, то последнее имеет право потребовать предоставления соответствующих данных и информации. Такое требование должно быть обоснованным.

Конвенция предусматривает и механизмы решения возникающих разногласий относительно планируемых мероприятий. Так, заинтересованные государства обязаны прибегнуть к консультациям и переговорам для достижения справедливого урегулирования разногласий.

Как показывает международная практика, любая деятельность по использованию водотоков и морской среды чревата необратимыми вредными последствиями. Учитывая это, конвенция устанавливает общие положения, касающиеся защиты и сохранения экосистемы международных водотоков. Предусматривается, в частности, что государства, как индивидуально, так и совместно обязаны предотвращать, сокращать и сохранять под контролем загрязнение международных водотоков, которое может нанести значительный ущерб другим государствам или окружающей среде, включая, например, ущерб здо-

ровью или безопасности населения. Кроме того, государствам предлагается предпринимать меры, которые способствовали бы согласованию политики в области предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения международного водотока.

Следует обратить внимание на определение понятия «загрязнения международного водотока», под которым понимается «любое пагубное изменение состава или качества вод международного водотока, которое прямо или косвенно является результатом деятельности человека» (ст. 21). Можно сравнить это определение с теми, которые даются в других договорах. Так, в статье 2 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. под загрязнением понимается привнесение человеком, прямо или косвенно, в морскую среду веществ или энергии, которое привело или может привести к таким пагубным последствиям, как, например, вред живым организмам или опасность для здоровья человека. Если сравнить приведенные положения, то определение загрязнения, данное в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, является более широким.

Конвенция провозглашает, что международные водотоки в период международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера находятся под защитой в соответствии с международным правом.

Конвенция предусматривает и механизмы разрешения споров, которые могут возникать в связи с деятельностью по использованию международных водотоков. В частности, среди этих механизмов названы обращение к третьей стороне с просьбой о предоставлении добрых услуг, обеспечения посредничества или примирения. Стороны могут передать спор и на рассмотрение арбитражного органа или Международного Суда ООН.

Для установления фактов, которые вызвали спор, создается специальная комиссия (Комиссия по установлению фактов), в состав которой входят по одному члену, который назначается соответствующей спорящей стороной, а также член, который не является гражданином ни одной из таких сторон. Названный член комиссии выполняет функции председателя. Комиссия может состоять и из одного члена. В соответствии с конвенцией комиссия не только устанавливает факты, но и дает рекомендации по урегулированию споров. Иными словами, компетенция данной комиссии охватывает как функции следственной комиссии, так и комиссии по примирению.

Государства при ратификации, принятии или утверждении конвенции или присоединении к ней либо в любое другое время может признать по любому спору в связи с применением рассматриваемой конвенции обязательной юрисдикцию Международного Суда ООН или арбитражного органа, который будет создан в соответствии с Приложением к Конвенции. В последнем случае государства могут договориться и об урегулировании спора иными средствами. В соответствии с этим Приложением государства, стороны в споре, создает арбитраж в составе трех членов. Каждая из сторон назначает по одному члену, которые в свою очередь по взаимному согласию назначают третьего члена, осуществляющего функции председателя. Арбитраж должен вынести решение по спору в течение пяти месяцев после его формирования, которое является обязательным для спорящих сторон.

Конвенция не вступила в силу, поскольку на октябрь 2002 г. ее ратифицировало всего шестнадцать государств. В соответствии с конвенцией она вступает в силу на девяностый день после сдачи государствами на хранение Генеральному секретарю ООН тридцать пятой ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении. Участницей конвенции может стать и региональная организация экономической интеграции. Однако документ, выражающий согласие такой организации на обязательность конвенции, не засчитывается в число документов, сданных государствами депозитарию.

Конвенция не запрещает заявления оговорок. Если же оговорки будут заявляться, то они не должны противоречить объекту или целям конвенции.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь (Москва, 17 января 2001 г.)

Российская Федерация и Республика Беларусь, в дальнейшем именуемые Сторонами,

основываясь на Соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года (в дальнейшем именуемом Соглашением 1992 года) и Договоре о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 года,

в целях реализации Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года и Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании равных условий субъектам хозяйствования от 25 декабря 1998 года,

признавая необходимость в интересах развития экономического сотрудничества обеспечить беспрепятственное исполнение судебных актов компетентных судов одной Стороны на территории другой Стороны и учитывая, что настоящее Соглашение распространяется только на хозяйствующие субъекты Российской Федерации и Республики Беларусь, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Судебные акты компетентных судов Сторон не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства на основании исполнительных документов судов, принявших решения.

Под компетентными судами понимаются арбитражные суды Российской Федерации и хозяйственные суды Республики Беларусь, которые вправе рассматривать споры в соответствии с правилами, установленными статьей 4 Соглашения 1992 года.

Статья 2

Исполнительные документы, подписанные судьей и скрепленные гербовой печатью компетентного суда, представляются на русском языке и не требуют легализации.

Статья 3

Исполнительный документ на взыскание денежных средств направляется взыскателем непосредственно в банк или иную кредитную организацию, обслуживающую должника, если взыскатель располагает сведениями об имеющихся там счетах должника и о наличии на них денежных средств. Банк или иная кредитная организация на основании исполнительного документа производит списание присужденной суммы со счета должника в таком же порядке, что и при получении указанных документов от организации, находящейся с таким банком или кредитной организацией на территории одного государства.

Если взыскатель такими сведениями не располагает или на счете должника недостаточно средств для погашения всей присужденной суммы долга, а также в иных случаях, исполнительный документ направляется взыскателем (или по его указанию банком либо иной кредитной организацией) судебному приставу-исполнителю (судебному исполнителю) для исполнения в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой необходимо произвести исполнение.

Статья 4

Спорные вопросы, которые могут возникнуть в связи с толкованием положений настоящего Соглашения, подлежат урегулированию путем консультаций и переговоров между Сторонами.

Статья 5

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты последнего письменного уведомления о выполнении Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Изменения и дополнения могут быть внесены в настоящее Соглашение по взаимному согласию Сторон.

Статья 6

Каждая из Сторон может прекратить настоящее Соглашение путем направления письменного уведомления другой Стороне. В этом случае Соглашение прекращается в первый день месяца, следующего по

истечении шести месяцев после даты получения одной Стороной уведомления другой Стороны.

Совершено в Москве 17 января 2001 г. в двух экземплярах, каждый на русском и белорусском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Российскую Федерацию
(подпись)

За Республику Беларусь
(подпись)

Текст Соглашения официально опубликован на момент сдачи материала еще не был.

**Распоряжение Президента РФ от 22 ноября 2000 г.
№ 523-рп «О подписании Соглашения между Российской
Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного
исполнения судебных актов арбитражных судов
Российской Федерации и хозяйственных судов Республики
Беларусь»**

Принять предложение МИДа России, согласованное с Минюстом России и Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, о подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь.

Одобрить предварительно проработанный с Белорусской Стороной проект Соглашения (прилагается).

Поручить МИДу России по достижении договоренности с Белорусской Стороной подписать от имени Российской Федерации указанное Соглашение, разрешив вносить по согласованию с Минюстом России в прилагаемый проект изменения и дополнения, не имеющие принципиального характера.

Президент Российской Федерации

В. Путин

22 ноября 2000 года
№ 523-рп

Текст распоряжения опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 27 ноября 2000 г., № 48, ст. 4687.

**Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2002 г.
№ 113 «Об одобрении и представлении Президенту
Российской Федерации для внесения на ратификацию
Соглашения между Российской Федерацией и Республикой
Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов
арбитражных судов Российской Федерации и
хозяйственных судов Республики Беларусь»**

Правительство Российской Федерации постановляет:

Одобрить и представить Президенту Российской Федерации для внесения на ратификацию в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь, подписанное в Москве 17 января 2001 г.

Председатель Правительства
Российской Федерации

М. Касьянов

Москва
18 февраля 2002 г.
№ 113

*Текст постановления опубликован в Собрании законодательства
Российской Федерации от 25 февраля 2002 г., № 8, ст. 853.*

Письмо Президента РФ от 1 апреля 2002 г. № Пр-551 в Государственную Думу

На основании пункта «г» статьи 84 Конституции Российской Федерации и в соответствии с Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» вношу в Государственную Думу на ратификацию Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь, подписанное в г. Москве 17 января 2001 г.

Соглашение направлено на реализацию Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. и Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании равных условий субъектам хозяйствования от 25 декабря 1998 г. и решение задач правового обеспечения интеграционных процессов в рамках двух государств.

Соглашение отвечает интересам Российской Федерации.

Проект федерального закона, распоряжение о назначении официального представителя, заверенная копия Соглашения и пояснительная записка прилагаются.

В. Путин

Текст письма официально опубликован не был.

**Федеральный закон от 11 июля 2002 г. № 90-ФЗ
«О ратификации Соглашения между Российской
Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного
исполнения судебных актов арбитражных судов
Российской Федерации и хозяйственных судов
Республики Беларусь»**

Принят Государственной Думой 19 июня 2002 года

Одобен Советом Федерации 26 июня 2002 года

Ратифицировать Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь, подписанное в городе Москве 17 января 2001 года.

Президент Российской Федерации

В. Путин

Москва, Кремль

11 июля 2002 года

№ 90-ФЗ

Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 16 июля 2002 г., № 128; в Собрании законодательства Российской Федерации от 15 июля 2002 г., № 28, ст. 2794.

Валерий Иванович Кузнецов

(1940 – 2002)

16 октября 2002 г. скоропостижно скончался Валерий Иванович Кузнецов, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Комиссии международного права ООН, член Исполкома Российской ассоциации международного права, член Постоянной палаты третейского суда в Гааге, член диссертационного совета по юридическим наукам при МГИМО (У) МИД России, член редколлегии «Московского журнала международного права».

Невосполнимую утрату понесли отечественная наука международного права и профессорско-преподавательский корпус.

Валерий Иванович – автор ряда монографий, научных статей и учебников по международному праву. Под его руководством были защищены многие кандидатские диссертации.

Валерий Иванович активно участвовал в дипломатической жизни страны, многие годы являлся членом Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, в составе отечественных делегаций разрабатывал Декларацию принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН, 1970 г., Определение агрессии 1974 г.

Юрий Евгеньевич Карлов **(1937-2002)**

12 декабря 2002 г. ушел из жизни член редколлегии «Московского журнала международного права», Чрезвычайный и Полномочный Посол, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии МГИМО (У) МИД России Карлов Юрий Евгеньевич.

Юрий Евгеньевич окончил в 1961 г. МГИМО МИД СССР, в 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является автором многочисленных трудов по конституционному и международному праву.

Кадровый дипломат, Юрий Евгеньевич Карлов прошел путь от секретаря консульского отдела Посольства СССР в Румынии до официального представителя в ранге Посла в Ватикане и при Мальтийском ордене. Ряд лет посвятил ответственной работе по линии ЮНЕСКО.

В 1998-2002 гг. работал профессором кафедры международного права МГИМО (У) МИД России, блестяще читал лекции, используя богатый опыт дипломатической работы, руководил аспирантами, принимал активное участие во всех аспектах деятельности кафедры.

Юрий Евгеньевич был награжден орденами и медалями, в том числе иностранными.

В последние годы активно работал в Совете ассоциации «Россия-Италия» и в Христианском комитете за сближение народов, участвовал в подготовке проектов законов о свободе совести и религиозных организациях.

Друзья, коллеги и ученики Юрия Евгеньевича понесли невосполнимую утрату. Память о нем, верном товарище и мудром сослуживце, надолго сохранится в наших сердцах.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

статей и материалов, опубликованных в «Московском журнале международного права» в 2002 году

Вопросы теории

Борисов И.Б., Малеев Ю.Н. Основные права и обязанности государств в избирательном процессе (№1/2002)

Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности (№3/2002)

Рогожин С.Л. Международное право как диалог и столкновение цивилизаций (№3/2002)

Шумилов В.М. Международное право и Глобальная правовая система (№4/2002)

Международная правосубъектность

Силкина И.В. Международно-правовая унификация института иммунитета государства: новые тенденции (№4/2002)

Международная борьба с преступностью

Лукьянцев Г.Е. О проблематике терроризма в контексте прав человека (№2/2002)

Международная безопасность

Устинов В.В. Проблемы и перспективы разработки Всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом (№1/2002)

Мамедов Э.Т. Политические и военно-правовые аспекты концепции «открытое небо» (№4/2002)

Права человека

Бойченко Ю.А. Из истории формирования правового регулирования чрезвычайных ситуаций (№1/2002)

Иванов Д.В. Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР): история создания, международно-правовые аспекты деятельности и перспективы (№1/2002)

Бекашев Д.К. Международно-правовое регулирование репатриации моряков (№2/2002)

Зимненко Б.Л. Недействительность оговорок к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (№2/2002)

Решетов Ю.А. О рассмотрении частных жалоб конвенционными органами ООН (№2/2002)

Григорашенко Л.А., Бирюков П.Н. Международно-правовые аспекты права на объединение в профессиональные союзы (№3/2002)

Зимненко Б.Л. Европейским судом по правам человека принято первое решение по существу против Российской Федерации (№3/2002)

Смирнова Е.С., Смирнов М.Г. Европейское гражданство и решение вопросов национальной, социальной и культурной политики в рамках коммунитарных структур Европейского Союза (№3/2002)

Правовые аспекты СНГ

Анисимов Л.Н. Механизмы разрешения споров и предотвращения конфликтов между государствами-участниками СНГ (№1/2002)

Международное экономическое право

Кукушкина А.В. Концепция устойчивого развития (экологический, экономический и социальный аспекты) (№1/2002)

Линников А.С. Основы правового регулирования банковской деятельности в Европейском Союзе (№1/2002)

Тихоновецкий Д.С. Проблема прецедента в праве ЕС (№1/2002)

Клемин А.В. О договорах между ЕС и Россией (№2/2002)

Акопова И.Г. Эволюция Европейской экономической и валютной интеграции (№3/2002)

Линников А.С. Европейский валютный союз: история формирования и механизм действия на современном этапе (№4/2002)

Тастанова А.К. Договорно-правовая база финансовых отношений Республики Казахстан со странами азиатского региона (№4/2002)

Международно-правовое сотрудничество в области культуры

Молчанов С.Н. Международно-правовое сотрудничество в области культуры (№4/2002)

Международное экологическое право

Сейтбеков Т.Е. Правовая значимость и роль принципов охраны окружающей среды в сфере ракетно-космической деятельности (№4/2002)

Международное и внутригосударственное право

Хижняк В.С. Проблема соотношения внутригосударственного права России и международного права: исторический аспект (№1/2002)

Муранов А.И. Международный коммерческий арбитраж в актах КС РФ (№2/2002)

Тузмухамедов Б.Р. Римский Статут Международного уголовного суда: возможные вопросы конституционности (№2/2002)

Воробьев В.П. Израиль: государство и религия (№4/2002)

Вопросы территории

Клеченов Г.Е. Территориальные споры в Латинской Америке в условиях глобализации и борьбы с международным терроризмом (№4/2002)

Мелков Г.М. Испания – Марокко: территориальный спор (№4/2002)

Постнов В.В. Морские границы России (№4/2002)

Международное космическое право

Малышева Н.Р., Негода С.А. Правовые проблемы осуществления космической деятельности государствами Азии (№1/2002)

Международные организации

Верещетин В.С. Международный суд ООН на новом этапе (№2/2002)

Штраус Айра Мифы и мистификации о НАТО и международном праве (№2/2002)

Геворкян А.Т. Европейская социальная хартия и ее реформа (№2/2002)

Молодцова М.А. Деятельность Лиги арабских государств в области поддержания международного мира и безопасности (№2/2002)

Право международных договоров

Бахин С.В. Правовые проблемы договорной унификации (№1/2002)

Международное гуманитарное право

Шенгелия М.М. Боеприпасы из обедненного урана (№1/2002)

Международное частное право

Муранов А.И. Еще раз об обязательности решений международного коммерческого арбитража и внутринациональных третейских решений по российскому праву (№1/2002)

Елисеев Н.Г. История возникновения и общая характеристика Брюссельской и Луганской конвенций о подсудности и исполнении судебных постановлений по гражданским и торговым делам (№3/2002)

Кудашкин В.В. Закономерности правового регулирования международных частных отношений (№3/2002)

Муранов А.И. Компетенция судов общей юрисдикции рассматривать предпринимательские споры с участием иностранных лиц в свете нового АПК РФ (№3/2002)

Ратников К.Ю. Проблемы, связанные с реализацией акционерами, владеющими американскими депозитарными расписками, права на управление российскими акционерными обществами и их решение (№3/2002)

Деев А.В. Сравнительный анализ ипотеки по российскому праву и ипотечно-го залога по английскому праву (№4/2002)

Муранов А.И. Новый порядок взаимного исполнения актов арбитражных судов России и хозяйственных судов Белоруссии. Соглашение от 17 января 2001 г.: значение и проблемы (№4/2002)

Скачков Н.Г. Международно-правовое регулирование налогообложения доходов от использования имущества физических лиц (№4/2002)

Ходыкин Р.М. Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве (№4/2002)

Черниченко О.С. Устранение конкуренции юрисдикций государств: внутри-государственные и международно-правовые подходы (№4/2002)

Международная частноправовая практика адвокатской фирмы «Монастырский, Зюба, Семенов & партнеры»

Монастырский Ю.Э. О значении иностранного права в установлении требований в процессах по банкротству в РФ (пример судебной практики 2000 г.) (№1/2002)

Монастырский Ю.Э. Основные особенности пророгационных соглашений в Российской Федерации (№2/2002)

Страницы истории

Красов С.И. Куйбышев дипломатический (1941 год) (№3/2002)

Дискуссия

Гаврилов В.В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики (№3/2002)

Трибуна преподавателя и студента

Сафонова О.Н. Методика преподавания курса международное право (№1/2002)

Хмелева Я.В. На практике в Лондоне (№1/2002)

Голоса молодых

Вознесенский Н.Н. Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод: правовые аспекты перевода на русский язык (№1/2002)

Барановский П.Д. Судебная юрисдикция по делам о трансграничных нарушениях авторских и смежных прав в сети Интернет (№2/2002)

Книжная полка

Демуренко Д.В. Войска на иностранных территориях – по какому праву? (The Handbook of the Law of Visiting Forces/Ed. Dieter Fleck. Oxford University Press, Oxford, New York 2001, xxxv, 625 p.) (№1/2002)

Кукушкина А.В. Рецензия на монографию Шнекендорфа З.К. Путеводитель по Конвенции о правах ребенка (М., 2001г.) (№1/2002)

Сорокин А.В. Йонас Бергхольцас. Морское право (публичное): учебное пособие. Рига. 1997 (№1/2002)

Денисов В.И. Рецензия на монографию В.П. Воробьева «Высшие органы власти Государства Израиль» (№1/2002)

Бекашев К.А., Скачков Н.Г. Новое учебное пособие (Международное частное право: Учебник для вузов. Подготовлен коллективом авторов под редакцией профессора Н.И. Марышевой. Москва, 2000 г. – 532 с.) (№2/2002)

Иванов Д.В. Беженцы в международном праве: история, теория, практика. (Рецензия на монографию Ибрагимова А.М. «Международно-правовое положение беженцев». – Махачкала: Издательство «Юпитер», 2000. – 192 с. (№2/2002)

Кривчикова Э.С. Международный контроль – важное средство достижения эффективности международного права (Валеев Р.М. Контроль в современном международном праве. – Казань: Издательство «Центр инновационных технологий», 2001. – 300 с.) (№2/2002)

Бекашев К.А., Скачков Н.Г. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ (Международное частное право и сравнительное правоведение: Авторы: Х. Кох, У. Магнус, П.Винклер фон Моренфельс. М., 2001 г. – 476 с. (№3/2002)

Зорин Ю.В. Глубокое монографическое исследование узкоспециальной проблемы современного российского международного гражданского процесса (Муранов А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов. – М., Юридический Дом “Юстицинформ”, 2002. 168 с.) (№3/2002)

Колосов Ю.М. Еще раз о соотношении международного публичного и международного частного права (Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. – Москва: Издательство «Спарк», 2002. – 415 с.) (№4/2002)

Хроника

Медведева Д.О. Студенческая научная жизнь в Московском государственном лингвистическом университете (№1/2002)

Мишаков А.А. Монтеррейская международная конференция по финансированию развития (№4/2002)

Ходыкин Р.М Научно-консультативная встреча с разработчиками принципов транснационального гражданского процесса (№4/2002)

Кто есть кто в нашей науке

Шулепов Николай Александрович (Москва) (№1/2002)

Бекашев Дамир Камильевич (Москва) (№2/2002)

Рахманов Аъзамжон Режапович (Ташкент) (№2/2002)

Болан Олег Иванович (Молдова) (№4/2002)

Документы

Резолюция СБ ООН S/RES/1368 от 12 сентября 2001 г. Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые актами терроризма (№1/2002)

Резолюция СБ ООН S/RES/1373 от 28 сентября 2001 г. Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами (№1/2002)

Указ Президента Российской Федерации о мерах по выполнению резолюции СБ ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. (№1/2002)

Резолюция СБ ООН S/RES/1377 от 12 ноября 2001 г. Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами (№1/2002)

Заявление РАМП О международном терроризме (№2/2002)

A/RES/55/61 от 22 января 2001 г. «Эффективный международно-правовой документ против коррупции» (№2/2002)

A/RES/56/18 от 9 января 2002 г. «Поддержание международной безопасности, добрососедство, стабильность и развитие в Юго-Восточной Европе» (№2/2002)

A/RES/56/19 от 7 января 2002 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» (№2/2002)

A/RES/56/21 от 21 декабря 2001 г. «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока» (№2/2002)

A/RES/56/24 S от 10 января 2002 г. «Мероприятия в развитие консультативного заключения Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения» (№2/2002)

A/RES/56/28 от 9 января 2002 г. «Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие»

Устав Межамериканской Комиссии по борьбе с наркотиками (№2/2002)

Комментарий Мишакова А.А. к Уставу Межамериканской Комиссии по борьбе с наркотиками (№2/2002)

Кодекс поведения экипажа Международной космической станции (№2/2002)

Комментарий Краснова А.Б., Яковенко А.В. к Кодексу поведения экипажа Международной космической станции как новый аспект правового регулирования действий физических лиц в ходе подготовки и осуществления космического полета (№2/2002)

Определение Конституционного суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Очаковский молочный завод” на нарушение конституционных прав граждан статьями 34 и 35 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” от 9 декабря 1999 года (№2/2002)

Определение Конституционного суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО АКБ “Сберегательный банк Российской Федерации” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 34 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” от 26 октября 2000 года (№2/2002)

Определение Конституционного суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Акционерной компании “Алроса” и запроса Верховного Суда Республики Саха (Якутия) о проверке конституционности пункта 1 статьи 35 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” от 15 мая 2001 года (№2/2002)

Бишкекская международная конференция на тему «Укрепление безопасности и стабильности в Центральной Азии: наращивание всесторонних усилий по противодействию терроризму» 13-14 декабря 2001 года Программа действий (№3/2002)

Проект статей об ответственности государств (№3/2002)

Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года)

Комментарий П.В. Саваськова (№4/2002)

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь (Москва, 17 января 2001 г.) (№4/2002)

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Правила поступления в 2002 году (№1/2002)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция московского журнала международного права информирует Вас о возможности приобретения отдельных номеров журнала за 1993-2000 гг. по специальной цене - 20 рублей за номер (без учета расходов по пересылке).

Ваши заказы просим отправлять в адрес редакции:

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76.

либо по тел.: **(095) 434 9313,**

либо на электронный адрес: **mjil@mgimo.ru**

Также Вы можете подписаться на наш журнал непосредственно в редакции и получить уже вышедшие номера за 2001 г. Цена подписки на журнал в редакции на 2002 г. установлена в размере 49 рублей за номер (без учета расходов по пересылке).

Редакция Московского журнала международного права

ISSN 0869-0049

